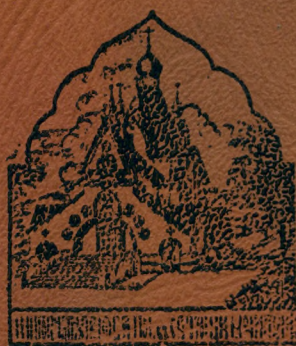

ПРОТОПРЕСВИТЕРЪ ГЕОРГИЙ ГРАББЕ.

ПРАВДА О РУССКОЙ ЦЕРКВИ

на Родинѣ и за Рубежомъ

(ПО ПОВОДУ КНИГИ С. В. ТРОИЦКАГО
«О НЕПРАВДѢ КАРЛОВАЦКАГО РАСКОЛА»).

Түпографія преп. Іоана Почаивскаго
Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y.

1961.

ПРОТОПРЕСВИТЕРЪ ГЕОРГІЙ ГРАББЕ.

ПРАВДА О РУССКОЙ ЦЕРКВИ

на Родинѣ и за Рубежомъ

(ПО ПОВОДУ КНИГИ С. В. ТРОИЦКАГО
«О НЕПРАВДѢ КАРЛОВАЦКАГО РАСКОЛА»).

Тѣпографіа прѣп. ѿшва почѣвскаго.
Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y.

1 9 6 1.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Русская богословская наука особенно сильно пострадала отъ революціи. Гоненія на Церковь, воздвигнутыя Совѣтской властью, прежде всего отразились на многихъ выдающихся нашихъ богословахъ, подвергшихся преслѣдованію. Духовныя Академіи были закрыты, богословскіе журналы и церковныя типографіи — уничтожены. Богословская наука замерла.

Лишь очень небольшое число профессоровъ богословія, оказавшихся за рубежомъ, могли продолжать свои ученые труды. Въ ихъ числѣ нашелся только одинъ спеціалистъ по церковному праву — С. В. Троицкій, получившій каѳедру въ Субботицкомъ Университетѣ въ Югославіи. Въ Россіи онъ былъ преподавателемъ въ С.-Петербургскомъ Духовномъ Училищѣ, чиновникомъ особыхъ порученій при Святѣйшемъ Синодѣ и короткое время доцентомъ новороссійскаго Университета въ 1919 - 1920 г.

Будучи единственнымъ русскимъ спеціалистомъ канонистомъ за рубежомъ, онъ естественно пріобрѣлъ тамъ въ этой области такой большой авторитетъ, котораго можетъ быть не имѣлъ бы у себя на Родинѣ при нормальныхъ условіяхъ.

Во всякомъ случаѣ, къ нему неоднократно обращались русскіе іерархи за совѣтомъ по ряду вопросовъ. Казалось, что онъ могъ бы быть до послѣднихъ дней своей жизни продолжателемъ славной традиціи русскихъ ученыхъ канонистовъ и давать безпристрастную научную оцѣнку возникающихъ проблемъ церковной жизни.

Къ сожалѣнію, С. В. Троицкій нынѣ показалъ намъ, что внѣшнія условія — выгода или страхъ — могутъ вліять на его совѣсть и давать то или иное направленіе его трудамъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ недавно вышедшая въ Парижѣ его книжка “О Неправдѣ Карловацкаго Раскола”, напечатанная Экзархатомъ Московской Патріархіи въ Западной Европѣ.

С. В. Троицкій не впервые высказывается по вопросамъ зарубежной русской церковной жизни. Онъ опубликовалъ ранѣе

рядъ статей, оказавшихъ большую помощь въ выясненіи канонической нормы, которая должна была примѣняться въ условіяхъ изгнанія изъ своей страны многихъ іерарховъ и чадъ Русской Церкви.

Справедливость требуетъ признанія, что никто другой, какъ именно С. В. Троицкій разставилъ въ свое время вѣхи того пути, по которому идетъ каноническая мысль покойнаго протопресвитера М. Польскаго въ его книгѣ “Каноническое положеніе Высшей Церковной Власти въ СССР и Заграницей” (Джорданвилль, 1948 г.) и каждаго изъ насъ, защитниковъ правъ свободы Русской Церкви за рубежомъ.

Новая книга С. В. Троицкаго, какъ и всѣ его сочиненія, отличается большой обстоятельностью. Въ ней использованъ громадный и разнообразный матеріаль. Однако, на этотъ разъ С. В. Троицкій оставилъ совершенно въ сторонѣ, безъ использованія и безъ опроверженія, весьма важные труды, которые совершенно иначе, чѣмъ его новая книга, трактуютъ многіе изъ затронутыхъ имъ вопросовъ... Я имѣю въ виду его собственныя статьи въ органахъ Зарубежной Церкви — Церковныхъ Вѣдомостяхъ и Церковной Жизни, а также его докладныя записки Архіерейскому Синоду Русской Православной Церкви Заграницей: 1) отъ 11-го апрѣля н. ст. 1937 г. по вопросу о томъ, къ кому, въ случаѣ смерти Митрополита Петра, должны перейти права и обязанности Патріаршаго Мѣстоблестителя и 2) о возможности и юридической правильности основанія православной русской епархіи въ Бельгіи, подчиненной Русскому Синоду въ Югославіи. Оба доклада сохранились въ дѣлахъ Архіерейскаго Синода Русской Православной Церкви Заграницей въ видѣ собственноручныхъ рукописей С. В. Троицкаго.

Къ этому надо прибавить, что, кромѣ того, С. В. Троицкій вмѣстѣ со мной, протоіереемъ Ломако и Т. Аметистовымъ былъ въ 1936 г. однимъ изъ каноническихъ совѣтниковъ при выработкѣ Совѣщаніемъ, созваннымъ Патріархомъ Сербскимъ Варнавой, Временнаго Положенія о Русской Православной Церкви Заграницей. Былъ онъ и членомъ Всезарубежнаго Собора 1938 г. Онъ былъ членомъ комиссіи, чрезъ которую проходилъ мой докладъ “Переходъ Митрополита Евлогія въ юрисдикцію Константинопольскаго Патріарха” (Дѣянія Второго Всезарубежнаго Собора Русской Православной Церкви Заграницей, Бѣлградъ, 1939 г.) и докладывалъ въ пленумѣ проектъ резолюціи, составленной мною на основаніи этого доклада и сужденій Комиссіи.

Итакъ, С. В. Троицкій теперь утверждаетъ то, что отрицалъ и съ чѣмъ боролся ранѣе самъ. Пишетъ онъ это не отрекаясь отъ своихъ прежнихъ статей и записокъ, а умалчивая о ихъ содержаніи.

Но можетъ-ли считать ихъ “не бывшими” объективный читатель? Вѣдь писалъ ихъ не простой журналистъ, а, какъ говорить о себѣ самъ авторъ, “послѣдній изъ могоканъ, — русскихъ канонистовъ стараго времени” (стр. 6). Если такой “послѣдній изъ могоканъ” выступаетъ противъ книги о. Польскаго, чтобы “раскрыть неправду и недобросовѣстность” ея покойнаго автора, то работа его должна быть внимательно разобрана путемъ сопоставленія ея съ прежними сужденіями критика, писанными въ условіяхъ несомнѣнной свободы.

Читатель долженъ обратить вниманіе на это послѣднее обстоятельство.

Передъ нами трудъ автора, не мало писавшаго по тому же разбираемому имъ вопросу, но по содержанию діаметрально противоположный прежнимъ его сочиненіямъ.

Читателю остается рѣшить вопросъ, когда “послѣдній изъ каноническихъ могоканъ” выражалъ подлинное научное сужденіе, а когда онъ служить отголоскомъ чуждаго Церкви источника. Тогда-ли, писалъ онъ правду, когда былъ въ условіяхъ полной свободы или когда оказался въ условіяхъ коммунистическаго тоталитаризма?

Впрочемъ, я берусь за перо не для того, чтобы унизить стараго ученаго, который въ страхъ за свою жизнь противорѣчитъ самъ себѣ и въ quasi-научной формѣ покрываетъ свои сѣдины безчестіемъ. Нѣтъ. Состраданіе къ нему скорѣе могло бы побудить меня къ молчанію.

Но печатное слово, къ которому приложена печать “послѣдняго изъ могоканъ” русской канонической науки, слишкомъ многихъ можетъ соблазнить. И это вынуждаетъ насъ передъ лицомъ высказанной печатно лжи въ такомъ же порядкѣ засвидѣтельствовать истину, хотя бы и пришлось при этомъ вскрыть безчестіе несчастнаго стараго профессора.

Въ своемъ изложеніи я не буду касаться всѣхъ деталей часто мелочной критики труда прот. М. Польскаго въ книгѣ С. В. Троицкаго.

Я не ставлю себѣ цѣлью оправдать каждую фразу о. М. Польскаго. Рѣчь идетъ не о томъ, былъ ли онъ безошибоченъ

въ каждой своей фразѣ, а о его трудѣ въ цѣломъ. Иначе говоря, рѣчь идетъ о всей его концепціи.

Если бы мы послѣдовали примѣру С. В. Троицкаго и шли подробно шагъ за шагомъ вслѣдъ за его мелочно-придирчивой критикой, то за кустарникомъ не увидѣли бы лѣса, и читатель могъ бы потерять главную нить въ трактуемыхъ вопросахъ. Однако, въ своемъ изложеніи мы въ общемъ будемъ слѣдовать порядку книги С. В. Троицкаго.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ВСЕРОССИЙСКИЙ СОБОРЪ.

По справедливому утверждению С. В. Троицкаго Зарубежная Церковь могла получить право на свое каноническое существованіе отъ канонически-правильнаго Управленія Русской Церкви. Т. к. она опирается на постановленія Всероссійскаго Собора 1917 — 1918 г. и установленныхъ имъ органовъ управленія, то С. В. Троицкій, желая опровергнуть ея права на существованіе, прежде всего старается опорочить значеніе Всероссійскаго Церковнаго Собора 1917-1918 г. и, въ особенности, его постановленій, направленныхъ противъ Совѣтской Власти.

С. В. Троицкій находитъ, что Всероссійскій Соборъ имѣлъ неизвѣстный канонамъ составъ, ибо въ немъ участвовали не одни епископы, но также и представители клира и мірянъ. Онъ не замалчиваетъ того факта, что на Соборѣ законную силу получали только постановленія, утвержденныя Епископскимъ Совѣщаніемъ и что такимъ образомъ постановленія Общихъ Собраній въ сущности были лишь предложеніями со стороны такихъ Собраній Епископскому Совѣщанію, а “общія собранія, на самомъ дѣлѣ, были не засѣданіями Собора, а лишь совѣщаніями епископовъ, клириковъ и мірянъ, тогда какъ засѣданіями Собора, въ каноническомъ смыслѣ, были лишь епископскія совѣщанія” (стр. 7-8).

Это совершенно безспорно. Но совершенно безосновательно заявленіе С. В. Троицкаго, будто на постановленія Всероссійскаго Собора “никакъ нельзя смотрѣть, какъ на голосъ Православной Русской Церкви” (стр. 8).

С. В. Троицкій указываетъ для этого въ сущности два мотива: 1) неизвѣстный канонамъ составъ Собора и 2) Руководящую роль опытныхъ въ разнаго рода собраніяхъ мірянъ, враждебно относящихся къ Совѣтской власти, вліявшихъ на постановленія, кои Епископское Совѣщаніе не нашло возможнымъ “кас-

сировать”, будучи морально связано своимъ участіемъ въ постановленіяхъ общихъ собраній *).

Отвѣтимъ сначала на послѣдній аргументъ.

Если Епископское Совѣщаніе не кассировало извѣстныхъ постановленій, то, значить, оно ихъ утвердило. Съ юридической и канонической точки зрѣнія эти постановленія т. о. стали постановленіями Епископовъ. Значить, С. В. Троицкій можетъ съ ними соглашаться или не соглашаться, но не имѣеть основанія отрицать ихъ каноническое значеніе.

Впрочемъ, тутъ мы подходимъ къ его первому возраженію. Вопросъ можно формулировать еще и такъ: Надо-ли считать, что участіе во Всероссійскомъ Соборѣ представителей клира и мірянъ лишаетъ силы его опредѣленія?

Авторитетныя свидѣтельства говорятъ противъ этого.

Какъ извѣстно, вопросъ объ участіи представителей клира и мірянъ на Соборѣ былъ предметомъ особенно тщательнаго обсужденія еще до революціи на Предсоборномъ Присутствіи, въ которомъ участвовали цвѣтъ нашей богословской науки и канонисты гораздо болѣе авторитетные, чѣмъ нашъ “послѣдній изъ могиканъ русскихъ канонистовъ стараго времени”. При этомъ вопросъ объ участіи пресвитеровъ и мірянъ былъ разрѣшенъ всѣми членами соотвѣтствующаго отдѣла подъ предсѣдательствомъ архіепископа Херсонскаго Димитрія въ положительномъ смыслѣ. Расхожденіе было только въ вопросѣ о томъ, съ какими правами они могли бы участвовать въ работѣ Собора. Двѣнадцать голосовъ было подано за участіе съ совѣщательнымъ голосомъ, а семь голосовъ — съ рѣшающимъ.

Обращаетъ на себя вниманіе участіе въ этомъ голосованіи такихъ несомнѣнныхъ богословскихъ авторитетовъ, какъ прот. Ѳ. И. Титовъ, Н. С. Суворовъ, И. С. Бердниковъ, Н. А. Заозерскій, Н. Н. Глубоковскій, В. О. Пѣвницкій, И. И. Соколовъ и др. (Прибавл. къ Церк. Вѣдом., 1906 г. № 16, стр. 863-864). И. С. Бердниковъ на одномъ засѣданіи уточнилъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что, собственно говоря, мірянинъ можетъ участвовать въ Соборѣ, но не можетъ быть его членомъ (Приб. къ Церк. Вѣдом. № 15, 1906 г.).

*) Едва-ли правильно С. В. Троицкій употребилъ тутъ выраженіе «кассировать». Кассировать, согласно русской юридической терминологіи, значить отмѣнить судебное постановленіе вслѣдствіе нарушенія закона процессуальнаго характера, а не по несогласію съ существомъ опредѣленія. Въ отношеніи же епископовъ и постановленій Собора съ участіемъ мірянъ правильнѣе сказать, что епископы отказываютъ въ утвержденіи того или иного опредѣленія.

Другими словами, мірянинъ можетъ участвовать въ сужденіяхъ Собора но его голосъ не будетъ на немъ рѣшающимъ.

Но на Московскомъ Соборѣ путемъ установленія порядка, при которомъ для законной силы постановленія требуется его утвержденіе Епископскимъ Совѣщаніемъ, участіе клириковъ и мірянъ и было введено въ эти самыя каноническія рамки, что, въ сущности, признаетъ и самъ С. В. Троицкій, какъ это видно изъ его приведенныхъ выше словъ.

Такимъ образомъ, опредѣленія Всероссійскаго Собора, принятія съ участіемъ представителей клира и мірянъ, были въ сущности опредѣленіями Собора Епископовъ. Поэтому нѣтъ никакого основанія отрицать за ними каноническое значеніе и самъ С. В. Троицкій далѣе неоднократно на нихъ ссылается.

Конечно все это лучше меня извѣстно С. В. Троицкому. Но онъ хочетъ ослабить въ представленіи читателя значеніе Всероссійскаго Собора, потому что послѣдній осудилъ безбожныхъ коммунистовъ. Ему хочется показать, что де такое осужденіе не имѣетъ церковнаго значенія, что это есть политическій актъ, вызванный засиліемъ на Соборѣ свѣтскаго политическаго элемента.

С. В. Троицкій съ этой цѣлью приводитъ явно вынужденныя (о чемъ рѣчь будетъ ниже) слова Патріарха Тихона изъ его обращенія отъ 28 іюня 1923 года, но не останавливается на самомъ содержаніи соборныхъ опредѣленій, авторитетность которыхъ онъ старается поколебать въ глазахъ читателя.

Между тѣмъ важно установить, дѣйствительно-ли ихъ содержаніе было чисто политическимъ, или они были направлены къ защитѣ правъ Церкви и имѣли въ виду нравственное возрожденіе паствы.

Каковъ же главный мотивъ обличительныхъ посланій Патріарха и опредѣленій Всероссійскаго Собора?

Прежде всего Патріархъ осуждаетъ братоубійство.

Спрашивается: чѣмъ является такой призывъ Святителя: преступленіемъ передъ Церковью или исполненіемъ архипастырскаго долга?

Затѣмъ Патріархъ и Соборъ выступаютъ въ защиту поправныхъ вѣковыхъ правъ Церкви. Что это: политиканство или исполненіе долга? Можно-ли колебаться въ отвѣтъ?

Въ постановленіи по поводу Совѣтскаго декрета объ отдѣленіи Церкви отъ Государства Всероссійскій Соборъ перечисляетъ все то, что въ декретѣ направлено противъ религіи.

Не лишнимъ будетъ напомнить, хотя бы частично, содержаніе этого Соборнаго протеста тѣмъ болѣе, что всѣ указанныя въ немъ противорелигіозныя мѣры и сейчасъ находятся въ силѣ:

“Привѣтствуя всякое дѣйствительное расширеніе свободы совѣсти, Соборъ въ то же время указываетъ, что дѣйствіемъ упомянутаго декрета свобода Церкви Православной, а равно и свобода всѣхъ вообще религіозныхъ союзовъ и общинъ превращается въ ничто. Подъ предлогомъ “отдѣленія Церкви отъ государства” Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ пытается сдѣлать невозможнымъ самое существованіе церквей, церковныхъ учреждений и духовенства. Подъ видомъ отобранія церковныхъ имуществъ упомянутый декретъ стремится уничтожить самую возможность богопочитанія и богослуженія. Онъ провозглашаетъ, что “никакія церковно-религіозныя общества не имѣютъ права владѣть собственностью”, всѣ имущества существующихъ въ Россіи церковныхъ и религіозныхъ обществъ являются (согласно декрету) “народнымъ достояніемъ”. Тѣмъ самымъ православныя храмы и монастырскія обители, гдѣ покоятся почитаемыя всѣми православными мощи святыхъ, становятся общей собственностью всѣхъ гражданъ безъ различія вѣроисповѣданія — христіанъ, евреевъ, магометанъ и язычниковъ, самые священные предметы, предназначенные для богослуженія — Св. Крестъ, Св. Евангеліе, священ. сосуды, св. чудотворныя иконы — поступаютъ въ распоряженіе государственной власти, которая можетъ либо передать, либо не передавать этихъ предметовъ церквамъ для пользованія.

Пусть же пойметъ православный народъ, что его хотятъ лишить храмовъ Божіихъ съ ихъ святынями. Разъ уничтожается всякая собственность Церкви, нельзя и жертвовать чего-либо въ ея пользу, ибо все пожертвованное, по замыслу декрета, у нея отнимается. Содержаніе монастырей, церквей и духовенства становится невозможнымъ.

Но этого мало. Вслѣдствіе отобранія типографій стѣсняется самая возможность самостоятельнаго изданія Церковью святаго Евангелія, всѣхъ вообще священныхъ и богослужебныхъ книгъ въ должной чистотѣ и неповрежденности.

Рядомъ съ этимъ декретъ посягаетъ и на пастырей Церкви. Объявляя, что “никто не можетъ, ссылаясь на свои религіозныя воззрѣнія, уклониться отъ своихъ гражданскихъ обязанностей”, онъ тѣмъ самымъ обрекаетъ ихъ къ несенію воинской повинности, воспрещенной имъ 83-мъ правиломъ Св. Апостоловъ. вмѣстѣ съ тѣмъ служители алтаря устраняются отъ воспитанія народа. Само преподаваніе Закона Божія въ школахъ не только государственныхъ, но и частныхъ, не допускается, тѣмъ самымъ всѣ духовно-учебныя заведенія обрекаются на закрытіе. Церкви пресѣкается самая возможность воспитывать пастырей.”

С. В. Троицкій не можетъ оспаривать того, что въ этомъ постановленіи и въ посланіи Патріарха была высказана правда о положеніи и Церкви и Россіи.

И самъ онъ ранѣе находилъ, что признаніе Русской Церковью нарушающихъ ея священныя права законовъ, только свидѣтельствовало бы “объ уклоненіи Русской Церкви отъ ученія Православія”.

Никто другой, какъ С. В. Троицкій, писалъ въ 1926 году:

“Совѣтская власть лишила Русскую Православную Церковь имущественныхъ правъ. Уже спустя нѣсколько дней послѣ захвата власти 26 окт. 1917 г. въ 2 часа ночи былъ принятъ первый декретъ, передававшій всѣ помѣщичьи, удѣльныя, монастырскія и церковныя земли впредь до Учредительнаго Собранія въ распоряженіе волостныхъ земельныхъ комитетовъ и уѣздныхъ совѣтовъ; немного позднѣе были конфискованы капиталы Св. Синода, а декретъ совѣта народныхъ комиссаровъ (отъ 23 января 1918 года), провозгласивъ отдѣленіе Церкви отъ государства, совершенно лишилъ Церковь, съ точки зрѣнія совѣтскаго законодательства, какихъ бы то ни было имущественныхъ правъ. “Декретъ 1918 года”, гласитъ разъясненіе Отдѣла Культуръ Комиссаріата Юстиціи, “не признаетъ Церкви или религіознаго общества, какъ юридическаго института, а допускаетъ существованіе отдѣльныхъ религіозныхъ группъ гражданъ. Поэтому высшая іерархическая организація Церкви, какъ то епархіальная или центральная не подлежитъ регистраціи”. А такъ какъ по совѣтскимъ законамъ незарегистрированныя общества объявляются закрытыми (54 инстр. Всеросс. Центр. Исполн. Комитета о регистраціи обществъ отъ 10 авг. 1922 г.), то эти организаціи совѣтская власть считаетъ юридически упраздненными”. С. В. Троицкій далѣе призналъ, что “съ точки зрѣнія какъ католической, такъ и православной Церкви совѣтскіе законы о лишеніи Церкви права быть субъектомъ имущественныхъ правъ, какъ противорѣчащіе ея неизмѣнному ученію, для нея юридически совершенно ничтожны (такъ же какъ были ничтожны для Церкви подобныя римскіе законы въ первые вѣка христіанства), что не разъ было заявлено въ официальныхъ актахъ какъ католической, такъ и православной церковной власти. Даже эвентуальное признаніе этихъ законовъ Русской Церковью не измѣнило бы положенія дѣла, поскольку по догматическому ученію Православная Россійская Церковь есть лишь часть Православной Вселенской Церкви, обязанная слѣдовать неизмѣнному ученію послѣдней, такъ что такое признаніе только свидѣтельствовало бы объ уклоненіи Русской Церкви отъ ученія православія, а не сообщила бы силы совѣтскимъ законамъ съ точки зрѣнія церковной.” (С. В. Троицкій, Имущественныя права Русской Церкви. Церк. Вѣдомости, № 9 и 10 за 1926 г., стр. 8-9).

Всероссійскій Соборъ и Патріархъ, какъ видно изъ приведенныхъ словъ С. В. Троицкаго, *обязаны* были заявить самый энергическій протестъ, чтобы не “уклониться отъ ученія православія”.

Пусть зло пока торжествуетъ, но историку нельзя будетъ сказать, что Церковь примирилась съ его появленіемъ даже путемъ молчанія.

И, поскольку эти обличительные акты содержатъ правду, никакое вынужденное гоненіями послѣдующее отреченіе отъ нихъ, хотя бы и Патріарха, не можетъ ихъ лишить силы и руководящаго для насъ значенія.

Между тѣмъ Совѣтскій декретъ объ отдѣленіи Церкви отъ государства не отмѣненъ*), и все, что указано въ Соборномъ опредѣленіи, и сейчасъ существуетъ на Руси.

Пусть С. В. Троицкій просмотритъ книгу П. В. Гидулянова “Отдѣленіе Церкви отъ государства въ СССР”. (Полное собраніе декретовъ, вѣдомственныхъ распоряженій и опредѣленій Верховнаго Суда РСФСР и другихъ Совѣтскихъ Соціалистическихъ республикъ: УССР, БССР, Узбекской и Туркменской, Москва, 1926). Изъ сравненія этого матеріала съ нынѣшнимъ положеніемъ видно, что религія и теперь остается такой же безправной, какой дѣлалъ ее декретъ 1918 г.

Церковь остается лишенной правъ юридическаго лица, она не владѣетъ имуществомъ, а лишь получаетъ его въ пользованіе по мѣрѣ надобности и усмотрѣнія гражданской власти.

Объ этомъ свидѣтельствуетъ даже принятое 31 января 1945 г. Положеніе объ управленіи Русской Православной Церкви.

Тамъ это особенно ясно изъ тѣхъ пунктовъ, которые касаются приходскихъ общинъ. Согласно ст. 39 получаетъ въ пользованіе храмъ и заключаетъ договоръ съ гражданской властью не община (приходъ) и не церковная власть, какъ юридическое лицо, а та-же установленная во времена остраго гоненія на Церковь въ Россіи двадцатка подъ общей личной отвѣтственностью своихъ членовъ.

*) Въ чисто пропагандной книгѣ, изданной Московской Патріархіей въ 1958 г. «Русская Православная Церковь», представляющей положеніе Церкви въ Россіи въ самомъ розовомъ свѣтѣ, значится: «Положеніе религіи въ Совѣтскомъ государствѣ опредѣляется декретомъ Совѣтскаго Правительства отъ 23 января 1918 г.» Ср. «Church and State Behind the Iron Curtain» (предисловіе В. Гзовскаго), New York, 1955, стр. XVII. Ср. М. М. Персицъ. Отдѣленіе Церкви отъ Государства и Школы отъ Церкви въ СССР. Изд. Академіи Наукъ СССР. Москва 1958 г. стр. 107.

Настоятель и двадцатка въ имущественныхъ дѣлахъ несутъ отвѣтственность не передъ іерархіей, а передъ гражданскими властями за полученную въ пользованіе отъ государства церковь. Поэтому, согласно ст. 42, приходская ревизіонная комиссія въ случаѣ обнаруженія злоупотребленій, направляетъ свой актъ не церковной власти, а въ городской или сельскій совѣтъ. Но это еще не все. Уголовный Кодексъ (п. 122 ст. 4) запрещаетъ преподаваніе Закона Божія дѣтямъ и оставляетъ въ силѣ декретъ 1929 г., коимъ Церкви запрещается благотворительность. Полное порабощеніе Церкви, наложеніе на нее узъ, связывающихъ ея учительство, проповѣдь и всю ея жизнь, т. о., свидѣтельствуется и самымъ Положеніемъ, которое было принято Соборомъ въ 1945 г. (Подробный разборъ его см. въ статьѣ проф. свящ. А. Колесникова “Анализъ Положенія объ управленіи Русской Православной Церкви отъ 31 января 1945 г.”, “Церковная Жизнь” за 1954 г. №№ 1-6).

Представители Церкви въ Россіи, запуганные и связанные безбожной властью по рукамъ и по ногамъ, теперь можетъ быть также привыкли къ своему порабощенію, какъ волъ привыкаетъ къ ярму. Но Соборъ 1918 г. состоялъ изъ людей еще не потерявшихъ привычку къ свободѣ, людей, которые лишеніе ея не могли признавать нормальнымъ явленіемъ и потому смѣло выступили съ обличеніемъ совершавшихся преступленій. И С. В. Троицкому, ранѣе въ своихъ статьяхъ выступавшему въ защиту правъ Церкви на свободу, болѣе приличествовало бы отмѣтить совершенный Всероссійскимъ Соборомъ подвигъ, чѣмъ принимать за чистую монету вырванныя гоненіями и угрозами слова измученнаго Патріарха.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ЕДИНОЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ.

С. В. Троицкій не хочетъ оставить безъ возраженій ни одного изъ утвержденныхъ о. М. Польскаго. Онъ спорить съ нимъ о подробностяхъ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ сущности между ними нѣтъ большого расхожденія.

Оба автора признають, что при создавшихся условіяхъ и при наличіи существовавшихъ постановленій единоличіе власти Патріарха Московскаго и указаннаго въ Патріаршемъ завѣщаніи его Мѣстоблюстителя имѣло полное оправданіе.

Протопресвитеръ М. Польскій находитъ оправданіе для единоличной власти Патріарха въ Постановленіи Святѣйшаго Патріарха и Священнаго Синода въ соединенномъ присутствіи съ Высшимъ Церковнымъ Совѣтомъ отъ 7/20 ноября 1920 г. за № 362, которое было принято на случай “если Священный Синодъ и Высшій Церковный Совѣтъ по какимъ-либо причинамъ прекратятъ свою церковно-административную дѣятельность”.

Отецъ М. Польскій замѣчаетъ, что этимъ постановленіемъ узаконивается совсѣмъ новый порядокъ. Въмѣсто совмѣстной власти Патріарха и Синода устанавливается единоличная власть Патріарха безъ Синода.

С. В. Троицкій конечно не можетъ отрицать этого обстоятельства, но онъ поправляетъ о. Польскаго указаніемъ на то, что назначеніе Патріархомъ Мѣстоблюстителя было еще до ноября 1920 г. предусмотрѣно постановленіемъ Всероссійскаго Собора отъ 25 января 1918 г. (т. е. черезъ нѣсколько дней послѣ обличительнаго посланія Патріарха Тихона) и что именно оно оправдываетъ принятіе имъ на себя единоличной власти и передачу ея Мѣстоблюстителю по завѣщанію. Это постановленіе гласитъ: “Въ случаѣ болѣзни и другихъ печальныхъ для Патріарха возможностей, предложить ему избрать нѣсколькихъ блюстителей Патріаршаго Престола, которые въ порядкѣ старѣйшинства и будутъ блюсти власть Патріарха и преемствовать ему”.

Отець М. Польскій не сослался на это постановленіе Собора можетъ быть потому, что на него нѣтъ ссылки въ актѣ о принятіи мѣстоблюстительства Митрополитомъ Петромъ. Собравшійся послѣ кончины Патріарха сонмъ епископовъ принялъ къ исполненію Патріаршее завѣщаніе, основываясь не на приведенномъ С. В. Троицкимъ опредѣленіи Всероссійскаго Собора, а на томъ соображеніи, что “почившій Патріархъ при данныхъ условіяхъ не имѣлъ иного пути для сохраненія въ Россійской Церкви преемства власти”. И Митрополитъ Петръ принялъ должность, “подчиняясь велѣнію нашего Святѣйшаго Патріарха и согласуясь съ пониманіемъ его велѣнія архипастырями Русской Церкви” (Актъ о назначеніи Мѣстоблюстителя. Церковныя Вѣдомости № 21 и 22, 1/14 — 15/28 ноября 1925 г.), безъ всякой ссылки на указанное С. В. Троицкимъ опредѣленіе Всероссійскаго Собора.

Но постановленіе послѣдняго нисколько не ослабляетъ аргументаціи о. Польскаго, доказывающаго, что полномочія Патріарха имѣли экстраординарный характеръ. Каноническая норма не имѣетъ въ виду такой единоличной власти Патріарха. Только гоненіе создаетъ условія, въ которыхъ поневолѣ приходится отступать отъ нормы, что и указано въ мотивировкѣ рѣшенія о принятіи къ исполненію Патріаршаго завѣщанія, необычнаго для нормальнаго теченія жизни. Создавшееся въ Церкви вслѣдствіе гоненія особое положеніе вынудило церковную власть къ мѣропріятію исключительному, хотя и предусмотрѣнному опредѣленіемъ Всероссійскаго Собора отъ 28 іюля / 10 августа 1918 г. и Патріаршимъ завѣщаніемъ.

Отець М. Польскій указываетъ на то, что выходящее изъ предѣловъ обычной нормы рѣшеніе Патріарха, указавшаго порядокъ возглавленія Русской Церкви “до законнаго выбора новаго Патріарха”, получило, однако, силу Соборнаго опредѣленія поскольку оно было подтверждено 59-тью епископами, собравшимися на погребеніе Патріарха Тихона. Но надо добавить, что приведенное С. В. Троицкимъ опредѣленіе Собора имѣетъ въ виду только назначеніе Мѣстоблюстителя, а о. М. Польскій указываетъ на опредѣленіе 7/20 ноября 1920 г., какъ дающее Патріарху полномочіе не только на этотъ актъ, но и на единоличное управленіе Церковью. С. В. Троицкій увѣряетъ, что никто, и въ томъ числѣ Всероссійскій Соборъ, не могъ бы дать каноническую силу рѣшенію о назначеніи Мѣстоблюстителя, если бы оно противорѣчило 23-му правилу Антиохійскаго Собора.

Я со своей стороны позволю себѣ высказать мнѣніе, что дѣй-

ствительно оно не противорѣчитъ этому правилу, но совсѣмъ не по той причинѣ, которую указываетъ С. В. Троицкій.

Желая лишній разъ уколоть своего оппонента, С. В. Троицкій утверждаетъ, что де это правило “говорить не объ административномъ актѣ назначенія Мѣстоблюстителя, а о литургическомъ актѣ таинства хиротоніи” (стр. 9-10).

Конечно это правило не могло имѣть въ виду назначеніе Мѣстоблюстителя, которое во время изданія его не практиковалось. Однако, въ немъ имѣется въ виду не одна хиротонія (въ первой части его), но и избраніе: “Но да соблюдается постановленіе церковное, опредѣляющее, что епископа должно поставлять не инако, развѣ съ соборомъ и *по суду епископовъ, имѣющихъ власть произвести достойнаго* по кончинѣ представльшагося”. Каноны не раздѣляютъ рѣзко акты избранія и хиротоніи, которая не можетъ имѣть мѣста безъ законнаго избранія. Это ясно видно изъ 4 пр. I Вселенскаго Собора, гдѣ указано, что хиротонію должны совершать не менѣе трехъ епископовъ, “а отсутствующіе да изъявляютъ согласіе посредствомъ грамотъ”. Изъявленіе согласія есть актъ избранія.

23 Антиохійское правило, также какъ 79 Апостольское, направлено главнымъ образомъ противъ поставленія Церкви подъ “власть наслѣдниковъ”.

Но назначеніе *наслѣдника* на кафедрѣ и назначеніе *блюстителя* этой кафедрѣ, какъ временно ее сохраняющаго до законнаго избранія лица для окончательнаго обладанія ею, — суть разныя вещи. Патріархъ не могъ предъизбрать новаго будущаго Патріарха, но Соборъ и даже Синодъ были вправѣ дать ему полномочіе на указаніе іерарха, который бы исполнялъ обязанности Патріарха до каноническаго избранія его законнаго преемника. Въ нормальныхъ условіяхъ порядокъ временнаго замѣщенія Патріарха предусмотрѣнъ опредѣленіемъ Всероссійскаго Собора отъ 28 іюля (10 августа) 1918 г., а въ условіяхъ гоненія потребовалось введеніе новаго образа дѣйствій.

Прот. М. Польскій ошибся, относя къ этому акту ограниченіе 23 Антиохійскаго правила, но былъ правъ, указывая на большое значеніе утвержденія Патріаршаго завѣщанія путемъ согласія всего епископата.

Онъ совершенно правъ и въ своемъ утвержденіи, что Мѣстоблюстители назначенные по завѣщанію, не имѣющіе при себѣ Синода и лишеныя возможности созывать Соборы, могли всетаки

на дѣлѣ соблюдать принципъ 34 Ап. правила, устанавливающего, что епископы не должны ничего творить превышающаго ихъ власть безъ разсужденія Первоіерарха съ тѣмъ, что “и первый ничего да не творить безъ разсужденія всѣхъ”.

Прот. М. Польскій даетъ яркіе примѣры того, какъ это осуществлялось въ условіяхъ гоненія. Эти условія, въ зависимости отъ приѣмовъ борьбы враговъ Церкви, могутъ требовать то проявленія единоличной власти, то опоры на “разсужденіе всѣхъ”. При всегдашней возможности проникновенія въ коллегіальные органы управленія агентовъ враждебнаго Церкви Правительства надежнѣе единоличная власть, опирающаяся, однако, на весь епископатъ. Прот. М. Польскій правъ и въ своемъ утвержденіи, что “разсужденіе всѣхъ” можетъ имѣть мѣсто при помощи самыхъ разнообразныхъ способовъ обмѣна мнѣніями.

Эта совершенно ясная и практически безспорная мысль находитъ возраженіе со стороны С. В. Троицкаго, потому что онъ хочетъ подвести читателя къ признанію формальнаго аппарата церковной власти въ Россіи, независимо отъ направленія ея дѣятельности вслѣдствіе проникновенія туда скрытыхъ агентовъ безбожнаго Правительства.

Указаніе прот. М. Польскаго о значеніи для важныхъ рѣшеній согласія всего епископата, которое можетъ быть высказано и безъ формальнаго собора, С. В. Троицкій называетъ “совершенно ошибочнымъ разсужденіемъ” (стр. 9).

Однако, являющійся для С. В. Троицкаго авторитетомъ Митрополитъ Сергій ссылаясь именно на согласіе всего епископата въ своемъ письмѣ Митрополиту Петру отъ 5/18 марта 1926 г. Онъ тамъ писалъ: “я и наложилъ запрещеніе на Архіеп. Григорія и его соучастниковъ не отъ себя лично, а отъ лица единомысленной со мною православной іерархіи. Эта іерархія не только нравственно участвовала въ наложеніи запрещенія, признавая мои полномочія, но и формально одобрила и утвердила запрещеніе” (Церк. Вѣдом., № 11 и 12 за 1926 г., стр. 4).

Еще подробнѣе о значеніи общеепископскихъ рѣшеній безъ формальнаго Собора въ томъ же году писала группа епископовъ Митрополиту Агаѳангелу (Церк. Вѣдомости № 15-16 за 1926 г.), который и отказался отъ претензіи на исполненіе обязанностей Мѣстоблюстителя, внявъ голосу многихъ епископовъ.

И Патріархъ Тихонъ, и Митрополитъ Петръ, и Митрополитъ Сергій (въ первый періодъ исполненія имъ обязанностей Мѣсто-

блюстителя), опираясь на вѣрный Церкви епископъ, болѣе всего старались оберегать именно внутреннюю независимость своего Управленія.

Исходя изъ этого принципа, прот. М. Польскій одобряетъ одни акты церковной власти и критикуетъ другіе.

С. В. Троицкій въ своей оцѣнкѣ этихъ актовъ подходитъ къ нимъ съ противоположной, можно сказать, большевицкой точки зрѣнія. Все, что дѣлалось въ защиту правъ Церкви или въ обличеніе безбожниковъ, онъ признаетъ зломъ, какъ проявленіе вреднаго вліянія реакціоннаго окруженія. Онъ хвалитъ все то, что могло быть угодно безбожной власти и поноситъ все то, что отражало въ себѣ противодѣйствіе ея кознямъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

КОЗНИ ВРАГОВЪ И ПРОТИВОДѢЙСТВІЕ ИМЪ.

С. В. Троицкій старается доказать, что всѣ выступленія Патріарха противъ большевиковъ не имѣютъ силы потому, что они де сдѣланы имъ подъ вліяніемъ “злоумнаго” окруженія, а всѣ выступленія, направленныя противъ зарубежной іерархіи онъ старается представить, какъ акты, выражающіе свободное убѣжденіе Патріарха Тихона. Если вѣрить ему, то выходитъ, что и гоненія на Церковь въ Россіи не было бы, если бы не козни зарубежной іерархіи.

Прот. М. Польскій, напротивъ, зная, что Патріархъ на самомъ дѣлѣ не былъ настроенъ противъ зарубежныхъ епископовъ, а къ Совѣтской власти относился, какъ къ силѣ враждебной Церкви, какъ къ ея лукавому врагу, отъ котораго надо обороняться всѣми доступными средствами, — трактуетъ выступленія Патріарха противъ “Карловчанъ” и нѣкоторыя другія его дѣйствія, какъ его уступки подъ давленіемъ большевиковъ или какъ его ошибки.

Но всѣ эти вопросы нельзя разсматривать изолировано отъ всей политики Совѣтовъ въ отношеніи религіи. Ихъ надо разсматривать въ свѣтѣ общаго ея направленія, создавшаго ту обстановку, въ которой Патріарху приходилось поступать такъ или иначе.

С. В. Троицкій раньше проявлялъ ясное пониманіе этого принципа, а теперь подходит къ событіямъ съ какой то “наивностью” или точнѣе схемой, позаимствованной у Совѣтской пропаганды.

Всѣ мѣропріятія Совѣтовъ противъ Церкви онъ трактуетъ только какъ реакцію ихъ на участіе ея во враждебной имъ политикѣ, а отдѣленіе Церкви отъ государства совершенно также, какъ можно было бы говорить о такой реформѣ въ нормальномъ демократическомъ государствѣ. Читая его книгу можно даже подумать, что для Церкви нѣтъ большаго блага, какъ лишиться въ пользу безбожниковъ всѣхъ правъ на проповѣдь, на владѣніе

имуществомъ, обученіе молодежи и на свою печать. По его словамъ совѣтская власть съ самой вѣрой въ Бога борется лишь постольку, “поскольку религіозныя организаціи становятся въ оппозицію ея соціальной и экономической политикѣ” (стр. 39).

Но нельзя къ Совѣтскому закону объ отдѣленіи Церкви отъ государства и связанной съ нимъ политикѣ подходить съ обычной западно-европейской мѣркой. Одинъ изъ самыхъ большихъ западныхъ знатоковъ Совѣтскаго законодательства, В. В. Гзовскій, очень правильно замѣчаетъ:

“Идея отдѣленія Церкви отъ государства въ Америкѣ произошла изъ борьбы за религіозную свободу и терпимость. Этотъ принципъ не подразумеваетъ подавленія религіозной свободы, но имѣетъ въ виду огражденіе свободы въ слѣдованіи своей вѣрѣ. Предполагается, что государство не враждебно и не покровительствуетъ какой-либо опредѣленной Церкви, но одинаково благожелательно къ каждой Церкви. Но законодатели Совѣтской Россіи были воодушевлены совсѣмъ иной идеей. Такъ, начиная съ перваго Декрета, “Объ Отдѣленіи Церкви отъ Государства и Школы отъ Церкви”, изданнаго 23 января 1918 г. (на третьемъ мѣсяцѣ Совѣтскаго режима), это отдѣленіе не имѣло своей цѣлью религіозную свободу и терпимость, но имѣло назначеніемъ подрывъ существованія Церкви въ Россіи” (Church and State Behind the Iron Curtain подъ редакціей Владиміра Гзовскаго, 1955 г., стр. XI).

В. В. Гзовскій далѣе приводитъ въ подтвержденіе своего утвержденія интересныя выдержки изъ изданія Центрального Института Антирелигіозныхъ Заочныхъ Курсовъ, напечатаннаго въ Совѣтской Государственной Типографіи въ 1932 году.

“Необходимо подчеркнуть, значителся тамъ, что Совѣтскій Декретъ объ отдѣленіи Церкви отъ Государства и Школы отъ Церкви, былъ съ самаго начала направленъ противъ религіи. Въ вопросѣ религіи Совѣтское Правительство никогда не вело двойственной политики одинаковаго сотрудничества и съ религіей и съ атеизмомъ. Потому, этотъ Декретъ нельзя разсматривать иначе, чѣмъ мѣру опредѣленно направленную противъ религіи. . . . Коротко говоря, выводъ изъ анализа Декрета можетъ быть сдѣланъ слѣдующій. Если капиталистическое отдѣленіе Церкви отъ Государства приводитъ къ свободному и болѣе высокому развитію религіи, то Совѣтское отдѣленіе Церкви отъ Государства ведетъ къ свободной и окончательной смерти религіи” (тамъ же, стр. XI-XII).

Таковы цѣли коммунистическаго правительства и его законодательства, съ которыми С. В. Троицкій не хочетъ считаться.

Но никакое правительство, даже самое тоталитарное, не дѣйствуетъ въ такой обстановкѣ, чтобы проводить свою линію совсѣмъ

не считаясь ни съ какимъ противодѣйствіемъ и другими общественными и политическими факторами. Ему приходится имѣть дѣло съ живыми людьми, а психологію людей религіозныхъ часто не легко бываетъ разгадать атеистамъ. Самые лукавые, казалось, мудрые и дальновидные планы въ ихъ церковной политикѣ иногда вызвали совсѣмъ не ту реакцію, на которую рассчитывали большевики.

Въ этой борьбѣ не всегда можно сказать, какой ходъ является ошибочнымъ, а какой правильнымъ.

Во всякомъ случаѣ, тюремное заключеніе у большевиковъ не дасть возможности полного и объективнаго освѣдомленія для находящагося въ плѣненіи Главы Церкви. Самъ перенеся заключеніе, Митрополитъ Сергій хорошо это понялъ и потому писалъ въ 1926 г., что “ко всѣмъ распоряженіямъ Митрополита Петра, исходящимъ изъ тюрьмы, нельзя относиться иначе, какъ къ распоряженіямъ или скорѣе къ совѣтамъ человѣка безответственнаго”. Онъ писалъ это послѣ того, какъ Митрополитъ Петръ, введенный въ заблужденіе односторонней інформаціей, сначала готовъ былъ передать власть выдвинутой агентами Г.П.У. коллегіи, возглавленной Архіепископомъ Григоріемъ Екатеринбургскимъ, а затѣмъ передавалъ управление Митрополиту Агаѳангелу (Церк. Вѣдомости, № 15 и 16 за 1926 г., стр. 18).

Патріархъ Тихонъ внѣ всякаго сомнѣнія имѣлъ самую лучшую, благородную цѣли. Но не легко оцѣнить все тѣ трудности, испытанія и искушенія, какія лежали на его пути. Для сохраненія памяти его съ похвалою нѣтъ надобности рисовать его портретъ искусственно, въ приглаженномъ и прикрашенномъ видѣ.

Онъ перешелъ въ исторію, которая бываетъ поучительна, когда она объективна и правдива.

Прот. М. Польскій очень почиталъ Патріарха Тихона, но онъ могъ, особенно находясь на свободѣ, видѣть не искаженный, лубочный его обликъ, какимъ старается его представить С. В. Троицкій, а обликъ подлинный.

Видя, что то или иное рѣшеніе Патріарха большевиками было использовано, чтобы крѣпче заковать Церковь, Прот. М. Польскій называетъ такое рѣшеніе ошибкой. Но онъ никогда не укоряетъ Патріарха, ибо знаетъ и преданность его Церкви и всю трудность веденія Церковнаго корабля среди рифовъ безбожія и лукавства, среди постоянного, угрожающаго всему существованію Церкви шантажа со стороны гражданской власти. Знала это

и вся Зарубежная Церковь во главѣ съ Митрополитомъ Антоніемъ, который всегда старался поддерживать авторитетъ Патріарха. Все это надо имѣть въ виду при разсмотрѣніи зарубежной оцѣнки Патріаршихъ актовъ.

О томъ, что С. В. Троицкій называетъ “мнимыми ошибками” Патріарха Тихона, а прот. М. Польскій считаетъ реальными, — точка зрѣнія послѣдняго находитъ убѣдительное подтвержденіе въ запискахъ по личнымъ воспоминаніямъ проф. Московской Дух. Академіи протопресв. Василия Виноградова, который, какъ бывш. Предсѣдатель Московскаго Епархіальнаго Совѣта при Патріархѣ Тихонѣ, является очень освѣдомленнымъ свидѣтелемъ. Небольшая книжка его “О нѣкоторыхъ важнѣйшихъ моментахъ послѣдняго періода жизни и дѣятельности Св. Патріарха Тихона” (Мюнхень, 1959, 71 стр.) содержитъ чрезвычайно цѣнный фактическій матеріалъ, ранѣе неизвѣстный.

Протопр. В. Виноградовъ ясно показываетъ, что всѣ усилія Совѣтской власти добиться отъ Патріарха тѣхъ или иныхъ выступленій были продиктованы главнымъ образомъ намѣреніемъ скомпрометировать его въ глазахъ его паствы, въ большинствѣ своемъ настроенной антикоммунистически, а затѣмъ полностью подчинить себѣ Церковь.

Подъ вліяніемъ давленія съ Запада, вызваннаго ходатайствами Митрополита Антонія передъ рядомъ Правительствъ *), былъ неожиданно отмѣненъ судъ надъ Патріархомъ и онъ былъ освобожденъ. Въмѣсто суда и казни рѣшили лишить Патріарха всякой притягательной силы для церковниковъ, которыхъ считали противниками Совѣтской власти, а затѣмъ выпустить его на свободу, какъ человекъ въ ихъ глазахъ скомпрометированнаго и, слѣдовательно, безопаснаго. Это было бы новымъ этапомъ разрушенія Церкви послѣ лишенія ея всѣхъ юридическихъ правъ и возбужденія широко поддержаннаго гражданской властью обновленческаго движенія. Пользуясь тѣмъ, что Патріарху казалось необходимымъ, во что бы то ни стало, выйти изъ тюрьмы, чтобы объединить православныхъ противъ захватившихъ много позицій

*) Въ недавно изданномъ въ Америкѣ сборникѣ документовъ о гоненіи на Церковь въ Россіи напечатано обращеніе Митрополита Антонія къ Президенту Гардингу отъ 5 іюня 1922 г. (*The Russian Revolution and Religion, Translated and Edited by Boleslaw Szczesnick. University of Notre Dame Press, Notre Dame, Indiana, pages 78-80*). Общій текстъ о брашенія къ иностраннымъ Главамъ Правительствъ отъ лица Русскаго Церковнаго Управленія за границей напечатанъ въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ», № 6 и 7 за 1922 г., а нѣкоторые отѣты помѣщены въ № 18 и 19 того же журнала за тотъ же годъ.

обновленцевъ, его заставили подписать пресловутое “покаяніе”, которое онъ можетъ быть не подписалъ бы, если бы зналъ, что его освобожденіе диктуется интересомъ Совѣтской иностранной политики.

Какъ всякій вынужденный обстоятельствами гоненія актъ, это “покаяніе” не должно бы приводиться въ качествѣ подлиннаго мнѣнія Патріарха Тихона о Совѣтской власти какъ старается это сдѣлать С. В. Троицкій. Протопр. В. Виноградовъ справедливо указываетъ, что большевики, будучи вынуждены давленіемъ Запада выпустить Патріарха изъ заключенія, хотѣли сдѣлать это такъ, “чтобы его на законномъ основаніи можно было снова въ любой моментъ лишить свободы, именно, какъ сознавагося преступника, ожидающаго суда и только временно и условно, до суда, выпущеннаго на свободу” (стр. 14). Несомнѣнно, что это “покаяніе” поэтому было могучимъ орудіемъ для постоянного шантажа противъ Патріарха Тихона.

Прот. В. Виноградовъ не можетъ указать психологическіе мотивы Патріарха для подписанія “покаяннаго” заявленія и онъ не знаетъ всѣхъ условій, въ коихъ оно было составлено и подписано, ибо Патріархъ объ этомъ ни съ кѣмъ не говорилъ. Онъ только знаетъ, что Патріархъ не отрицалъ его подписанія и что онъ неоднократно разъяснялъ буквально слѣдующее: — “Я написалъ тамъ, что я отнынѣ *не врагъ* Совѣтской власти, но я не писалъ, что я *другъ* Совѣтской власти” (тамъ же).

Это очень важное свидѣтельство, къ которому мы еще вернемся.

Прот. М. Польскій полагаетъ, что Патріархъ подалъ свое заявленіе вслѣдствіе преувеличенныхъ свѣдѣній объ успѣхахъ обновленцевъ и приводитъ его слова: “если бы я зналъ, что успѣхи обновленцевъ такъ ничтожны, и народъ за ними не пошелъ, я бы не вышелъ изъ тюрьмы” (Канонич. Положеніе, стр. 12).

Такъ или иначе большевики добились покаяннаго заявленія Патріарха въ планѣ своей борьбы съ религіей, но не достигли при этомъ желанной цѣли.

“Покаянное” заявленіе Патріарха, пишетъ прот. В. Виноградовъ, напечатанное въ совѣтскихъ газетахъ, не произвело на вѣрующій народъ ни малѣйшаго впечатлѣнія. Безъ всякой малѣйшей пропаганды весь вѣрующій народъ, какъ одинъ человекъ, какимъ-то чудомъ Божиимъ, такъ формулировалъ свое отношеніе къ этому “покаянному” заявленію — “это Патріархъ написалъ не для насъ, а для большевиковъ” (0 нѣк. важн. моментахъ . . . стр. 15).

С. В. Троицкій думаетъ иначе, чѣмъ вѣрующій народъ. Съ его точки зрѣнія это написано “для насъ”.

Правъ-ли былъ прот. М. Польскій, что отнесъ “покаяніе” къ ошибкамъ Патріарха Тихона? Поскольку намъ многое ясно теперь, по истеченіи столькихъ лѣтъ и при знакомствѣ со всѣми данными, которыхъ не зналъ въ заключеніи Патріархъ, — о. М. Польскій могъ назвать ошибкой то, что Патріархъ поддался лукавымъ махинаціямъ Тучкова. Его “покаяніе” не имѣло ожидавшихся Тучковымъ послѣдствій только по особой милости Промысла Божія. Но всетаки “покаяніе” было принципиальной уступкой, которая ставила Патріарха лично въ очень трудное положеніе въ его дальнѣйшихъ переговорахъ съ Совѣтской властью.

Прот. В. Виноградовъ даетъ очень полное разъясненіе всей дальнѣйшей, послѣ освобожденія Патріарха, тактики Совѣтской агентуры и его повѣствованіе подкрѣпляетъ сужденіе о. М. Польскаго.

“Отношеніе Тучкова къ патріаршему управленію, пишетъ о. В. Виноградовъ, это было вѣчто въ родѣ кошки съ мышкой. Съ одной стороны, онъ даетъ постоянно чувствовать патріаршему управленію то, что оно и безъ того хорошо чувствовало и сознавало, а именно, что оно — нелегальная организація, не имѣющая въ Сов. Россіи права на существованіе, и потому въ любой моментъ ГПУ, при малѣйшемъ неудовольствіи, можетъ это управленіе закрыть и всѣхъ членовъ его переарестовать, а, съ другой стороны, тотъ же Тучковъ ультимативно предъявляетъ къ нему требованія о проведеніи въ церковную жизнь различныхъ мѣропріятій и при томъ такихъ, проведеніе которыхъ равносильно было актамъ сознательнаго саморазвала, самоуничтоженія. Каждое такое требованіе сопровождалось обѣщаніемъ дарованія легализаціи въ случаѣ исполненія, и угрозами разгона, уничтоженія органовъ церковнаго управленія и ареста всѣхъ его членовъ — въ случаѣ неисполненія” (тамъ-же стр. 16).

Прот. Виноградовъ свидѣтельствуетъ, что подъ такимъ же страхомъ находились всѣ служащіе и посѣтители Патріаршаго управленія, а архіереевъ и членовъ управленія, кромѣ того, отъ времени до времени Тучковъ вызывалъ къ себѣ и требовалъ отъ нихъ согласія на проведеніе того или другого его требованія и, въ случаѣ несогласія, арестовывалъ ихъ на одну, двѣ или три ночи. Среди ряда этихъ требованій о. Виноградовъ отмѣчаетъ прежде всего — требованіе введенія “поминовенія властей” и принятія новаго стиля (тамъ-же стр. 17).

Повѣствованіе прот. В. Виноградова о попыткѣ введенія но-

ваго стиля полностью согласно съ тѣмъ, что писалъ прот. М. Польскій.

Прот. В. Виноградовъ отмѣчаетъ то значеніе, какое имѣеть календарный стиль для народнаго церковнаго быта. Мы знаемъ, что введеніе его даже въ мирныхъ условіяхъ вызвало раздѣленіе въ Греческой Церкви, а въ Польшѣ не могло быть проведено нигдѣ, кромѣ Варшавы. Кромѣ того въ глазахъ народа новый стиль уже связывался съ обновленчествомъ.

Сознавая опасность этой реформы, Патріархъ въ теченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ отвѣчалъ Совѣтской власти категорическимъ отказомъ на требованіе ввести новый стиль. Совѣтская власть, по словамъ прот. В. Виноградова, для своего требованія представляла довольно сильную мотивировку государственно-хозяйственнаго характера (тамъ-же стр. 23).

Патріархъ былъ обезоруженъ, когда поступило сообщеніе, что якобы всѣ Православныя Церкви на Востокѣ приняли новый стиль. Отъ Патріарха было скрыто, что приняли его тогда далеко не всѣ Церкви, сноситься съ которыми Патріархъ самъ не имѣлъ возможности. “Вслѣдствіе этого, пишетъ прот. В. Виноградовъ, Патріархъ и Патріаршее Управление, получивъ официальную копию означеннаго постановленія, почувствовали себя передъ угрозой двухъ чрезвычайныхъ опасностей. Съ одной стороны, они лишились единственнаго вѣскаго въ глазахъ Совѣтской власти аргумента противъ новаго стиля — ссылки на православный Востокъ и всю Православную Церковь, и теперь остались безоружными противъ обвиненія, что они отказываются отъ введенія новаго стиля исключительно по “контрреволюціоннымъ” мотивамъ”. (тамъ же стр. 24). Съ другой стороны, Патріарху и Синоду видѣлась другая опасность — отрывъ отъ всей Православной Церкви. Подъ влияніемъ этихъ соображеній Патріархъ и Синодъ въ сентябрѣ 1923 г. рѣшили ввести новый стиль, но такъ, чтобы Рождественскій постъ начался съ 2/15 ноября н. ст. и, такимъ образомъ, продолжался полностью 40 дней (тамъ-же).

Было составлено посланіе и по распоряженію Патріарха по рукописному экземпляру прочитано во время Патріаршаго служенія. По особому распоряженію Святѣйшаго огласилъ его прот. В. Виноградовъ, несмотря на то, что онъ указывалъ на свой слабый голосъ. Мало кто слышалъ посланіе. Можетъ быть Патріархъ этого именно и желалъ.

Но послѣ этого объявленія и сообщенія въ газетахъ о введеніи новаго стиля, посланіе такъ и не было напечатано несмотря

на обращеніе къ Тучкову. Своей церковной типографіи не было, и Церковь ничего не могла (какъ не можетъ Московская Патріархія и теперь) напечатать безъ содѣйствія гражданской власти.

Напрасно напоминали Тучкову, что самъ онъ требоваль немедленнаго введенія новаго стиля, обѣщая даже за это легализацію Патріаршаго Управленія. За отсутствіемъ напечатаннаго посланія, новый стиль фактически былъ введенъ только въ Москвѣ. Тучковъ при переговорахъ, считаль дѣло рѣшеннымъ, а когда говорили ему, что безъ напечатанія посланія придется вернуться къ старому стилю, то онъ отвѣтилъ равнодушно: “Ну ужъ вы тамъ какъ знаете... дѣло ваше”. Пользуясь этой фразой введеніе новаго стиля было отмѣнено (тамъ-же стр. 26-28).

Въ наказаніе за это Еп. Иларіонъ былъ арестоваъ и сосланъ, а прот. В. Виноградову, подъ угрозой ссылки, было запрещено появляться въ Патріаршемъ Управленіи и принимать въ немъ какое-либо участіе два мѣсяца (стр. 29).

Но затѣмъ произошло еще событіе, характерное для пріемовъ большевиковъ, которое намъ надо имѣть въ виду и при дальнѣйшемъ разборѣ ихъ дѣйствій.

Сначала по распоряженію Тучкова было напечатано и расклеено въ Москвѣ уже отмѣненное посланіе о введеніи новаго стиля. Послѣ того, въ декабрѣ мѣсяцѣ, Тучковъ опубликовалъ въ совѣтскихъ газетахъ новое “Патріаршее посланіе”, въ которомъ сообщалось, что Патріархъ объявленнаго имъ новаго стиля не отмѣняль, но что разрѣшается на мѣстахъ, съ согласія мѣстныхъ совѣтскихъ властей, праздновать наступающій праздникъ Рождества Христова по старому стилю (тамъ-же).

Самое замѣчательное то, что далѣе пишетъ прот. В. Виноградовъ:

“Какого происхожденія былъ этотъ “документъ”, мнѣ не удалось выяснитъ, т. е. онъ черезъ Патріаршее Управленіе вовсе не проходилъ *), никому онъ не разсылался и дальше совѣтскихъ газетъ не пошелъ; ни оригинала его, ни копии не имѣлось и главное, никакого примѣненія онъ въ церковной жизни не имѣль” (тамъ же). Не указываетъ ли это на то, что Совѣтскіе чиновники, когда имъ это почему-то нужно, могли (а можетъ быть и могутъ) опубликовывать ими самими сфабрикованные отъ лица Церкви документы?

Надо сдѣлать еще одно замѣчаніе, служащее дополненіемъ къ тому, что сообщаетъ по дѣлу новаго стиля прот. В. Виноградовъ.

*) Курсивъ мой. Г. Г.

О томъ, что новый стиль принять не всѣми Восточными Церквами, Патріархъ Тихонъ узналъ отъ Митрополита, тогда Архіепископа, Анастасія, находившагося въ Константинополѣ. Прочитавъ въ газетахъ о введеніи новаго стиля въ Россіи по причинѣ якобы принятія его всѣми Восточными Церквами, Архіепископъ Анастасій телеграфировалъ Патріарху Тихону, что это сообщеніе не отвѣчаетъ дѣйствительности. Т. о. Патріархъ, могъ спокойно отказаться отъ Новаго стиля, не опасаясь расхожденія со всѣми другими Церквами.

Я привелъ довольно, подробно, хотя и съ сокращеніями, очень важное свидѣтельство протопр. В. Виноградова, непосредственнаго участника всего дѣла съ попыткой введенія новаго стиля. Остается сказать, что оно заканчивается сообщеніемъ о совѣщаніи у Смидовича, который еще разъ пробовалъ склонить Церковь къ принятію этой реформы. Твердая аргументація представителя Патріарха заставила его отступить. Не значитъ ли это, что и въ данномъ случаѣ прот. М. Польскій правъ, называя введеніе новаго стиля ошибкой, основанной на дезинформаціи церковной власти, мѣшавшей ей противодѣйствовать давленію вражеской силы?

Ошибка была добросовѣстной и поправить ее удалось только благодаря осторожности Патріарха Тихона и нарочитой помощи Божіей.

Не менѣе интересно и сообщеніе прот. В. Виноградова о томъ, какъ вводилось поминовеніе властей за богослуженіемъ.

Ультимативное требованіе объ этомъ было Тучковымъ предъявлено Патріарху сразу послѣ его освобожденія.

Хотя безбожное Правительство, не вѣрующее ни въ Бога, ни, слѣдовательно, въ силу молитвы, казалось, не должно бы быть заинтересовано въ томъ, чтобы таковая о немъ произносилась, оно очень энергично настаивало на введеніи поминовенія гражданскихъ властей. Въ этомъ случаѣ прот. В. Виноградовъ указываетъ двойную цѣль Совѣтовъ. Съ одной стороны, въ поминовеніи гражданскихъ властей достигалось какъ бы формальное признаніе ихъ со стороны Церкви *de jure*, а съ другой, — этимъ хотѣли скомпрометировать Патріарха за границей и “особенно и прежде всего среди того церковнаго народа, который послѣ освобожденія Патріарха снова сталъ подъ его водительство” (стр. 18).

Вотъ причина, по которой Патріаршее Управление очень тщательно выработывало такую форму поминовенія, которая бы ме-

нѣе всего претила религиозному и политическому чувству Русскаго народа. Принята была по возможности безличная форма, но и она была вѣрующимъ непріятна. Пользуясь тѣмъ, что Тучковъ удовлетворился опубликованіемъ указа о поминовеніи властей, но что за исполненіемъ сего не слѣдили ни церковныя, ни гражданскія власти, “поминовеніе властей въ приходскихъ храмахъ, по крайней мѣрѣ въ Московской епархіи, незамѣтно почти прекратилось совсѣмъ, и сохранилось только при патріаршихъ и, отчасти, архіерейскихъ служеніяхъ” (тамъ-же стр. 21). Дѣйствительно стали вводить его въ жизнь при мѣстоблюстителствѣ Митрополита Сергія, послѣ его заявленія о “лояльности”, но и тогда оно вызвало не мало огорченія и противодѣйствія. Православная совѣсть съ нимъ не мирилась.

Оправдывая введеніе поминовенія властей, С. В. Троицкій старается часть отвѣтственности возложить на Митрополита Анастасія, какъ возглавлявшаго Комиссію, вырабатывавшую чинъ на столу Патріарха, въ которомъ значится моленіе и многолѣтіе “Богохранимой Державѣ Россійской, властямъ, воинству ея и всѣмъ православнымъ христіаномъ”.

Однако, С. В. Троицкій забываетъ, что чинъ интронизаціи былъ выработанъ еще до большевицкаго переворота, а когда послѣдній произошелъ, то не сразу люди усвоили существенную разницу между новой властью и Врем. Правительствомъ, при чемъ и самая власть эта не казалась прочной и Всероссійской. Уже послѣ интронизаціи Патріарха, въ обращеніи Всероссійскаго Собора ко всѣмъ чадамъ Православной Россійской Церкви, говорится: “Къ нашему несчастью, доселѣ не народилось еще власти воистину народной, достойной получить благословеніе Церкви Православной”.

Неясное положеніе, создавшееся тогда въ Россіи и трудность дать ему въ то время точное опредѣленіе такъ характеризуетъ иностранный писатель, лично бывшій въ Москвѣ во время революціи:

“Въ концѣ концовъ, это была революція и ни православные, ни католики, ни громадное большинство русскихъ людей и иностранныхъ наблюдателей не могли составить себѣ точное понятіе объ ея динамическомъ характерѣ. Это невѣдѣніе о длительномъ характерѣ революціи несомнѣнно ускорило возникновеніе конфликта между Церковью и Государствомъ”. (Paul B. Anderson, *L'Eglise et la Nation en Russie Sovietique*, Paris, 1946, стр. 92.)

Но есть и еще существенное обстоятельство. Кромѣ того, что въ группѣ Совѣтскихъ Комиссаровъ русскіе церковные люди не видѣли тогда своего законнаго Правительства, сама группа эта не была еще предана анаѣмѣ, послѣ чего положеніе ея передъ лицомъ Православной Церкви въ значительной степени измѣнилось.

Можно сказать, что отлученный отъ Церкви больше отдѣленъ отъ нея, чѣмъ человѣкъ, который къ Церкви никогда не принадлежалъ. Знаменитый канонистъ Епископъ Никодимъ Милошъ такъ опредѣляетъ послѣдствія отлученія:

“Отлученный въ полномъ смыслѣ теряетъ всѣ права, какія принадлежали ему, какъ члену Церкви. Онъ теряетъ: а) право общей молитвы съ вѣрующими въ церкви, б) право участія въ какомъ-либо богослуженіи, тѣмъ болѣе въ св. литургіи, в) право на совершеніе для него какого-либо таинства или церковнаго обряда, г) право погребенія или церковнаго отпѣванія на православномъ кладбищѣ”. (Др. Никодимъ Милашъ, Еп. Далматинскій, Церквено Казнено Право, Мостаръ, 1911, стр. 203)

Полное отлученіе называется также анаѣмой.

“Позднѣе, пишетъ Епископъ Никодимъ, слово анаѣма стало примѣняться только къ тому отлученію, которое объявлено публично за торжественнымъ богослуженіемъ и при томъ изрекалось проклетіе осужденному. Какъ говорятъ, это было введено, слѣдующимъ примѣру христіанъ, которые публично проклинали и призывали проклетіе съ неба на царя Юліана за его отступничество отъ христіанской вѣры...” (тамъ же стр. 204).

Тотъ же Епископъ Никодимъ въ толкованіи на 1 правило II Вселенскаго Собора болѣе подробно останавливается на значеніи анаѣмы и приводитъ рядъ свидѣтельствъ и, въ томъ числѣ Вальсамона, въ предисловіи къ Гангрскому Собору: “Что такое анаѣма, какъ не то, что таковой долженъ быть преданъ діаволу, что таковому нѣтъ болѣе спасенія и что онъ совѣмъ чуждъ Христу” (Правила Правосл. Церкви съ толкованіями, Изд. С. Петербургской Духовной Академіи, 1912 г., стр. 245-247). Въ коментаріяхъ Апостолоса Макракиса къ греческому каноническому сборнику Пидаліонъ даются слѣдующія объясненія о значеніи анаѣмы (цит. по англійскому изданію):

“Слово анаѣма (писанное по гречески черезъ епсилонъ) означаетъ съ одной стороны то, что было выдѣлено отъ людей и посвящено Богу — въ какомъ смыслѣ оно также пишется по гречески черезъ эту — съ другой стороны, то, что было отдѣлено отъ Бога и Христіанской Церкви и посвящено діаволу, въ какомъ случаѣ его чаще пишутъ черезъ епсилонъ, а не черезъ эту. Точно также, какъ

никто не смѣетъ брать или даже трогать то, что анаеematствовано (въ первомъ смыслѣ), или посвящено Богу вслѣдствіе того, что мы обязаны почитать и чтить Бога, ибо “все заклѣтое есть великая святыня Господня” (Лев. XXVII, 28), говоритъ Библія, — такъ подобнымъ же образомъ и въ отношеніи челоѣка, который былъ отдѣленъ отъ Бога и отъ Церкви и сталъ анаеемой къ діаволу, никто не смѣетъ объединяться или общаться съ нимъ, но напротивъ всѣ вѣрующіе держатся обособленно отъ него”. (The Rudder, by Cummings, Chicago, 1957, стр. 522.)

Къ этому надо добавить, что изъ всѣхъ историческихъ примѣровъ статусъ преданныхъ анаеемѣ совѣтскихъ комиссаровъ болѣе всего подходитъ именно къ Юліану Отступнику, а не къ языческимъ Императорамъ вродѣ Трояна или даже Нерона.

Слѣдуетъ еще отмѣтить, что отлученіе противъ дѣятелей антирелигіозной борьбы изречено не только въ посланіи Патріарха Тихона отъ 19 января 1918 г., но и въ опредѣленіи всего Всероссійскаго Собора по поводу декрета объ отдѣленіи Церкви отъ Государства, въ коемъ значитъ: “Всякое участіе, какъ въ изданіи сего враждебнаго Церкви узаконенія такъ и въ попыткахъ провести его въ жизнь несомвѣстимы съ принадлежностью къ Православной Церкви и навлекаютъ на виновныхъ кары, вплоть до отлученія отъ Церкви (въ послѣдованіе 73 правилу св. Апостол. и 13 правилу VII Вселенскаго Собора)”.

Это двойное (Патріаршее и Соборное) отлученіе не могло быть снято съ Совѣтскихъ вождей однимъ Патріархомъ, но для снятія его нѣтъ и основанія, ибо они не переставали и не перестаютъ заявлять себя атеистами и врагами всякой религіи, по ихъ марксистскому ученію подлежащей уничтоженію. Цѣль эта остается неизмѣнной, мѣняется только тактика. То примѣняется явное насиліе и физическое преслѣдованіе, то это насиліе прикрывается и религіи дѣлаются какъ-бы нѣкія уступки. Но все это совершается въ одномъ и томъ же планѣ борьбы, въ которомъ, ради цѣлей міровой революціи, коммунисты не прочь пользоваться даже Церковью, твердо помня, что въ этомъ случаѣ, даже при предоставленіи ей той или иной внѣшней привилегіи, ихъ планы не страдаютъ, ибо Церкви тѣмъ самымъ тоже наносится ущербъ. Орденъ величайшаго врага Христова, Ленина, на груди высокаго іерарха не возвышаетъ послѣдняго, а унижаетъ его и духовно убиваетъ, какъ печать антихриста.

Совѣтская власть никогда не отказывалась отъ борьбы съ религіей. Даже такой запутанный и внутренне противорѣчивый

въ нѣкоторыхъ мѣстахъ актъ, какъ постановленіе Центрального Комитета Коммунистической партіи Совѣтскаго Союза объ ошибкахъ въ проведеніи научно-атеистической пропаганды среди населенія (Правда, 11 ноября 1954 г.) ясно утверждаетъ, что “Коммунистическая партія въ соотвѣтствіи со своей программой проводитъ научно-просвѣтительную пропаганду матеріалистическаго міровоззрѣнія, направленную на постоянное повышеніе сознательности трудящихся массъ и на постепенное освобожденіе ихъ отъ религіозныхъ предразсудковъ.” Эксцессы противъ духовенства и религіи, “оскорбительные для чувствъ вѣрующихъ и церковнослужителей” признаются не болѣе какъ “ошибками”. “Коммунистическая партія, значитъ тамъ, опираясь на единственно вѣрное міровоззрѣніе марксизмъ-ленинизмъ и его теоретическую основу — діалектическій матеріализмъ, — не можетъ безучастно, нейтрально относиться къ религіи, какъ идеологіи ничего общаго съ религіей не имѣющей”. Документъ этотъ много болѣе снисходителенъ, чѣмъ предшествовавшіе ему постановленія и, всетаки, онъ отражаетъ общую антихристіанскую сущность совѣтскаго коммунизма.

Его принципиальная враждебность религіи и его всегдашняя цѣль упразднить ее тѣмъ или инымъ способомъ есть обстоятельство, которое, какъ ключъ къ пониманію событій и всѣхъ требованій Совѣтской власти къ Церкви, никогда не долженъ упускаться нами изъ вида. С. В. Троицкій ранѣе это понималъ, а теперь старается закрывать на это глаза и это придаетъ его работѣ далекую отъ научности тенденціозность.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ПОСЛАНИЯ И «ЗАВЪЩАНІЕ» ПАТРИАРХА ТИХОНА.

Въ соотвѣтствіи съ принятой имъ тенденціей, С. В. Троицкій пытается доказать, что всѣ посланія Патриарха Тихона послѣ его освобожденія изъ заключенія полностью выражаютъ его подлинное убѣжденіе въ отношеніи преданности Совѣтской власти, а не являются актами вынужденными. Онъ распространяетъ такой взглядъ даже на т. н. “завѣщаніе” Патриарха Тихона, утверждая, будто “именно оно является свободнымъ и точнымъ выраженіемъ убѣжденій и воли Патриарха” (стр. 28).

Но прежде чѣмъ говорить объ этихъ актахъ, я прошу читателя имѣть въ виду все сказанное въ предыдущей главѣ и особенно слова непосредственнаго свидѣтеля церковныхъ событій въ Москвѣ, протопресвитера Виноградова, о тактикѣ Совѣтскихъ чиновниковъ въ отношеніи Церкви.

Надо быть сугубо наивнымъ или тенденціознымъ, чтобы игнорировать условія, въ которыхъ писались посланія Патриарха Тихона.

Сравнивая разныя заявленія Патриарха, видно, какъ постепенно, подъ давленіемъ Совѣтской власти растетъ въ нихъ категоричность его изъявленій о “лояльности” въ отношеніи Совѣтской власти и осужденія зарубежныхъ іерарховъ.

Въ заявленіи, поданномъ изъ подъ стражи 16 іюня 1923 г. Патриархъ признается въ правильности рѣшенія о привлеченіи его къ отвѣтственности “по указаннымъ въ обвинительномъ заключеніи статьямъ Уголовнаго Кодекса за антисовѣтскую дѣятельность”. Онъ далѣе пишетъ, что “раскаивается” въ этихъ проступкахъ противъ государственнаго строя и проситъ Верховный Судъ измѣнить ему мѣру пресѣченія, т. е. освободить его изъ подъ стражи.

“При этомъ”, пишетъ Патриархъ, “я заявляю Верховному Суду, что я отнынѣ Совѣтской власти не врагъ”.

Въ чемъ проявляется эта невраждебность? — “Я окончательно и рѣшительно отмежевываюсь, написалъ Патриархъ, какъ отъ

зарубежной такъ и внутренней монархически-бѣлогвардейской контръ-революціи”.

Тутъ надо обратить вниманіе на нѣсколько обстоятельствъ. Мы видѣли выше, что Патріархъ признавалъ очень важнымъ для Церкви свое освобожденіе изъ тюрьмы. Совѣтская власть подъ влияніемъ заграничныхъ протестовъ, мѣшавшихъ признанію ея со стороны ряда государствъ, и особенно ультиматума Керзона, тоже находила себя вынужденной выпустить своего узника, чего послѣдній не зналъ. Однако, она не хотѣла явно капитулировать.

Въ этихъ условіяхъ для гражданской власти было необходимо, чтобы Патріархъ написалъ заявленіе соответствующее цѣлямъ большевиковъ.

Текстъ его конечно подлежалъ обсужденію между Патріархомъ и его тюремщиками. Патріархъ не легко подписывалъ предлагавшіеся ему документы и, болѣе чѣмъ вѣроятно, что ему было указано въ чемъ и какъ онъ долженъ “раскаяться”, чтобы получить свободу. Но при этомъ онъ разумѣется старался по возможности не говорить ничего лишняго. Однако, ему трудно было отстаивать свои позиціи съ тѣхъ поръ, какъ онъ согласился просить о помилованіи.

Признавъ правильность своего ареста съ точки зрѣнія совѣтскаго уголовного кодекса, Патріархъ отмежевывается отъ контръ-революціи, къ коей онъ фактически и не имѣлъ никакого отношенія, если не считать его обличительныхъ посланій, послѣ которыхъ, однако, прошло уже почти три года.

Изъ нихъ, въ сущности, только посланіе его по поводу Брестскаго мира можно назвать политическимъ выступленіемъ, но оно не связано съ “монархическо-бѣлогвардейской контръ-революціей”. Всѣмъ извѣстно, какъ широко большевики всегда толковали принадлежность къ “контръ-революціи”. Къ ней всегда причислялось всякое дѣяніе, несогласное хоть чѣмъ-либо съ коммунистической “генеральной линіей”.

Но ранѣе, чѣмъ произносить судъ надъ первыми посланіями Патріарха, которыя С. В. Троицкій приписываетъ влиянію “злоумныхъ” политическихъ совѣтниковъ, намъ надо больше остановиться на ихъ содержаніи, чтобы не съ совѣтской точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія объективно-православной, выяснить, были ли они дѣяніемъ, неумѣстнымъ для церковной власти и нарушающимъ 81 Апост. правило, на которое ссылается нашъ канонистъ, противопоставляя ихъ посланію отъ 25 сентября 1919 г.

Не всё наши читатели вѣроятнo имѣютъ Книгу Правиль или даже знакомы съ нею. Поэтому надо напомнить, что 81 правило Св. Апостоль запрещаетъ епископу или пресвитеру “вдаваться въ народныя управленія”, но требуетъ отъ него “неупустительно быти при дѣлахъ церковныхъ”. Иначе говоря, здѣсь рѣчь идетъ о принятіи на себя правительственныхъ функцій въ ущербъ своимъ прямымъ пастырскимъ обязанностямъ. Въ сущности, этимъ правиломъ запрещается клирику или епископу занимать гражданскую правительственную должность. Но ни одно изъ обличительныхъ посланій Патріарха не содержало въ себѣ даже никакого намека на претензію управлять государственными дѣлами.

Въ нихъ, какъ Всероссійскій Архипастырь, онъ только расцѣпывалъ происходящее въ Россіи съ религіозно-нравственной точки зрѣнія и призывалъ народъ къ покаянію. Т. о. ссылка С. В. Троицкаго на это правило совершенно неумѣстна. Еще болѣе неумѣстна и даже странна для канониста ссылка С. В. Троицкаго на 3 правило 4-го Всел. Собора, не имѣющее никакого отношенія къ данному дѣлу, ибо оно касается тѣхъ клириковъ которые “ради гнуснаго прибытка, берутъ на откупъ чужія имѣнія, и устрояютъ мірскія дѣла, о Божіемъ служеніи небрегутъ, а по дѣламъ мірскихъ людей скитаются, и порученія по имѣніямъ пріемлютъ, изъ сребролюбія”.

У насъ была уже рѣчь объ отлученіи большевиковъ отъ Церкви Патріархомъ и Всероссійскимъ Соборомъ. Если судить объективно, то невозможно признать этотъ актъ церковно неоправданнымъ или нарушающимъ 81 правило Св. Апостоль, независимо отъ практическихъ послѣдствій для издавшихъ его церковныхъ властей.

Что касается посланія Патріарха Тихона по случаю заключенія Брестскаго мира, то, какъ я сказалъ выше, оно дѣйствительно написано по поводу важнаго акта въ политической жизни страны.

Однако, политическія событія часто такъ или иначе имѣютъ вліяніе и на духовно-нравственную жизнь народа и на положеніе Церкви.

Именно этой стороны мирнаго договора и касается Посланіе Патріарха Тихона. Это есть вопль пастыря объ отторженіи отъ него его вѣрной паствы, это есть слово обличенія лжи и предупрежденіе, что самыя условія заключеннаго мира содержать въ себѣ сѣмена будущаго кровопролитія.

Патріархъ протестуетъ противъ Брестъ-Литовскаго договора, потому что

“въ немъ посѣяны сѣмена злобы и человѣконенавистничества. Въ немъ зародыши новыхъ войнъ и золь для всего человѣчества. Можетъ-ли примириться русскій народъ со своимъ уничтоженіемъ? Можетъ-ли онъ забыть разлученныхъ отъ него братьевъ по крови и вѣрѣ? И Православная Церковь, которая не могла бы не радоваться и не возносить благодарственного моленія къ Богу за прекращеніе кровопролитія, не могла теперь иначе, какъ съ глубокой скорбью, взирать на эту видимость мира, который не лучше войны”.

Каковъ же нравственный выводъ посланія? Къ чему оно зоветъ? Къ возстанію? Къ контръ-революціи? — Нѣтъ. Патріархъ призываетъ паству къ молитвѣ ко Господу, “чтобы смягчилъ Онъ сердца наши братолюбіемъ и укрѣпилъ ихъ мужествомъ, чтобы Самъ Онъ даровалъ намъ мужей разума и совѣта, вѣрныхъ велѣніямъ Божиимъ, которые исправили бы содѣянное злое дѣло, возвратили отторгнутыхъ и собрали расточенныя”. Патріархъ вызываетъ ко всѣмъ: “спѣшите съ проповѣдью покаянія, съ призывомъ къ прекращенію братоубійственныхъ распрей и разрушенія, съ призывомъ къ миру, къ тишинѣ, къ труду, любви и единенію”.

Итакъ наиболѣе “политическое” посланіе Патріарха не выходитъ изъ предѣловъ религіозно-нравственной трактовки событія, близко касавшагося Церкви.

Что касается его образа дѣйствій внѣ посланій, то самъ же С. В. Троицкій, вслѣдъ за о. М. Польскимъ (стр. 20), приводитъ примѣръ того, какъ Патріархъ устранялся отъ вовлеченія его въ политику (стр. 16). Кстати, тутъ онъ принимаетъ показаніе одного свидѣтеля, при томъ свѣтскаго, а показаніе прот. М. Польскаго, въ другомъ случаѣ, онъ отвергаетъ, потому что нельзя де вѣрить одному свидѣтелю (стр. 20).

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Патріархъ, обличавшій преступленія большевиковъ, сочувствовалъ бѣлымъ арміямъ, но, когда онѣ потерпѣли пораженіе, то онъ, долженъ былъ считаться съ новыми условіями жизни, чтобы въ глазахъ гражданскихъ властей не лежало на каждомъ духовномъ лицѣ клеймо контръ-революціонера и не осложнялось бы и безъ того трудное положеніе Церкви. Въ этихъ цѣляхъ Патріархъ 25 сентября 1919 года издалъ посланіе о прекращеніи духовенствомъ борьбы съ большевиками. Однако, это признаніе пораженія антикоммунистическаго движенія и, въ связи съ тѣмъ, изданіе соответствующаго административнаго распоряженія духовенству, — не могло, ко-

нечно, принципиально изменить взгляды Патриарха на жизнь. Об истинных взглядах его в февраль 1920 года мы имеем свидетельство британского офицера, капитана Франсис Мак Кулагъ, который был при армии Колчака и послѣ плѣненія большевиками былъ въ Москвѣ по пути въ Англию. При посѣщеніи Патриарха онъ говорилъ ему о томъ впечатлѣніи, какое на послѣдователей адм. Колчака и ген. Деникина производили его посланія, обличающія большевиковъ. Макъ Кулагъ замѣтилъ, что Патриарху это было пріятно. “Но, пишетъ Макъ Кулагъ, я не думаю, чтобы онъ еще писалъ посланія, будучи, видимо, удовлетворенъ, что сдѣлалъ все, что могъ, а что остальное въ рукахъ Божіихъ” (Цит. по John Shelton Curtin. The Russian Church and the Soviet State, Бостонъ, 1953, стр. 92). Джонъ Куртисъ, признавая, разумѣется, недоказанной связь Патриарха съ различными антисовѣтскими выступленіями и планами интервенціи, справедливо заключаетъ: “Несомнѣнно, однако, что онъ не былъ враждебенъ къ эмигрантскимъ церковникамъ и никогда не утратилъ того антогонизма къ Совѣтскому режиму, какой онъ имѣлъ въ 1919 году” (тамъ-же стр. 127).

Особенно вѣскими для насъ являются въ этомъ вопросѣ свидетельства духовныхъ лицъ, которые бесѣдовали съ Патриархомъ Тихономъ лично.

“Патриархъ, говоритъ прот. М. Польскій въ книжкѣ, написанной сразу послѣ бѣгства изъ СССР, подъ именемъ Михаилъ Священникъ, постоянно долженъ былъ разгадывать тайные замыслы и намѣренія, скрывающіеся подъ всякими благовидными предложеніями власти. Врагъ дѣйствовалъ то посулами, то угрозами и не ему самому, — что было бы совершенные пустяки! — а Церкви. То онъ обѣщаетъ прекратить аресты духовенства, освободить заключенныхъ или вернуть изъ ссылки такихъ-то нужныхъ Патриарху епископовъ, или дать разрѣшеніе на духовную печать и образованіе, на свободу сѣздовъ и епархіального управленія, то угрожаетъ оставить всѣ репрессіи въ силѣ и еще прибавить. Патриархъ страдалъ. Онъ встрѣчалъ и слушалъ своего врага съ крайнимъ напряженіемъ нервовъ (Положеніе Церкви въ Совѣтской Россіи. Цит. по перепечаткѣ въ Владимірскомъ Календарѣ за 1961 г. (стр. 10-11). Немного дальше прот. М. Польскій пишетъ: “въ бесѣдѣ съ Патриархомъ я ему покаялся, что сидя въ тюрьмѣ, я не разъ мысленно осудилъ его за сдачу позиціи большевикамъ. Патриархъ благодушно прощалъ меня и говорилъ о томъ, что его свобода хуже тюрьмы и самъ вспоминалъ свое сидѣніе, какъ лучшее время” (стр. 12).

Еще значительнѣе то, что пишетъ б. Предсѣдатель Московскаго Епархіального Совѣта, протопресвитеръ Василій Виноградовъ, котораго я уже цитировалъ ранѣе.

“Всѣ, кто какъ и я, пишетъ онъ, имѣли счастье вести съ Патріархомъ личныя, интимныя бесѣды по разнымъ церковно-общественнымъ вопросамъ, могутъ свидѣтельствовать, что Патріархъ никогда, ни единымъ словомъ не высказывалъ ни малѣйшаго осужденія Заграничнымъ іерархамъ и духовенству, равно какъ не проявлялъ ни малѣйшей тѣни симпатіи къ Совѣтской власти или хотя какого-либо одобренія какого-нибудь изъ ея мѣропріятій. При всѣхъ бесѣдахъ съ Патріархомъ до послѣдняго дня его жизни, Патріархъ исходилъ всегда изъ молчаливаго, но совершенно опредѣленнаго и нескрываемаго представленія, что Совѣтская власть есть чуждая для русскаго народа” (стр. 41).

Впрочемъ, если подойти къ вопросу даже безъ этихъ авторитетныхъ свидѣтельствъ, просто психологически невозможно себѣ представить у Патріарха другаго отношенія къ Совѣтской власти, чѣмъ какъ къ ясно выраженному врагу Церкви. Слишкомъ много надо было ему тратить духовныхъ силъ, отстаивая даже минимальныя права Церкви отъ гонителей, слишкомъ много его друзей и сотрудниковъ подвергались незаслуженнымъ репрессіямъ, слишкомъ много мучили его этой, по выраженію о. Виноградова, “игрой кошки съ мышью”, чтобы онъ могъ питать преданность къ Совѣтской власти.

И если внимательно разобрать его посланія (кромѣ пресловутаго “завѣщанія”, о которомъ рѣчь должна быть особо), то тамъ найдемъ лейтъ-мотивомъ только отрицательное заявленіе: “*я отнынѣ Совѣтской власти не врагъ*”.

Въ обращеніи отъ 28 іюня 1923 г. Патріархъ писалъ: “Я конечно не выдавалъ себя за такого поклонника Совѣтской власти, какими объявляютъ себя церковные обновленцы, возглавляемые нынѣшнимъ Высшимъ Церковнымъ Совѣтомъ, но зато я далеко и не такой врагъ ея, какимъ они меня выставляютъ”. Далѣе въ томъ же посланіи Патріархъ напоминаетъ о такомъ же своемъ отрицательномъ заявленіи на имя Верховнаго Суда и говоритъ объ осужденіи имъ посягательства на Совѣтскую власть. “Пусть всѣ заграничныя и внутреннія монархисты и бѣлогвардейцы поймутъ, что я Совѣтской власти не врагъ”. Даже, когда за этимъ слѣдуютъ слова о томъ, что Патріархъ де понялъ “всю ту неправду и клевету, которой подвергается Совѣтская власть со стороны ея

соотечественниковъ и иностранныхъ враговъ”, то это не уничтожаетъ значенія только негативнаго заявленія, какъ опредѣляющаго отношеніе Патріарха къ этой власти. Какъ я уже сказалъ, каждый такой документъ, изданный Патріархомъ послѣ его заявленія суду, надо принимать не какъ плодъ его единоличнаго авторства, а какъ результатъ совмѣстнаго составленія съ представителями гражданской власти, точнѣе ограниченное исполненіе ея требованій. Патріархъ слишкомъ сильно испытывалъ на себѣ самомъ преслѣдованіе со стороны безбожниковъ, чтобы по собственному желанію написать будто обвиненія Совѣтской власти въ разныхъ преступленіяхъ противъ русскихъ людей — клевета.

Тутъ мы опять должны вспомнить приведенныя о. Виноградовымъ слова Патріарха: “Я написалъ тамъ, что я отнынѣ *не врагъ* Совѣтской власти, но я не писалъ, что я *другъ* Совѣтской власти”.

Но представители этой власти давили на Патріарха, они требовали отъ него, чтобы онъ вносилъ въ свои посланія и то, съ чѣмъ онъ не былъ согласенъ, чтобы онъ показалъ себя *другомъ* Совѣтской власти. Требования эти, какъ мы видѣли изъ словъ свидѣтелей, сопровождались угрозами не лично Патріарху, а Церкви и онъ, разъ немного уступивъ, былъ вынужденъ уступать еще и еще немного. Такимъ образомъ, противъ его воли, въ посланіяхъ 28 іюня 1922 г. и 1-го іюня 1923 г. Патріархъ сказалъ больше, чѣмъ въ своемъ вынужденномъ заявленіи Верховному суду.

Въ воззваніи отъ 1-го іюня 1923 г. въ сущности повторяется отмежеваніе отъ тѣхъ враговъ Совѣтской власти, которые стремились “свергнуть ее черезъ Церковь нашу”. Патріархъ признаетъ свою прежнюю вину передъ Совѣтами. Но въ этомъ посланіи уже сказывается ослабленіе сопротивляемости Патріарха въ отстаиваніи своей независимости. Онъ еще возвращается къ своей позиціи только “*не врага*”, говоря, что Россійская Православная Церковь “аполитична и не желаетъ отнынѣ быть ни бѣлой, ни красной”, но уступка ясна, когда употребляются необычныя для Церкви, но принятія Совѣтской властью, выраженія, какъ напр. “враги трудового народа” — “монархисты и бѣлогвардейцы”. Есть тамъ и осужденіе “заграничнаго церковнаго собора Карловацкаго за попытку возстановить въ Россіи монархію изъ Дома Романовыхъ”. По отношенію заграничныхъ іерарховъ добавлена угроза, что если они не прекратятъ дальнѣйшую дѣятельность, то “придется звать Преосвященныхъ Владыкъ въ Москву для отвѣта передъ церковнымъ судомъ и просить власть о разрѣшеніи имъ

прибыть сюда”. Патріархъ этимъ какъ бы давалъ удовлетвореніе большевикамъ, но самъ отлично понималъ, что эти слова не содержатъ ничего страшнаго для Зарубежныхъ епископовъ! Тутъ, подъ вліяніемъ новаго давленія, Патріархъ идетъ только нѣсколько дальше, чѣмъ прежде, въ осужденіи опредѣленій Карловацкаго Собора. Въ изданномъ за годъ до того 22 апрѣля / 5 мая 1922 г. указѣ объ упраздненіи Высшаго Церковнаго Управленія, постановленія Карловацкаго Собора о необходимости возстановленія Монархіи и посланіе міровой Конференціи о большевикахъ были только признаны актами, “не выражающими оффиціального голоса Русской Православной Церкви” и, въ виду ихъ чисто политическаго характера, не имѣющими церковно-каноническаго значенія.

Вопросъ не о судѣ, а о “сужденіи объ отвѣтственности” заграничныхъ іерарховъ былъ затронуть еще въ указѣ 1922 г., а въ посланіи 1-го іюня 1923 года дѣлается угроза вызвать ихъ въ Москву на судъ, при чемъ безъ оговорки прежняго указа: “по возобновленіи нормальной дѣятельности Св. Синода, при полномъ указанномъ въ Соборномъ правилѣ числѣ его членовъ”. Однако, Патріархъ не поддавался требованію Совѣтовъ о заочномъ судѣ надъ заграничными іерархами. По словамъ прот. В. Виноградова,

“Патріархъ рѣшительно отказывалъ Совѣтской власти въ ея постоянномъ настойчивомъ требованіи предпринять какія-либо репрессивныя мѣры противъ заграничныхъ русскихъ іерарховъ и духовенства, а тѣмъ болѣе съ возмущеніемъ отвергалъ всякую мысль о заочномъ осужденіи ихъ церковнымъ судомъ, и былъ настолько твердъ въ этомъ своемъ настроеніи, что его ни въ малѣйшей степени не прельщало обѣщаніе дарованія за это легализаціи Патріаршей Церкви и Патріаршаго Управленія” (стр. 40-41).

Мы еще вернемся къ этому указу ниже, чтобы показать, что онъ былъ написанъ такъ, чтобы, съ одной стороны, Синодъ отмежевывался отъ Зарубежной Церкви, а, съ другой стороны, давалъ формальное основаніе заграничнымъ іерархамъ не исполнять указа до появленія новыхъ данныхъ. Сейчасъ я вспоминаю о немъ, какъ объ одномъ изъ случаевъ проявленія явнаго давленія большевиковъ на Патріарха и Синодъ. Это обнаруживается уже изъ того обстоятельства, что опредѣленіе было вынесено Синодомъ на основаніи заграничной газеты “Новое Время”, которую Синодъ могъ получить только отъ большевиковъ, и, конечно, не для его освѣдомленія, а не иначе, какъ съ требованіемъ вынести осужденіе за рубежомъ іерархамъ.

Итакъ, не остается сомнѣній въ томъ, что С. В. Троицкій тенденціозенъ, когда противъ очевидности рисуеъ Патріарха Тихона въ просовѣтскихъ краскахъ, якобы выступающимъ въ указанныхъ выше случаяхъ по своей свободной волѣ, безъ всякаго давленія большевиковъ.

По своей свободной волѣ онъ разоблачалъ обновленцевъ, а по требованію Смидовича и Тучкова осуждалъ выступленія противъ Совѣтской власти. При этомъ требованія со стороны послѣдней росли, каждый разъ сопровождаясь то угрозами, то обѣщаніями легализаціи Патріаршаго Управленія.

Эти требованія вылились наконецъ въ крайнюю форму, когда отъ Патріарха потребовали подпись подъ документомъ, который теперь принято называть его “завѣщаніемъ”. С. В. Троицкій тоже даетъ ему такое названіе, хотя, даже если признавать его подлинность, надо сказать, что онъ имѣетъ форму посланія, а отнюдь не завѣщанія, ибо въ немъ нѣтъ никакого упоминанія объ ожидающейся кончинѣ Патріарха. Достаточно указать на то, что въ немъ отъ лица Патріарха говорится о созданіи “особой при насъ комиссіи” и говорится: “нынѣ мы, по милости Божіей оправившись отъ болѣзни, вступаая снова на служеніе Церкви Божіей и т. д.”.

Перейдемъ теперь къ пресловутому “завѣщанію” Патріарха Тихона (мы должны будемъ такъ называть его для краткости и ясности). Оно ни по формѣ, ни по содержанію не похоже на другіе документы издававшіеся отъ его имени. Въ послѣднихъ чисто совѣтскіе обороты носятъ характеръ привнесенныхъ со стороны въ подлинный, писанный Патріархомъ текстъ. Тутъ, напротивъ, почти весь документъ исполненъ несвойственной Патріарху совѣтской лжи.

Эта ложь совѣтской пропаганды содержится уже въ первой фразѣ:

“Въ годы великой гражданской разрухи, по волѣ Божіей, безъ которой въ мірѣ ничто не совершается, во главѣ русскаго государства стала Совѣтская власть, принявшая на себя тяжелую обязанность — устраненія жуткихъ послѣдствій кровопролитной войны и страшнаго голода”!

Но кто, какъ не коммунисты устраивали разруху? И кто, какъ не Совѣтская власть вызывала небывалое кровопролитіе? Кто какъ не она была виновницей голода? Объ этомъ свидѣтельствуеъ обличительное посланіе Патріарха Народнымъ Комиссарамъ. Въ этотъ періодъ (предшествующій “Завѣщанію”) за гражданской войной послѣдовалъ страшный голодъ, по справедли-

вому замѣчанію П. Андерсона, “одновременно и причина и слѣдствіе слишкомъ поспѣшной аграрной политики” (*L'Eglise et la Nation en Russie Sovietique*, стр. 108).

Далѣе идетъ прославленіе Совѣтской власти за то, что ея представители

“еще въ январѣ 1918 года издали декретъ о полной свободѣ гражданъ вѣровать во что угодно и по этой вѣрѣ жить. Такимъ образомъ, принципъ свободы совѣсти, провозглашенный Конституціей СССР, обезпечиваетъ всякому религиозному обществу, въ томъ числѣ и нашей Православной Церкви, право и возможность жить и вести свои религиозныя дѣла согласно требованіямъ своей вѣры, поскольку это не нарушаетъ общественнаго порядка и правъ другихъ гражданъ”.

Совершенно невозможно себѣ представить, чтобы всю эту неправду о Совѣтской Конституціи и якобы предоставленіи народу полной свободы совѣсти Патріархъ могъ писать добровольно и сомнительно, чтобы онъ могъ согласиться на подписаніе такихъ заявленій даже подъ давленіемъ.

Вѣдь это было время разгара преслѣдованія Церкви, когда множество епископовъ было въ заключеніи и ихъ продолжали арестовывать и осуждать по разнымъ обвиненіямъ. Продолжалась и поддержка гражданскими властями обновленцевъ.

Можно легко допустить, что, отказавшись отъ борьбы съ большевиками, Патріархъ добросовѣстно настаивалъ на томъ, чтобы этому слѣдовалъ весь его епископатъ и клиръ. Однако, въ условіяхъ гоненія, когда, какъ пишетъ прот. В. Виноградовъ, ни одинъ членъ Патріаршаго Управленія, идя утромъ въ Управленіе, не могъ быть увѣренъ, что онъ не будетъ тамъ арестованъ за участіе въ нелегальномъ учрежденіи или что онъ не найдетъ Патріаршее помѣщеніе уже запечатаннымъ (стр. 17), — странно звучать слова посланія о якобы обезпеченной свободѣ совѣсти. Къ этому періоду П. Андерсенъ относитъ 231 большихъ процессовъ по обвиненію церковниковъ съ 738 осужденными, изъ коихъ 44 приговорены къ смерти, не говоря о безчисленныхъ менѣе значительныхъ процессахъ. “Сводка наиболѣе значительныхъ приговоровъ и административныхъ рѣшеній по религиознымъ дѣламъ, говоритъ онъ, была составлена Гидуляновымъ и издана въ книгѣ, содержащей 600 страницъ большого формата съ мелкимъ шрифтомъ” (П. Андерсонъ, цит. книга, стр. 108-109).

Добавимъ, что даже когда послѣ заявленій Патріарха о лояльности онъ получилъ больше свободы, всетаки оставалось въ силѣ правительственное запрещеніе поминать его за богослуженіемъ.

Это ли можно назвать — обеспеченіемъ права и возможности жить и вести свои дѣла согласно требованіямъ своей вѣры? Этого Патріархъ чистосердечно никогда не могъ бы утверждать. И какъ бы въ насмѣшку, “благополучіе” Церкви въ СССР противопоставляется положенію Церкви въ Польшѣ, гдѣ “изъ 350 находившихся тамъ монастырей и церквей, осталось всего 50. Остальные закрыты или обращены въ костелы, не говоря о тѣхъ гоненіяхъ, какимъ подвергается тамъ наше православное духовенство”.

Дѣйствительно Церковь въ Польшѣ подвергалась притѣсненію, но отнюдь не большому, чѣмъ въ Совѣтской Россіи. Въ частности она не была тамъ лишена всѣхъ юридическихъ правъ. Кстати, указанные въ “завѣщаніи” цифры не совсѣмъ точны и относятся не ко всей Польшѣ, а къ Холмщинѣ и Подляшью, и ко времени значительно предшествовавшему написанію “завѣщанія”, т. е. къ 1918 - 1919 г.г. Тогда изъ 383 храмовъ въ Холмщинѣ и Подляшью православнымъ оставили 63, а ни одинъ монастырь не былъ закрытъ, въ другихъ же частяхъ Польши такой акціи еще не было.

Впрочемъ, если Патріархъ участвовалъ въ какой-нибудь степени въ составленіи проекта посланія, онъ могъ внести указаніе на Польшу въ видѣ косвеннаго упрека Совѣтамъ, которые далеко превзошли поляковъ, отобравъ отъ Церкви *все* ея имущество, закрывъ еще большее число церквей, въ томъ числѣ кремлевскіе соборы и убивъ множество епископовъ, клириковъ и мірянъ, чего поляки не дѣлали.

Далѣе въ “завѣщаніи” содержится осужденіе тѣхъ, кто, “злоупотребляя своимъ церковнымъ положеніемъ, отдается безъ мѣры человѣческому, часто грубому, политиканству, иногда носящему и преступный характеръ”. Предполагается такихъ людей, если они принесутъ “раскаяніе передъ Совѣтской властью” предавать суду православнаго Собора.

Извѣстно, что епископовъ, клириковъ и церковныхъ дѣятелей всегда преслѣдовали формально не за вѣру, а по политическимъ обвиненіямъ. Но Церковь и Патріархъ, хорошо зная это, никогда не признавали справедливости этихъ преслѣдованій. Между тѣмъ приведенное мѣсто “завѣщанія” обязало бы Патріаршее Управленіе примѣнять церковныя кары къ тѣмъ, кого обвиняетъ Совѣтская власть. Церковь не могла бы пересматривать справедливость постановленій Совѣтскихъ трибуналовъ и, т. о. вынуждена была бы налагать церковныя кары на самыхъ лучшихъ, вѣрныхъ и твердыхъ своихъ дѣятелей.

Невозможно себя представить, чтобы осторожный и дальновидный Патриарх Тихонъ самъ для себя сочинилъ такую убійственную ловушку.

Эту часть “завѣщанія” нельзя себя представить иначе, какъ выраженіемъ требованія Совѣтской власти и при томъ требованія максимальнаго.

Такой же характеръ носитъ и то, что написано о зарубежныхъ іерархахъ. Укоризненные для нихъ заявленія общаго характера въ прежнихъ актахъ тутъ смѣняются уже конкретнымъ мѣропріятіемъ: отъ нихъ требуется “имѣть мужество вернуться на родину и сказать правду о себѣ и Церкви Божіей”.

Указывается, что “ихъ дѣянія должны быть обслѣдованы”, для чего предполагается учредить особую комиссію, которая должна дѣятельности ихъ “дать немедленную оцѣнку”. На этотъ разъ указывается и два имени: Митрополита Антонія и Митрополита Платона, какъ подлежащихъ отвѣтственности, и въ заключеніе говорится: “Ихъ отказъ подчиниться нашему призыву вынудилъ насъ судить ихъ заочно”.

Зачѣмъ писалось это “завѣщаніе”? Иначе говоря, чѣмъ склоняли Патриарха на подписаніе его? Это раскрывается въ заключительномъ абзацѣ.

Мы видѣли, что у большевиковъ было два способа для того, чтобы склонять Патриарха къ изданію желательныхъ имъ актовъ: угрозы самому существованію Церкви, основанные на нелегальности ея положенія и обѣщанія такъ или иначе ее легализировать. Несомнѣнно что тотъ-же методъ примѣнялся и въ данномъ случаѣ. Отъ Патриарха требовалось заявленіе, свидѣтельствующее на дѣлѣ объ искренности его лояльности, при чемъ его, какъ это уже бывало, обнадеживали, что въ этомъ случаѣ правовое положеніе Церкви будетъ улучшено. Это видно изъ слѣдующихъ словъ “завѣщанія”: “Вмѣстѣ съ тѣмъ мы выражаемъ полную увѣренность, что установка чистыхъ, искреннихъ отношеній побудитъ нашу власть относиться къ намъ съ полнымъ довѣріемъ, дастъ намъ возможность преподавать дѣтямъ нашихъ пасомыхъ Законъ Божій, имѣть богословскія школы для подготовки пастырей, издавать въ защиту православной вѣры книги и журналы”.

Прот. М. Польскій замѣчаетъ, что “завѣщаніе” датировано днемъ смерти Патриарха — 7 апрѣля 1925 г. — “и по времени и по содержанію своему вызвало сомнѣніе въ его подлинности”. Однако, дальше онъ находитъ, что “признаніе въ немъ за большевиками какихъ то достоинствъ и общій дѣланный тонъ его”, не

понравившійся клиру, говорить, однако, “не о подлогѣ, не о неподлинности подписи Патріарха подъ нимъ а только о томъ, что Патріархъ не могъ дать его добровольно” (стр. 24).

На чемъ онъ основываетъ свое заключеніе? — На томъ, что за два часа до смерти Патріарха изъ комнаты его выходилъ Митрополитъ Петръ Крутицкій съ бумагой въ рукахъ. Передъ тѣмъ онъ очень долго оставался у Патріарха и очень возбужденно о чемъ-то говорилъ съ нимъ. Никакого другого документа подъ этимъ числомъ (7 апрѣля н. стилия, день Благовѣщенія Пресв. Богородицы) не было, а “завѣщаніе” помѣчено этимъ числомъ. Возбужденный разговоръ такимъ образомъ указывалъ бы на то, что Митрополитъ Петръ настойчиво добивался подписи, которую де Патріархъ далъ послѣ большой борьбы. Митрополитъ Петръ по этой теоріи такъ настойчиво добивался этого потому что “завѣщаніе” служило условіемъ гражданской власти для согласія на мѣстоблюстительство Митрополита Петра (тамъ же).

С. В. Троицкій не безъ основанія замѣчаетъ, что эта теорія противорѣчитъ прежде всего характеристикѣ, которую о. М. Польскій даетъ Митрополиту Петру, какъ человѣку твердому и безбоязненному, который самъ отказался подписать подобную “завѣщанію” декларацію.

С. В. Троицкій правъ въ этой своей критикѣ, но не правъ когда безъ основаній говорить о непримиримости Митрополита Петра къ “Карловчанамъ”.

Когда, гдѣ и чѣмъ проявилъ Митрополитъ Петръ эту “непримиримость”? С. В. Троицкій благоразумно объ этомъ умалчиваетъ. Между тѣмъ нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что въ посланіи самого Митрополита Петра, черезъ три мѣсяца послѣ вступленія его въ должность, онъ ни единымъ словомъ о “Карловчанахъ” не обмолвился, сосредоточивъ свое обличеніе на обновленцахъ, а о Совѣтской власти говорить лишь нѣсколько словъ.

Итакъ, въ отношеніи Митрополита Петра неправы авторы обоихъ разбираемыхъ сочиненій: С. В. Троицкій даетъ ему произвольную и тенденціозную характеристику, а прот. М. Польскій слишкомъ легко повѣрилъ версіи о якобы понужденіи Патріарха Митрополитомъ Петромъ подписать “завѣщаніе”.

Пусть Митрополитъ Петръ долго сидѣлъ у Патріарха и возбужденно говорилъ съ нимъ. Значить-ли это, что онъ уговаривалъ его подписать именно “завѣщаніе”? А можетъ быть они обсуждали другой вопросъ, или Митрополитъ Петръ былъ взволнованъ

содержаніемъ документа подѣ которымъ большевики требовали подпись Патріарха? Теоретически можно допустить и то, что, напротивъ, онъ доказывалъ Патріарху невозможность для него поставить свою подпись подѣ такимъ документомъ. Наконецъ, если онъ вышелъ отъ Патріарха съ бумагой, кто можетъ доказать, что это именно и было “завѣщаніе”, а не что-нибудь другое? Почему, зная безсовѣстность большевиковъ, о. М. Польскій не принялъ во вниманіе возможность подлога съ ихъ стороны? Не обличаетъ-ли ихъ самая дата, помѣченная днемъ смерти Патріарха только по новому стилю, въ то время, какъ онъ помѣчалъ свои посланія по старому стилю, а его резолюція Валаамскому монастырю, за мѣсяць до смерти помѣчена двумя стилями — 25 февраля / 10 марта 1925 г.

Вызываетъ недоумѣніе утвержденіе С. В. Троицкаго, будто “завѣщаніе” было написано Патріархомъ еще 7 янв. 1925 г. — за три мѣсяца до смерти, т. е. что текстъ его былъ давно выработанъ и въ день смерти Патріарху оставалось только подписать его (стр. 29). Это совершенно произвольное утвержденіе, рѣшительно ни на чемъ не основанное, но измышленное съ опредѣленной тенденціозной цѣлью.

Къ сожалѣнію, когда о. М. Польскій писалъ свою книгу, онъ не могъ быть знакомъ съ наиболѣе полнымъ изслѣдованіемъ вопроса о “завѣщаніи” Патріарха Тихона, принадлежащемъ перу о. протопресвитера Василия Виноградова, къ свидѣтельству котораго мы уже не разъ обращались. Онъ представляетъ нѣкоторыя данныя и соображенія, которыя явно укрѣпляютъ сомнѣніе въ томъ, что т. н. “завѣщаніе” могло быть дѣйствительно написано лично Патріархомъ “выражало его искреннее убѣжденіе и сдѣлано вполне свободно” (стр. 31).

Важность для исторіи свидѣтельства и глубокаго анализа событій, связанныхъ съ т. н. “завѣщаніемъ” Патріарха Тихона, содержащихся въ воспоминаніяхъ о. прот. В. Виноградова, побуждаетъ меня, съ разрѣшенія автора, цѣликомъ привести большую выдержку изъ чрезвычайно интересной книги о. протопресвитера со стр. 42 по 56:

“При всѣхъ бесѣдахъ съ Патріархомъ до послѣдняго дня его жизни Патріархъ исходилъ всегда изъ молчаливаго, но совершенно опредѣленнаго и нескрываемаго представленія, что совѣтская власть есть чуждая для русскаго народа.

Неудивительно поэтому, что первой реакціей на появленіе этого “посланія” черезъ ведѣлю послѣ смерти Патріарха и, при томъ,

только именно въ совѣтскихъ газетахъ, и внутри Сов. Россіи, — въ кругахъ близкихъ патриарху, и за границей, и прежде всего въ Св. Синодѣ Зарубежной Русской Церкви было признаніе полной подложности этого “посланія”, мнѣніе, что большевики *полностью* сочинили это посланіе, и при томъ, *посль смерти* Патриарха. Но противъ такого предположенія рѣшительно говорить все построение посланія. “Посланіе” названо въ газетахъ “завѣщательнымъ”, а между тѣмъ поводомъ къ написанію этого посланія Патриархъ здѣсь объявляетъ не ожиданіе своей кончины, а, наоборотъ, свое выздоровленіе и намѣреніе снова вступить въ непосредственное управленіе Церковью; и далѣе въ посланіи говорится о планахъ Патриарха, собирающагося жить и дѣйствовать, а не умирать. Если бы большевики полностью сочинили это “посланіе” *посль смерти* Патриарха, и именно, какъ *завѣщательное, предсмертное*, то ставить въ немъ Патриарха въ такой ситуаци было бы, съ совѣтской стороны, совершенно бессмысленно и даже шло бы прямо въ разрѣзъ съ даваемымъ “посланію” назначеніемъ “завѣщанія”. Поэтому, какъ болѣе естественное явилось другое предположеніе, что большевики сочинили *полностью* это “посланіе” и *принудили* Патриарха подписать его въ больницѣ *въ послѣдніе часы его жизни*, причѣмъ принужденіе это было *не физическое, а моральное*, и даже при посредствѣ митрополита Петра. Такого мнѣнія держится авторъ книги — “Каноническое положеніе Высшей Церковной власти въ СССР и за границей” — прот. М. Польскій и подавляющее большинство авторовъ различныхъ статей, посвященныхъ памяти П. Тихона (за исключеніемъ предположенія о. Польскаго о причастности сюда м. Петра). Если первое предположеніе имѣетъ противъ себя вышеуказанное сильное возраженіе во всемъ построеніи посланія, то второе оставляетъ все же темную тѣнь на нравственномъ обликѣ Патриарха: находясь въ совершенно спокойныхъ внѣшнихъ условіяхъ больничнаго режима, онъ не нашель въ себѣ достаточно силы воли, чтобы противостоять только простому психическому давленію на него и за нѣсколько часовъ до смерти въ полномъ сознаніи подписалъ документъ, совершенно чуждый его убѣжденіямъ.

Къ утѣшенію всѣхъ почитателей памяти Св. Патриарха я могу представить нѣкоторыя данныя и соображенія, которыя, по моему мнѣнію, окончательно снимаютъ эту скорбную тѣнь съ послѣднихъ часовъ жизни Св. Патриарха.

По напечатаніи “посланія” въ официальномъ совѣтскомъ органѣ “Извѣстія” Митрополитъ Петръ на обращаемые къ нему недоумѣнные вопросы не только никогда не отрицалъ подлинности патриаршаго посланія, но положительно это утверждалъ, отвѣчая, что посланіе онъ *“самъ лично получилъ изъ рукъ Патриарха”* и самъ лично, съ согласія остальныхъ двухъ членовъ патриаршаго Синода (Митрополита Тихона Уральскаго и Серафима Тверскаго) направилъ

въ редакцію “Извѣстій” для напечатанія, конечно съ вѣдома и разрѣшенія начальника церковнаго отдѣла ГПУ Тучкова. Оба члена Синода подтверждали это заявленіе. Но это заявленіе М. Петра и двухъ другихъ Митрополитовъ требовало непремѣннаго объясненія: почему же они не опубликовали этого посланія Патріарха вмѣстѣ съ опубликованіемъ завѣщательнаго распоряженія Патріарха о мѣстоблюстителствѣ, а главное, почему они не опубликовали этого посланія на состоявшемся въ день погребенія Патріарха вечеромъ грандіозномъ совѣщаніи около 60 епископовъ, участвовавшихъ въ погребеніи Патріарха и собравшихся для соборнаго утвержденія завѣщательнаго распоряженія Патріарха о мѣстоблюстителствѣ?! Вѣдь въ “посланіи” даются отъ имени Патріарха чрезвычайно важныя директивы, именно, всей русской іерархіи, и гдѣ, какъ не на этомъ чрезвычайномъ собраніи почти всего наличнаго епископата Патріаршей Церкви, было для М. Петра и Синода самое подходящее мѣсто ознакомить епископатъ съ этими директивами и получить въ свою очередь отъ епископата указанія о порядкѣ выполненія этихъ директивъ! Между тѣмъ М. Петръ и Синодъ совершенно умолчали на этомъ совѣщаніи столь важнаго и касающагося всей іерархіи документа, и только послѣ совѣщанія объявили объ его существованіи и, при томъ, такимъ необычнымъ путемъ — напечатаніемъ въ “Извѣстіяхъ”. Отъ разъясненія этого недоумѣнія всѣ три Митрополита подъ разными предлогами уклонились, да и рѣдко кто рѣшался ставить такой неделикатный вопросъ Митрополиту Петру, догадываясь, что здѣсь такъ или иначе замѣшано ГПУ, о закулисныхъ дѣйствіяхъ котораго сообщать что либо со стороны Митрополитовъ было бы дѣломъ крайне опаснымъ. Но лѣтъ черезъ пять послѣ смерти Патріарха, когда М. Петръ давно былъ въ далекой ссылкѣ, въ періодъ управленія уже митрополита Сергія, въ Москву въ Патріархію явился изъ заграницы чрезвычайно важный гость, на вопросы котораго не дать отвѣта уже было нельзя. То былъ высокопочтенный Митрополитъ Литовскій Елевѣерій. Съ разрѣшенія Совѣтской власти онъ пробылъ въ гостяхъ въ Патріархіи цѣлую недѣлю (больше недѣли Сов. власть рѣшительно не дозволила). Свои впечатлѣнія М. Елевѣерій изложилъ въ небольшой книжкѣ (въ 2-хъ частяхъ) подъ заглавіемъ “Недѣля въ Патріархіи”. Книга эта поражаетъ той наивной, почти дѣтской довѣрчивостью, съ какою заграничный іерархъ, незнакомый съ условіями совѣтской жизни и психологіей подсовѣтскихъ церковныхъ дѣятелей, и къ тому же человѣкъ чистой и открытой души, взиралъ на искусственно, специально для показу ему созданныя фикціи *свободной* церковной жизни и *свободнаго* церковнаго управленія. Ему и на мысль не приходитъ, чтобы такъ гостепріимно принимающіе его члены Синода, русскіе іерархи, могли почему либо на его вопросы объ условіяхъ и обстоятельствахъ церковной и ихъ личной жизни давать отвѣты не тѣ, которые они хо-

тѣли бы ему дать, а тѣ, которые угодны ГПУ (агенты котораго, какъ они хорошо знали, въ той или другой формѣ, непременно всюду и вездѣ въ Патріархіи). И вотъ, не подозрѣвая всей крайней щепетильности своего вопроса, М. Елєвєерій просить у членовъ Синода объяснить ему происхождение посланія 7 апрѣля 1925 г. и конечно, причину его столь поздняго появленія. Ему отвѣчаетъ М. Серафимъ (Александровъ), какъ единственный оставшійся членъ Синода того состава, который былъ въ моментъ смерти Патріарха. Онъ сообщаетъ М. Елєвєерію приблизительно слѣдующее: М. Петръ при своемъ послѣднемъ посѣщеніи Патріарха получилъ отъ него два *запечатанныхъ* пакета, изъ которыхъ въ одномъ, какъ оказалось, находилось завѣщательное распоряженіе о мѣстоблюстителствѣ, а въ другомъ — это самое “посланіе”. Возвратившись домой, М. Петръ вскрылъ одинъ изъ этихъ пакетовъ, какъ разъ именно тотъ, въ которомъ находилось завѣщательное распоряженіе о мѣстоблюстителствѣ, а другой пакетъ, въ которомъ находилось “посланіе”, *случайно* въ этотъ моментъ не вскрылъ, а затѣмъ, вслѣдствіе многоразличныхъ хлопотъ, обрушившихся на него въ связи съ неожиданной смертью Патріарха и его погребеніемъ, и *вовсе забылъ о немъ*, а вспомнилъ уже только черезъ нѣсколько дней послѣ погребенія, освободившись отъ связанныхъ съ нимъ трудовъ и заботъ. И только теперь, открывъ пакетъ и найдя *неожиданную* находку, — патріаршее “посланіе” — и притомъ чрезвычайной и церковной и политической важности, немедленно предъявилъ его въ ГПУ Тучкову, а тотъ предложилъ М. Петру это “посланіе” немедленно отправить въ редакцію “Извѣстій”, что М. Петръ, послѣ совѣщанія съ другими членами Синода и съ ихъ согласія и сдѣлалъ”. М. Елєвєерій отнесся къ этому повѣствованію съ полнымъ довѣріемъ и вполне имъ удовлетворился. Но достаточно было съ его стороны только *немного критическаго* подхода, чтобы почувствовать *крайнюю* неправдоподобность этого повѣствованія.

Прежде всего, совершенно невозможная вещь, чтобы Патріархъ, передавая М. Петру два запечатанныхъ пакета съ документами чрезвычайной важности, не сообщилъ ему, *что* именно въ этихъ пакетахъ находится, а М. Петръ, зная о чрезвычайной важности этихъ обоихъ документовъ, объ одномъ изъ нихъ забылъ. Далѣе совершенно невозможная вещь, чтобы *оба* пакета Патріархъ передалъ М. Петру въ *запечатанномъ* видѣ. Вѣдь если Патріархъ и имѣлъ основаніе передать въ запечатанномъ конвертѣ свое завѣщательное распоряженіе о мѣстоблюстителствѣ (съ тѣмъ, чтобы этотъ конвертъ былъ вскрытъ только послѣ его кончины, немедленнаго наступленія которой Патріархъ въ тотъ моментъ совѣмъ не ожидалъ), то передавать М. Петру въ *запечатанномъ* конвертѣ и безъ всякаго объясненія, что въ немъ находится посланіе, которое подлежало М. Петру *немедленно* опубликовать, Патріархъ не имѣлъ ни малѣйшаго осно-

ванія: это былъ бы актъ совершенно безсмысленный, а Патріархъ, какъ извѣстно, до самой кончины сохранялъ ясность ума и разсудка. Затѣмъ, крайне изумительно, что изъ двухъ запечатанныхъ пакетовъ неизвѣстнаго содержанія, М. Петръ “случайно” вскрылъ именно тотъ, который былъ ему неотложно необходимъ (съ завѣщательнымъ распоряженіемъ о мѣстоблюстительствѣ), а не тотъ, гдѣ находилось посланіе. И, наконецъ, крайне невѣроятно, чтобы М. Петръ, вскрывъ первый пакетъ и увидѣвъ въ немъ документъ, дающій дерективы на случай смерти Патріарха, нисколько не заинтересовался: а не находится ли въ другомъ пакетѣ что либо дополнительное и разъяснительное къ этому документу?! А въ такомъ случаѣ онъ, конечно, никакъ бы не “забылъ” немедленно вскрыть и второй пакетъ.

Все повѣствованіе М. Серафима имѣетъ совершенно откровенный характеръ маловероятной сказки. Но рассказывая М. Елѣвѣрію эту сказку, такой опытный дипломатъ, какъ М. Серафимъ, считывалъ вовсе не на простодушную довѣрчивость своего собесѣдника, а наоборотъ, — на его *дипломатическую прозорливость и догадливость*: явная неправдоподобность рассказа должна была дать почувствовать М. Елѣвѣрію, что его собесѣдникъ, при всемъ своемъ желаніи, не считаетъ для себя возможнымъ даже прямо сознаться, что онъ не въ состояніи правдиво отвѣтить на поставленный ему заграничнымъ гостемъ вопросъ и повѣдать настоящее происхождение и цѣну посланія. Зная психологію М. Серафима, можно быть увѣреннымъ, что въ настоящую исторію происхожденія посланія М. Серафимъ не посвятилъ полностью ни другихъ членовъ составленнаго М. Сергіемъ Синода, ни самого М. Сергія. Но для нихъ всѣхъ внутренней смыслъ неправдоподобнаго рассказа М. Серафима былъ совершенно ясенъ: “дѣло съ посланіемъ происходило при непосредственномъ участіи ГПУ — Тучкова, а какъ именно — отвѣчать на этотъ вопросъ М. Серафимъ правдиво не можетъ, не рискуя жизнью”. Да для нихъ этотъ вопросъ и не имѣлъ особой практической жизненной важности, т. е. каждый изъ нихъ, равно какъ и весь епископатъ и духовенство, и весь вѣрующій народъ, не имѣли ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что “посланіе” ни въ какой степени не выражаетъ истинной воли и взглядовъ покойнаго Патріарха.

Митрополитъ Петръ, если бы дѣйствительно получилъ изъ рукъ Патріарха, въ предсмертные часы послѣдняго, подписанное Патріархомъ “завѣщательное посланіе”, ни въ коемъ случаѣ не могъ бы тотчасъ же о немъ “забыть”; а если бы и сознательно *хотѣлъ бы забыть*, то этого не позволилъ бы ему сдѣлать тотъ же вершитель судебъ Русской Церкви того времени — Тучковъ. Вѣдь это “посланіе” являлось какъ разъ тѣмъ актомъ, котораго Тучковъ, то рѣшительно и ультимативно, то, отвлеченный проведеніемъ той или другой новой въ отношеніи патріаршаго управленія провокаціи, мѣнѣе настойчиво, но непрестанно добивался отъ Патріарха съ самаго

момента его освобождения изъ заключенія — актомъ объявленія себя *положительно* другомъ и сторонникомъ совѣтской власти — съ одной стороны, и согласія на заочный судъ и осужденія заграничной русской іерархіи — съ другой.

Исчерпавъ все возможные другіе способы и приемы провокаціи, Тучковъ въ послѣдніе мѣсяцы жизни Патріарха снова съ самой рѣшительной настойчивостью повелъ атаки на Священный Синодъ, съ цѣлью заставить его добиться у Патріарха этого желательнаго ему акта въ формѣ соответствующаго посланія. Насколько ультимативно и настойчиво немедленно требовалъ этого Тучковъ въ послѣдніе дни жизни Патріарха, достаточно свидѣтельствуешь тотъ мало извѣстный фактъ, что больной Патріархъ въ самый день своей смерти, и притомъ въ великій праздникъ Благовѣщенія, былъ принужденъ побѣхать на экстренное засѣданіе Священнаго Синода, созваннаго именно, специально для выработки проекта соответствующаго посланія. Выработанный такимъ образомъ проектъ посланія Митрополитъ Петръ поспѣшилъ немедленно свезти для согласованія къ Тучкову и именно отъ послѣдняго и явился съ этимъ “исправленнымъ” проектомъ въ больницу къ Патріарху въ послѣдніе часы его жизни. Я имѣю свѣдѣнія изъ самаго достовѣрнаго источника, что Патріархъ встрѣтилъ этотъ “исправленный” Тучковымъ проектъ рѣшительнымъ неодобреніемъ.

Дѣло въ томъ, что во время этой послѣдней бесѣды М. Петра съ Патріархомъ въ сосѣднемъ съ больничной комнатой Патріарха помѣщеніи находилось одно очень близкое къ Патріарху и патріаршему окруженію лицо (кто именно это былъ и по какой причинѣ, я здѣсь не могу сообщить, т. к. это лицо возможно еще живо и находится въ предѣлахъ досягаемости Совѣтской власти). Отъ него я непосредственно лично слышалъ приблизительно слѣдующее. “Находясь въ сосѣднемъ помѣщеніи, я слышалъ, какъ вошелъ въ комнату Патріарха М. Петръ и затѣмъ что-то обычнымъ своимъ голосомъ или читалъ или докладывалъ Патріарху. О чемъ читалъ или докладывалъ М. Петръ я не слышалъ, да и не старался вслушаться, т. к. ничего *необычнаго* въ этомъ визитѣ М. Петра къ больному Патріарху не представлялось для меня. Но только я слышалъ, какъ Патріархъ нѣсколько разъ и притомъ въ нѣсколько раздраженномъ, повышенномъ тонѣ прерывалъ докладъ М. Петра замѣчаніемъ “я этого не могу” — и изъ этого я заключилъ только, что то, что читалъ или докладывалъ М. Петръ Патріарху, встрѣчено было послѣднимъ рѣшительно неодобрительно. Когда М. Петръ вышелъ изъ комнаты Патріарха, съ Патріархомъ вскорѣ сдѣлалось дурно и началось предсмертное состояніе”.

Это повѣствованіе очевидца, котораго я хорошо зналъ и которому безусловно довѣряю, прежде всего снимаетъ съ М. Петра всякую тѣнь, возводимую на него безъ всякаго основанія тяжелаго

обвиненія, что онъ будто бы, “въ бурной предсмертной бесѣдѣ съ назойливостью вырвалъ у Патріарха подпись подъ указаннымъ документомъ”. Въ зарубежной печати выдвигалось это обвиненіе и даже сообщалось, что будто бы епископаты зналъ объ этой бурной предсмертной бесѣдѣ М. Петра и не одобрилъ его за “назойливость”. Спрашивается: если и допустить, что М. Петръ дѣйствительно велъ эту “бурную, назойливую бесѣду”, “вырывая” у Патріарха подпись, то можно ли допустить, что самъ М. Петръ сталъ бы рассказывать архіереямъ или кому либо объ этомъ крайне предосудительномъ характерѣ своего послѣдняго объясненія съ Патріархомъ?! Конечно, нѣтъ. А вѣдь никакихъ свидѣтелей этой бесѣды (кромѣ вышеупомянутаго мною лица), которые могли бы сообщить объ этомъ, не было! Откуда же могъ бы узнать о “бурномъ, назойливомъ, характерѣ” послѣдней бесѣды М. Петра съ Патріархомъ “русскій епископаты”? Ни откуда! Несомнѣнно, если кто-либо изъ “епископаты” и приписывалъ М. Петру этотъ ужасный актъ, то только развѣ введенный въ заблужденіе со стороны лицъ, рѣшившихъ, что Патріархъ дѣйствительно подписалъ посланіе въ свои предсмертные часы въ присутствіи М. Петра, и не придумавшихъ никакого иного лучшаго объясненія поступку Патріарха, какъ приписать его “бурному и назойливому” требованію М. Петра. Но тотъ, кому пришло въ голову это объясненіе, не учелъ одного очень серьезнаго препятствія къ его допущенію, а именно: всѣ, кто хорошо зналъ характеръ М. Петра, могутъ свидѣтельствовать, что онъ былъ (во всякомъ случаѣ въ періодъ своего управленія епархіей) настолько благороднымъ, мягкимъ и деликатнымъ человѣкомъ, что онъ не могъ допустить какого либо “бурнаго” объясненія даже съ послѣднимъ служащимъ Епархіальнаго Управленія или сельскимъ псаломщикомъ, какъ бы грубо тотъ ему не отвѣчалъ. Представить же себѣ М. Петра въ “бурномъ” объясненіи съ кѣмъ либо изъ архіереевъ, а тѣмъ болѣе съ самимъ Патріархомъ, съ которымъ никто никогда не дерзалъ на что либо подобное, — это совершенно невозможная вещь. И потому есть полное основаніе довѣрять вышеприведенному сообщенію упомянутаго мною лица, что бесѣда М. Петра съ Патріархомъ имѣла характеръ обычнаго разговора, доклада или чтенія, прерываемаго репликами Патріарха. И если, какъ сообщило это лицо, реплики Патріарха — “я этого не могу” были въ нѣсколько “повышенномъ и раздраженномъ тонѣ”, то этотъ тонъ раздраженія относился отнюдь не къ М. Петру. Я могу засвидѣтельствовать, что именно въ этомъ нѣсколько раздраженномъ тонѣ и именно этой фразой Патріархъ всегда реагировалъ, когда Патріаршее Управленіе докладывало Патріарху о новыхъ провокаціонныхъ требованіяхъ, предъявляемыхъ ему черезъ Патріаршее Управленіе, и этотъ тонъ, конечно, относился не къ докладчикамъ, а къ Тучкову.

Очевидно, что Тучковъ такъ проредактировалъ, составленный на засѣданіи Синода подъ предѣдательствомъ самого Патріарха проектъ посланія, что онъ оказался для Патріарха неприемлемымъ. Но можетъ быть въ концѣ концовъ М. Петръ представилъ Патріарху настолько вѣскіе аргументы, вѣрнѣе сказать, доложилъ о наличии настолько чрезвычайно угрожающей со стороны Тучкова опасности для бытія Патріаршей Церкви, что Патріархъ наконецъ согласился подписать, проредактированный Тучковымъ текстъ посланія?! Что М. Петръ доложилъ Патріарху о чрезвычайно опасныхъ для Церкви угрозахъ Тучкова и что эти угрозы Тучкова (а не настоянія М. Петра), переданные М. Петромъ, произвели на Патріарха крайне тяжелое впечатлѣніе, это несомнѣнно явствуетъ изъ того, что тотчасъ съ Патріархомъ сдѣлалось плохо и начался предсмертный процессъ. Но что Патріархъ все же не подписалъ представленнаго ему текста посланія, это, по моему мнѣнію, съ несомнѣнностью доказываетъ одно обстоятельство, на которое почему то мало обращаютъ вниманія. Тотчасъ послѣ погребенія Патріарха въ томъ же Донскомъ монастырѣ въ помѣщеніи Патріарха, съ разрѣшенія Тучкова, состоялось совѣщаніе всѣхъ участвовавшихъ въ отпѣваніи Патріарха архіереевъ въ количествѣ 60 человекъ. На этомъ совѣщаніи М. Петръ огласилъ завѣщательное распоряженіе Патріарха о мѣстоблюстителствѣ и предложилъ его на утвержденіе совѣщанія. Если бы М. Петръ при этомъ имѣлъ въ рукахъ также подписанное Патріархомъ “посланіе”, такъ важное для руководства Мѣстоблюстителя и епископата, какъ бы и почему бы онъ могъ рѣшиться скрыть отъ собравшихся епископовъ существованіе столь важнаго патріаршаго “посланія”? Объясненія “забылъ” или “не захотѣлъ” здѣсь никакъ не подходятъ. Ни “забыть”, ни “не захотѣть” здѣсь ему ни въ коемъ случаѣ не позволилъ бы Тучковъ. Опубликованіе посланія на этомъ совѣщаніи, какъ нельзя больше, требовалось интересами Тучкова. Здѣсь ему представлялся, какъ нельзя болѣе, удобный случай вывить самымъ рѣшительнымъ образомъ отношеніе русской іерархіи къ Совѣтской власти: кто изъ епископовъ высказался бы противъ директивъ посланія, тотъ оказался бы сразу и противникомъ воли Патріарха и противникомъ Совѣтской власти и подлежалъ бы непремѣнному аресту и уничтоженію; высказавшіеся же за принятіе директивъ посланія тѣмъ самымъ официально обязывались бы эти директивы проводить въ жизнь. Кто знавалъ Тучкова и его методы дѣйствія, для того не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что если бы Тучковъ располагалъ подписаннымъ Патріархомъ текстомъ, онъ такого случая никогда бы не упустилъ и непремѣнно обязалъ бы М. Петра уже при выдачѣ разрѣшенія на это совѣщаніе епископовъ, непремѣнно огласить это посланіе и запросить собравшихся епископовъ объ ихъ отношеніи къ содержанію этого посланія. Если бы М. Петръ такого обязательства не далъ, то и разрѣшенія на собра-

ніе не получили бы. Если же, давъ обязательство, онъ бы его не исполнилъ, то на него и на всѣхъ епископовъ немедленно бы обрушились гнѣвъ и рѣшительныя репрессіи ГПУ. Между тѣмъ всѣ епископы развѣхались съ совѣщанія въ полномъ мирѣ и безопасности, и самъ М. Петръ, въ теченіе по крайней мѣрѣ двухъ первыхъ мѣсяцевъ своего мѣстоблюстительства, явно чувствовалъ за собой положительное къ нему отношеніе ГПУ и Тучкова. Поэтому можно считать за несомнѣнное: если М. Петръ на совѣщаніи епископовъ этого посланія не огласилъ, то значить Тучковъ ему такого требованія объ оглашеніи не предъявлялъ: а если Тучковъ такого требованія не предъявлялъ, то онъ могъ поступить такъ только по одной единственной причинѣ: *подписи Патріарха подъ текстомъ “посланія” не было: М. Петръ этой подписи не получилъ.*

Но Тучковъ былъ человѣкомъ, способнымъ для достиженія поставленной цѣли не останавливаться и передъ обманомъ; какъ онъ поступилъ въ свое время съ уже отмѣненнымъ посланіемъ о новомъ стилѣ (см. очеркъ 5-й), какъ онъ поступилъ съ неутвержденнымъ проэктомъ Высшаго Церковнаго Управления (см. очеркъ 6-й), такъ онъ рѣшается поступить и въ данномъ случаѣ: онъ рѣшается *неподписанный* Патріархомъ проектъ посланія объявить *подписаннымъ*. На самомъ совѣщаніи епископовъ этого сдѣлать было конечно нельзя: епископы непременно потребовали бы предъявить имъ оригиналъ посланія съ подписью Патріарха. Но у Тучкова было для этого въ распоряженіи и другое средство — монополярная совѣтская печать. Выждавъ время, когда архіерейское совѣщаніе прошло, и почти всѣ участвовавшіе на немъ епископы развѣхались изъ Москвы, Тучковъ отправляетъ текстъ “посланія” въ редакцію “Извѣстій” и печатаетъ его въ качествѣ подлиннаго посланія Патріарха Тихона. И вотъ вся Россія и заграница читаютъ новое “посланіе” П. Тихона, опубликованное самымъ официальнымъ образомъ въ официальномъ правительственномъ органѣ и объявленное въ качествѣ какъ бы “завѣщанія”!

Все вышеизложенное, полагаю, позволяетъ считать за несомнѣнный фактъ, что М. Петръ при своемъ послѣднемъ посѣщеніи Патріарха подписи подъ “завѣщательнымъ посланіемъ” не получилъ. Есть основанія полагать, что М. Петръ и пріѣзжалъ то тогда къ Патріарху вовсе не съ окончательнымъ приготовленнымъ и оформленнымъ для подписанія текстомъ “посланія”, а лишь съ предварительнымъ черновымъ его наброскомъ, который могъ подлежать только предварительному просмотру и обсужденію на предметъ установленія и одобренія окончательнаго и оформленнаго для подписанія текста. Св. Синодъ могъ собраться въ спѣшномъ порядкѣ въ праздникъ Благовѣщенія только послѣ богослуженія и потому не раньше какъ къ вечеру могъ изготовить текстъ посланія. Такъ какъ этотъ текстъ долженъ былъ быть еще согласованъ съ Тучковымъ, отъ котораго ожи-

далась возможность и даже неизбежность предложѣнія ряда дополненій и измѣненій, то этотъ текстъ мыслился не какъ окончательный, а только какъ предварительный, черновой, и посему не имѣлъ официального оформленнаго вида посланія. Онъ не имѣлъ не только никакихъ подписей, но и даже официального заголовка Патріаршихъ посланій: “Божьей милостью, Тихонъ, Патріархъ Московскій и всея Россіи”. Объ этомъ, самымъ краснорѣчивымъ образомъ свидѣтельствуешь одна интересная подробность напечатаннаго въ совѣтскихъ газетахъ текста “посланія”. Здѣсь заголовокъ “посланія” имѣетъ особенность, которая какъ нельзя ярче проявляетъ, что эта формулировка заголовка сдѣлана не Синодомъ, а посторонней рукою: “Божьей милостью Тихонъ, Патріархъ Московскій и *всея Россійскія Церкви*”. Такой формулировки заголовка Св. Синодъ въ своемъ текстѣ никакъ уже не могъ допустить; ее могъ допустить только Тучковъ, но конечно только въ томъ случаѣ, что въ синодальномъ текстѣ не было никакого заголовка (ибо сознательно измѣнить уже имѣвшуюся надъ текстомъ обычную формулировку заголовка на свою собственную — значило бы для Тучкова дать прямой поводъ къ сомнѣніямъ въ подлинности “посланія”).

Итакъ, представляемый Тучкову М. Петромъ синодскій текстъ “посланія” имѣлъ видъ предварительнаго черноваго наброска. Предложенные Тучковымъ поправки и дополненія къ этому тексту М. Петръ могъ сдѣлать во время бесѣды съ Тучковымъ только на поляхъ рукописи или, вѣрнѣе всего, въ видѣ новаго черноваго наброска “посланія” и только въ такомъ видѣ, ввиду краткости оставшагося до поздняго вечера времени, представить Патріарху для одобренія или неодобренія. Такъ какъ М. Петръ ѣздилъ къ Тучкову по порученію Синода и Патріарха, то навѣрное, Патріархъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ появленія къ нему М. Петра съ сообщеніемъ о той или другой реакціи Тучкова на синодскій текстъ посланія. Реакція, повидимому, была крайне рѣзкая и угрожающая, и поправки были предложены самымъ ультимативнымъ образомъ. Докладъ объ этомъ М. Петра произвелъ на Патріарха, видимо, крайне тяжелое впечатлѣніе. Но съ поправками Тучкова онъ рѣшительно не согласился и, надо полагать, возвратилъ текстъ “посланія” съ этими поправками М. Петру для дальнѣйшихъ переговоровъ съ Тучковымъ. Митрополитъ же Петръ долженъ былъ немедленно поѣхать къ ожидавшему его съ нетерпѣніемъ Тучкову и возвратитъ ему текстъ посланія на предметъ этихъ переговоровъ. Неожиданная кончина Патріарха сорвала планъ Тучкова. Но синодскій текстъ посланія остался у него на рукахъ, и онъ использовалъ этотъ фактъ для самаго беззастѣнливаго обмана М. Петра и прочихъ членовъ Синода. Онъ заявилъ имъ, что хочетъ одобренный Патріархомъ текстъ посланія напечатать въ газетахъ и предложилъ имъ подписать сопроводительное къ этому синодскому тексту посланія письмо въ редакцію “Из-

вѣстій”. Не подозрѣвая обмана и не имѣя рѣшительнаго основанія возражать противъ напечатанія, хотя и не подписаннаго Патріархомъ, но во всякомъ случаѣ всецѣло имъ на засѣданіи Синода одобреннаго текста посланія, М. Петръ съ другими членами Синода предпочли не вступать въ конфликтъ съ Тучковымъ и подписали это сопроводительное письмо. А Тучковъ съ этимъ сопроводительнымъ письмомъ отправилъ въ редакцію уже текстъ съ внесенными сюда собственными поправками. И тутъ то наступаетъ для М. Петра трагическій моментъ. Тучковъ требуетъ отъ него, какъ и отъ другихъ членовъ Синода, согласія не отрицать подлинности напечатаннаго “посланія”, угрожая иначе немедленнымъ арестомъ и полнымъ разгромомъ Патріаршаго Управленія. Предъ лицомъ этихъ угрозъ М. Петръ счелъ за лучшее уступить, а на вопросы о подлинности посланія, по большей части отмалчивался и только въ рѣдкихъ и крайнихъ случаяхъ (подозрѣвая провокацію) рѣшался и положительно утверждать, что онъ самъ послалъ “посланіе” въ редакцію. Между тѣмъ, та же неправильность въ заголовкѣ посланія свидѣтельствуетъ, что М. Петръ того текста “посланія”, который былъ напечатанъ въ “Извѣстіяхъ” не имѣлъ въ рукахъ: иначе бы онъ не допустилъ отправить въ редакцію текстъ съ такимъ явно бросающимся въ глаза искаженнымъ заголовкомъ. Что М. Петръ въ дѣйствительности не считалъ напечатанное въ “Извѣстіяхъ” “посланіе” подлиннымъ, это онъ совершенно ясно проявилъ уже тѣмъ, что это “посланіе” не было разослано имъ по епархіямъ и приходамъ. Но всего краснорѣчивѣе проявилъ онъ это тѣмъ, что въ своемъ первомъ, въ качествѣ Мѣстоблюстителя, посланіи отъ 25 іюля 1925 г., касаясь вопроса объ отношеніи Церкви къ Совѣтской власти и заявляя, что въ этомъ отношеніи онъ будетъ слѣдовать по стопамъ почившаго Патріарха, М. Петръ, насколько я помню, ни однимъ словомъ не сослался прямо, какъ это было бы естественно и нужно, на послѣднее предсмертное посланіе Патріарха, гдѣ какъ разъ и даются директивы по этому вопросу. Это онъ могъ сдѣлать только по той причинѣ, что такого предсмертнаго Патріаршаго посланія для него не существовало. Конечно, это можно бы было объяснить и тѣмъ, что М. Петръ, признавая содержаніе “посланія” по существу для церковнаго народа неприемлемымъ, не хотѣлъ скомпрометировать себя передъ народомъ выраженіемъ своего съ нимъ согласія. Но если бы “посланіе” было подлиннымъ, Тучковъ конечно усмотрѣлъ бы здѣсь открытое “контрреволюціонное” направленіе М. Петра и ни въ коемъ случаѣ не дозволилъ бы М. Петру выпустить это свое посланіе со столь явнымъ игнорированіемъ столь важнаго для большевицкой власти патріаршаго “посланія”. Въ этомъ случаѣ несомнѣнно и посланіе М. Петра не увидѣло бы свѣта, и самъ М. Петръ, если бы не былъ тотчасъ арестованъ, то во всякомъ случаѣ подвергся бы опалѣ со стороны ГПУ; между тѣмъ и послѣ опубликованія

этого посланія отношеніе къ нему нѣкоторое время оставалось неизмѣнно положительнымъ. Ясно, что и уклоненіе М. Петра отъ рассылки “посланія” П. Тихона по епархіямъ и приходамъ и прямое умолчаніе объ этомъ “посланіи” М. Петра было сдѣлано М. Петромъ съ согласія Тучкова, который, ошеломивъ заграничное общественное мнѣніе дерзкой и крайне рискованной выходкой — опубликованіемъ сфабрикованнаго имъ предсмертнаго “Патріаршаго посланія”, считалъ свое дѣло уже сдѣланнымъ и предпочиталъ теперь болѣе полезнымъ для себя и для дѣла умолчаніе.

Носились даже слухи, что слишкомъ дерзкая выходка Тучкова не встрѣтила достаточнаго одобренія со стороны высшихъ круговъ Совѣтской власти, почему и совѣтскія газеты, опубликовавъ “посланіе”, тотчасъ приняли тактику полного о немъ молчанія.

Но еще доказательнѣе, въ смыслѣ неподлинности “посланія”, является отношеніе къ нему Митрополита Сергія. Въ качествѣ непремѣннаго условія для легализаціи Патріаршаго Управленія, Тучковъ потребовалъ отъ М. Сергія особаго посланія съ яснымъ опредѣленнымъ заявленіемъ о его полномъ признаніи Совѣтской власти и о искреннемъ расположеніи къ ней. Все это какъ нельзя болѣе сильно выражено въ предсмертномъ “Патріаршемъ посланіи”. И если бы оно было подлиннымъ, то первое, что долженъ былъ бы Тучковъ потребовать отъ М. Сергія, это то, чтобы онъ выразилъ въ своемъ посланіи свое полное признаніе этого “Патріаршаго посланія” и изъявленіе своей вѣрности тѣмъ директивамъ въ отношеніи Совѣтской власти, какія тамъ даются русской іерархіи. Мало того, прямой ссылки на это “посланіе” и на данныя тамъ какъ бы “патріаршія” директивы безусловно требовало отъ М. Сергія и наличное настроеніе іерархіи и церковнаго народа. Издавая такое посланіе, М. Сергій хорошо зналъ, что съ мыслями его посланія крайне трудно будетъ примириться и іерархіи и церковному народу и что съ ихъ стороны въ томъ или другомъ объемѣ, но непремѣнно должно обрушиться на него негодованіе и создаться рѣзкая оппозиція. И какъ бы ему было легко отвратить отъ себя лично это негодованіе самымъ рѣшительнымъ образомъ — ссылкой и прямыми выдержками изъ “посланія” Патріарха, указать, что это собственно не его лишь мысли, а мысли самого почившаго Патріарха, противъ авторитета котораго должна умолкнуть всякая оппозиція. Но М. Сергій въ своемъ извѣстномъ посланіи отъ 29 іюля 1927 г. явно и рѣшительно уклоняется отъ какого либо упоминанія объ этомъ “посланіи” и отъ ссылокъ на него, даже въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ такія ссылки повелительно требовались существомъ дѣла. Укажу на нѣсколько мѣстъ посланія М. Сергія.

а) Свое посланіе М. Сергій начинаетъ такими словами: “одной изъ заботъ почившаго Святѣйшаго отца нашего П. Тихона *передъ его кончиной* было поставить нашу Православную Церковь въ пра-

вильныя отношенія къ Совѣтскому Правительству”. Сдѣлавъ такое заявленіе, М. Сергій естественно чувствуетъ безусловную необходимость подтвердить его какими либо словами самого Патріарха. И конечно для этого ему не было ничего проще и доказательнѣй, какъ сослаться прямо на существованіе такого предсмертнаго волеизъявленія почившаго Патріарха, какъ предсмертное “посланіе”, гдѣ желаніе “правильныхъ отношеній къ Совѣтскому Правительству” въ духѣ М. Сергія выражено какъ нельзя болѣе сильно. Но вмѣсто того, чтобы сослаться на какія либо слова Патріарха, находящіяся въ его предсмертномъ “посланіи”, М. Сергій не находитъ ничего лучшаго, какъ сослаться на слышанную имъ когда то изъ устъ Патріарха въ *частной*, домашней бесѣдѣ фразу: “нужно бы пожить еще годика три”. Фраза эта сама по себѣ конечно не содержитъ ничего другаго, кромѣ желанія Патріарха “пожить еще годика три”. А для чего “пожить” — она не говоритъ. М. Сергій совершенно произвольно даетъ этой фразѣ смыслъ надежды Патріарха въ эти “годика три” установить “правильныя отношенія къ Совѣтскому Правительству”, и также произвольно утверждаетъ, что эту фразу Патріархъ высказалъ “умирая”. Что эта фраза дѣйствительно принадлежитъ Патріарху, это правда. Но всѣ, кто близко стоялъ къ Патріарху, могутъ засвидѣтельствовать, что они эту фразу не разъ слышали изъ устъ Патріарха *задолго до смерти* и совѣмъ въ другомъ, обратномъ смыслѣ: этой фразой Патріархъ выражалъ надежду, которой жили всѣ тогда въ Совѣтской Россіи — надежду на скорое паденіе Совѣтской власти, скорое возстановленіе мирной, нормальной жизни для всѣхъ и прежде всего для Русской Церкви и желаніе дожить именно до этого момента.

Если бы М. Сергій признавалъ подлинность предсмертнаго посланія П. Тихона, то конечно онъ воспользовался бы соотвѣтствующими сильными и вполнѣ доказательными словами этого “посланія” и не былъ бы вынужденъ ссылаться на неимѣющую никакого отношенія къ дѣлу устную фразу Патріарха изъ области его *частныхъ домашнихъ* разговоровъ, выискивая въ нихъ смыслъ совершенно обратный тому, который они въ дѣйствительности имѣли въ устахъ Патріарха.

б) Въ серединѣ посланія М. Сергій снова ссылается на волю почившаго Патріарха: “теперь, когда наша Патріархія, *исполняя волю почившаго Патріарха*, рѣшительно и безоговорочно становится на путь”... и опять явно уклоняется отъ ссылки на предсмертное посланіе, хотя такъ естественно и необходимо бы было ему къ выраженію “исполняя волю почившаго Патріарха” добавить “выраженную въ предсмертномъ посланіи”.

в) Возражая противъ убѣжденія (которое, какъ М. Сергій хорошо зналъ, раздѣлялось почти всѣмъ народомъ), что утвержденіе Совѣтской власти является какимъ то недоразумѣніемъ случайнымъ

и потому недолговѣчнымъ, М. Сергій имѣлъ для себя въ предсмертномъ Патріаршемъ “посланіи” авторитетнѣйшій аргументъ въ рѣшительныхъ словахъ этого документа: “Совѣтская власть дѣйствительно народная, рабочая, крестьянская власть, а потому прочная и непоколебимая”; и если онъ не счелъ для себя возможнымъ сослаться на эти какъ бы Патріаршія слова, то, конечно, только потому, что не признавалъ этого “посланія” подлиннымъ.

г) Къ фразѣ посланія М. Сергія — “мы помнимъ свой долгъ быть гражданами Союза не только изъ страха, но и по совѣсти, какъ учить насъ Апостоль” — какъ нужно было для убѣдительности сдѣлать добавленіе: какъ и почившій Патріархъ въ своемъ предсмертномъ посланіи “молилъ насъ подчиниться Совѣтской власти не за страхъ, а за совѣсть”. Если бы “предсмертное посланіе” было подлиннымъ, М. Сергій едва ли бы упустилъ сдѣлать такого рода авторитетное для русскихъ людей патріаршее подтвержденіе своихъ мыслей.

При болѣе подробномъ анализѣ посланія М. Сергія можно бы сдѣлать еще рядъ такого рода сопоставленій съ “предсмертнымъ посланіемъ”, которыя съ рѣшительной убѣдительностью говорятъ, что М. Сергій рѣшительно отрицалъ подлинность этого “посланія” и явно и сознательно игнорировалъ его. Могъ ли допустить это Тучковъ, если бы Патріаршее “посланіе” было подлиннымъ, если бы онъ могъ продѣлать М. Сергію подлинный оригиналъ посланія съ подлинною подписью Патріарха? Конечно, нѣтъ. Въ этомъ случаѣ конечно и соглашеніе съ М. Сергіемъ о легализации Патріаршаго Управленія не состоялось бы, и самое посланіе М. Сергія не увидѣло бы свѣта. Требовать же и настаивать, чтобы М. Сергій оперся въ своемъ посланіи на документъ *фальшивомъ*, было уже не въ интересахъ Тучкова. Если бы М. Сергій въ своемъ посланіи обосновалъ свой новый курсъ церковной, въ отношеніи Совѣтской власти, политики, на директивахъ этого “посланія”, то вся энергія церковной оппозиціи противъ этого курса неминуемо сосредоточилась бы на дебатахъ по вопросу о *подлинности* этого посланія, что было теперь не только не въ интересахъ, но, навѣрное, и опасно для дальнѣйшей карьеры слишкомъ смѣлаго большевицкаго фальсификатора изъ ГПУ.”

О. Протопр. В. Виноградовъ, т. о., въ высшей степени убѣдительно опровергъ всѣ хитросплетенія С. В. Троицкаго, который попытался очернить память Патріарха Тихона въ угоду усвоенной имъ теперь точки зрѣнія. С. В. Троицкій и заключаетъ главу о “Мнимыхъ ошибкахъ Патріарха Тихона” прямой клеветой, будто “Карловчане” *мечтали* въ отношеніи его, “чтобы Исповѣдникъ сдѣлался мученикомъ, что могло вызвать военную интервенцію иностранныхъ державъ противъ Совѣтской власти” (стр. 32).

С. В. Троицкій отлично знаетъ, что это есть нелѣпное обвиненіе, которое онъ никакими данными не можетъ не только доказать, но даже и сколько-нибудь подтвердить. Такого рода утверженіе называется клеветой и обидно дѣлается за стараго профессора, который морально такъ низко опустился.

Знаетъ С. В. Троицкій и причину, по которой на Патріарха Тихона, а послѣ его смерти на другихъ возглавителей Русской Церкви, дѣлалось тайное давленіе, чтобы черезъ нихъ сломить и уничтожить непокорную коммунистамъ Зарубежную Церковь.

Мы напомнимъ ему, какъ хорошо, ясно и убѣдительно въ свое время онъ самъ объяснялъ причину, по которой мѣропріятія противъ Зарубежной Церкви составляли одно изъ главныхъ требованій Совѣтовъ къ Патріарху.

Вотъ, что писалъ С. В. Троицкій въ 1936 г. въ статьѣ “Митрополитъ Сергій и примиреніе русской діаспоры” въ “Церковной Жизни”, редактировавшемся мною органѣ Архіерейскаго Синода Русской Православной Церкви Заграницей:

“Церковное примиреніе и соединеніе русской эмиграціи мѣшаетъ большевицкимъ планамъ. Въ самой Россіи нѣтъ никакихъ внѣшнихъ препятствій для борьбы съ религіей. Здѣсь въ рукахъ большевиковъ вся сила мощнаго государственнаго аппарата, въ ихъ рукахъ страшное ГПУ, въ ихъ рукахъ безбожная школа, безбожная литература, многочисленныя общества безбожниковъ, насчитывающія сотни тысячъ и даже миллионы членовъ, въ ихъ рукахъ тюрьмы и пытки, изгнанія и ссылки и, что еще важнѣе, въ ихъ рукахъ самая власть надъ Русской Церковью въ лицѣ Митрополита Сергія и его сотрудниковъ.

“Иначе обстоитъ дѣло за границей. Границы Россіи являются и границами большевицкой власти и здѣсь она не имѣетъ возможности примѣнять всѣ свои многочисленные способы и средства борьбы съ религіей. А между тѣмъ и здѣсь существуетъ часть Русской Церкви, которая не только защищена отъ гоненій, но и имѣетъ возможность предъ цѣлымъ міромъ обличать преступленія совѣтской власти. Разсѣянная по всему міру, лишенная почти всякихъ матеріальныхъ средствъ Заграничная Русская Церковь имѣетъ, однако, громадное нравственное духовное значеніе. Она есть какъ бы организованная свободная совѣсть русскаго народа и пока она не признаетъ совѣтскую власть, власть эта будетъ лишена моральной почвы и останется говоря словами бл. Августина, “magnum latrocinium” (большой шайкой разбойниковъ) несмотря на вынужденное признаніе ея со стороны М. Сергія и на вызванныя корыстными мотивами признанія со стороны многочисленныхъ государствъ.

“Вот почему совѣтская власть стремится заставить замолкнуть Заграничную Русскую Церковь, а если это невозможно, то хотя бы путем ея раздробленія и осужденія со стороны центральной церковной власти и другихъ Церквей лишить ее всякаго авторитета” (№ 10 и 11, стр. 168).

Слова эти не требуютъ комментарій. Изъ нихъ вполне ясно, кому теперь служить С. В. Троицкій, составляя свою книгу и стараясь повредить Русской Православной Церкви Заграницей.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ПЕРИОДЪ ОТЪ КОНЧИНЫ ПАТРИАРХА ДО ДЕКЛАРАЦИИ МИТРОПОЛИТА СЕРГІЯ.

Возражая противъ данной прот. М. Польскимъ оцѣнки дѣятельности Митр. Сергія до его деклараціи о легализаціи, С. В. Троицкій старается доказать, что нѣтъ никакой разницы въ отношеніи Московской Церковной власти къ Совѣтской власти за двухлѣтній періодъ между кончиной Патріарха Тихона до подписанія извѣстной деклараціи Митрополита Сергія отъ 16/29 іюля 1927 года.

“Все это неправда”, пишетъ С. В. Троицкій. “На самомъ дѣлѣ вопросъ о легализаціи Церковнаго управленія поднялъ еще Патріархъ Тихонъ, о чемъ Митрополитъ Сергіій пишетъ, какъ въ своемъ проэктѣ обращенія къ Совѣтской власти, такъ и въ своей деклараціи. А два первые года послѣ кончины Патріарха шли подготовительныя работы для изданія этого важнаго акта, въ которыхъ принимали участіе какъ Митрополитъ Сергіій, такъ и многіе другіе іерархи Русской Церкви” (стр. 32).

Тутъ прежде всего надо напомнить читателю ясныя доказательства прот. В. Виноградова о томъ, что т. н. “завѣщаніе” Патріарха Тихона вовсе не принадлежитъ послѣднему и не заслуживаетъ этого названія. Содержащееся въ концѣ этого “завѣщанія” выраженіе надежды на то, что Церкви могутъ быть предоставлены извѣстныя права, т. о., надо понимать, какъ отраженіе той приманки, съ помощью которой Совѣты склоняли Патріарха къ подписанію нужнаго имъ документа.

Нѣтъ сомнѣнія, что представители Церкви въ разговорахъ съ Тучковымъ указывали на привилегіи, данныя Совѣтами обновленцамъ, которые, не въ примѣръ православнымъ, имѣли нѣкоторую форму легализаціи, могли дважды созывать Соборъ и получали другія преимущества. Тучковъ, конечно, въ отвѣтъ выдвигалъ требованіе дать такія же доказательства своей лояльности, какія давали обновленцы, не боявшіеся совершать предательство. Патріарху особенно трудно было вести такіе перегово-

ры послѣ того, какъ онъ, передъ освобожденіемъ изъ заключенія, подписалъ признаніе своей вины.

Но Митрополиту Петру было легче, чѣмъ Патріарху, занимать независимое положеніе. И онъ проявилъ это въ своемъ первомъ посланіи. Правъ о. Виноградовъ, что если бы “завѣщаніе” было подлиннымъ, то естественно было бы Митрополиту Петру исходить въ своемъ первомъ посланіи изъ ссылки на него. На самомъ дѣлѣ онъ его тамъ не упомянулъ вовсе и ни слова не сказалъ о легализаціи, о которой говорится въ “завѣщаніи”. Это умолчаніе въ высшей степени краснорѣчиво. Все посланіе Митрополита Петра носить исключительно церковный характеръ, въ немъ нѣтъ обличенія враговъ Совѣтской власти, угрозъ заграничнымъ іерархамъ и похвалъ “рабоче-крестьянской власти” за изданіе того самаго декрета объ отдѣленіи Церкви отъ государства, за который большевицкіе вожди были преданы анаѣмѣ. Въ отношеніи гражданской власти вѣрующіе призываются только соблюдать “кротость, смиреніе и повиновеніе”, чему во всемъ посланіи отведено ровно три строчки, изъ коихъ одна посвящена обозначенію текстовъ Св. Писанія. Тутъ проявлена очень большая сдержанность. вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ я сказалъ выше, самое молчаніе о желаніи легализаціи въ первомъ, т. е., программномъ посланіи Мѣстоблюстителя въ высшей степени показательно.

С. В. Троицкій этого обстоятельства какъ бы не замѣчаетъ, но, со своей стороны, не имѣетъ никакихъ данныхъ чтобы доказать существованіе ходатайства Митрополита Петра о легализаціи. Считаая, что Патріархъ къ таковой стремился, С. В. Троицкій утверждаетъ, что само указаніе имени Митрополита Петра въ числѣ кандидатовъ въ Мѣстоблюстители якобы свидѣтельствуєтъ о томъ, что онъ добивался того же самаго. Но С. В. Троицкій при этомъ забываетъ, что первымъ кандидатомъ Патріархъ указалъ Митрополита Кирилла, извѣстнаго своей безкомпромиссной твердостью. Поэтому, если судить о настроеніи іерарховъ по этому завѣщанію, то скорѣе можно заключить, что Патріархъ самъ имѣлъ совсѣмъ не тѣ взгляды, которые приписываетъ ему С. В. Троицкій.

Изъ свидѣтельства прот. В. Виноградова мы видѣли, что никто другой, какъ представители Совѣтской власти при всякомъ давленіи на главу Церкви манили его возможной легализаціей и угрожали вѣроятнымъ насиліемъ противъ Церкви.

Согласіе на легализацію или просьба о ней неизбежно открывала дорогу для такого давленія. Поэтому для церковной

власти цѣлесообразно было испробовать новый методъ: не добиваться легализаціи, чтобы избѣгать такого шантажа.

Мы знаемъ только одно упоминаніе Митрополита Петра о легализаціи Церкви.

Въ своемъ посланіи отъ 1 января 1927 года изъ Перми онъ давалъ разъясненіе нѣкоторыхъ явленій церковной жизни, связанныхъ съ его именемъ. Эти разъясненія начинаются съ указація на то, что съ 10 декабря 1925 года “онъ оказался въ исключительныхъ условіяхъ существованія”, т. е. былъ арестованъ и находился въ заключеніи.

Кстати надо замѣтить, что если принять написанное о Митрополитѣ Петрѣ С. В. Троицкимъ, т. е., что онъ де былъ ревнителемъ лояльности къ Совѣтамъ и исполненія “завѣщанія” Патриарха, т. е. былъ совершенно чуждъ какой-либо дѣятельности, которая носила бы “контъ-революціонный” характеръ, то, прежде всего, непонятно, почему могла его арестовать Совѣтская власть, по мнѣнію С. В. Троицкаго якобы преслѣдовавшая духовенство *только* за политическія преступленія. Самый фактъ ареста Митрополита Петра и его ссылка опровергаетъ это построеніе С. В. Троицкаго.

Но вернемся къ содержанію посланія. Въ немъ Митрополитъ далѣе пишетъ:

“Лишенный возможности непосредственно наблюдать церковную жизнь, я питался всевозможными вѣстями, исключительно горькими и тяжкими. Съ глубокимъ прискорбіемъ слышалъ я о будто бы послѣдовавшей вслѣдъ за моимъ арестомъ церковной разрухѣ. А извѣстіе, что мой замѣститель, Митрополитъ Сергій, тоже находившійся въ исключительномъ положеніи, не можетъ нести возложенное на него послушаніе и даже готовъ уйти на покой, меня больного и совершенно разбитаго (4 февраля я былъ положенъ въ больницу въ тяжеломъ заболѣваніи среди другихъ недуговъ и острымъ нервнымъ разстройствомъ) окончательно повергло въ невыразимую скорбь”.

Тутъ надо обратить вниманіе на слово “*будто-бы*”. Это ясное указаніе на то, что Митрополитъ подвергался обработкѣ путемъ дезинформаціи и былъ по выраженію Митрополита Сергія въ письмѣ Архіепископу Григорію отъ 25 января / 8 февраля 1926 г. “въ обстановкѣ совѣмъ не приспособленной для всесторонняго и спокойнаго разсмотрѣнія дѣла” (Церк. Вѣд. № 5 и 6 за 1926 г. стр. 12). Когда подъ вліяніемъ ложныхъ свѣдѣній Митрополитъ Петръ былъ въ полномъ смущеніи и поискахъ выхода,

ему подослали Архієпископа Григорія, указывая какъ бы единственный выходъ изъ положенія, но скрывая, что Архієпископъ Григорій былъ агентомъ власти, скрытымъ обновленцемъ и запрещеннымъ въ священнослуженіи. Обманутый Митрополитъ и рѣшился на предложенную ему мѣру созданія коллегіи. “Такимъ образомъ, писалъ Митрополитъ Петръ, я имѣлъ въ виду создать управленіе авторитетное, и правительство, какъ мнѣ заявили, было согласно легализировать его”.

Вотъ единственное упоминаніе о легализаціи въ актахъ Митрополита Петра. И это единственное упоминаніе сдѣлано въ результатѣ провокаціи безбожниковъ. Они хотѣли въ видѣ коллегіи создать центръ для православныхъ подъ главенствомъ своего агента и въ этомъ случаѣ опять манили легализаціей. Естественно, что твердая іерархія стала опасаться послѣдней.

Но когда рѣчь идетъ о легализаціи Церковнаго управленія, то прежде всего надо договориться о значеніи этого термина въ Совѣтскихъ условіяхъ.

С. В. Троицкій разсуждаетъ чисто теоретически: “Именно въ языческомъ и безбожномъ государствѣ легализація особенно нужна Церкви, такъ какъ она гарантируетъ Церковь и ея учрежденія отъ враждебныхъ дѣйствій лицъ, не раздѣляющихъ ея воззрѣній” (стр. 36). Далѣе С. В. Троицкій старается показать, что враждебна религіи только коммунистическая партія, а конституція Совѣтскаго государства гарантируетъ всѣмъ свободу совѣсти, т. е. право быть вѣрующимъ или невѣрующимъ, а потому легализація объединенія вѣрующихъ — тамъ странностью не является.

Но, спрашивается, какая можетъ быть гарантія для Церкви въ безбожномъ тоталитарномъ государствѣ, управляемомъ партией, которая опредѣленно провозгласила въ числѣ своихъ цѣлей полное уничтоженіе религіи?

Декретъ объ отдѣленіи Церкви отъ государства основанъ на принципахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ тѣми началами, которыя получили свое выраженіе въ законодательствѣ того же наименованія въ т. н. демократическихъ или, по совѣтскому выраженію “буржуазныхъ”, государствахъ.

Тамъ исходятъ изъ предпосылки, что государство, какъ таковое, не исповѣдуетъ никакой опредѣленной религіи и потому ни одной изъ нихъ не оказываетъ предпочтенія. Государство совершенно не входитъ во внутреннюю жизнь религіозныхъ организацій, поскольку они не нарушаютъ общихъ интересовъ и законо-

послушности. Поэтому Правительство не касается вопроса о личном составѣ ихъ правящихъ органовъ, члены коихъ за свою лояльность отвѣчаютъ передъ закономъ въ общемъ порядкѣ, какъ прочіе граждане. Церковь, такимъ образомъ, является частнымъ дѣломъ cadaго, въ которое правительственные органы не должны вмѣшиваться. Такое государство въ принципѣ не заинтересовано ни въ благополучіи, ни въ упадкѣ той или иной Церкви. Оно во всякомъ случаѣ не является ея врагомъ.

Совсѣмъ иное дѣло отношеніе къ религіи съ точки зрѣнія марксизма. Въ “Критикѣ Готской программы” у Маркса говорится, что “буржуазная свобода совѣсти не представляетъ собою ничего большаго, какъ терпимость ко всѣмъ возможнымъ видамъ религіозной свободы совѣсти, а она, рабочая партія, наоборотъ, стремится освободить совѣсть отъ религіознаго суевѣрія.” (Цит. по М. М. Персиць “Отдѣленіе Церкви въ СССР, стр. 75). Цѣлью осуществляющей “диктатуру пролетаріата” въ СССР коммунистической партіи т. о. является уничтоженіе всякой религіи.

Отсюда видно, что въ буржуазномъ государствѣ религія терпима, а въ коммунистическомъ она является объектомъ для уничтоженія. Вопросъ тутъ только въ методахъ и темпѣ направленной противъ религіи политики.

Цитированная мною выше книга М. М. Персиць заключается слѣдующими словами:

“Еще до Великой Отечественной Войны нѣкоторые руководители этихъ (религіозныхъ) организацій убѣдились въ томъ, что ихъ враждебное отношеніе къ совѣтскому строю отталкиваетъ отъ нихъ вѣрующихъ трудящихся; въ виду этого еще до войны въ политической ориентаціи религіозныхъ организацій сталъ намѣчатся поворотъ въ сторону лояльнаго отношенія къ совѣтскому строю. Въ послѣдующіе годы на такую позицію стало большинство церковныхъ дѣятелей въ СССР.

“Это несомнѣнно положительный фактъ. Но оно не означаетъ, что должна прекратиться борьба съ религіозной идеологіей и распространеніе въ широчайшихъ массахъ научнаго материалистическаго міровоззрѣнія, такъ какъ все это является частью коммунистическаго воспитанія. Провозглашенные въ декретѣ 1918 г. “Объ отдѣленіи церкви отъ государства и школы отъ церкви” принципы свободы совѣсти *остаются неизблемой основой политики партіи и Совѣтскаго государства въ области религіозныхъ отношеній* (тамъ же стр. 196, курсивъ мой. Г. Г.).

Изъ приведенныхъ словъ мы видимъ, насколько искусственна попытка С. В. Троицкаго раздѣлить направленіе религіозной политики Коммунистической партіи съ одной стороны, а съ другой Совѣтскаго государства, въ которомъ политика во всѣхъ областяхъ направляется той же самой партіей.

Самая легализація въ СССР опять таки ничего не имѣетъ общаго съ легализаціей въ “буржуазныхъ” государствахъ. Поскольку Церковь и при легализаціи не становится юридическимъ лицомъ, легализація тамъ означаетъ не болѣе, какъ временную допустимость существованія группы правящихъ іерарховъ.

Но поскольку коммунисты не соглашаются съ “буржуазнымъ” принципомъ свободы религій, а ставятъ себѣ цѣлью ихъ уничтоженіе, всякое ихъ временное соглашеніе съ іерархами допускается въ мѣру практической необходимости или въ соотвѣтствіи съ направленными противъ Церкви планами.

Изъ разсмотрѣнія случаевъ, когда заключеннымъ іерархамъ давали возможность принимать кого-то съ “воли” по церковнымъ дѣламъ видно, что это дѣлалось именно ради ихъ дезинформаціи и вовлеченіе ихъ во вредныя для Церкви дѣйствія.

Такъ было съ Патріархомъ Тихономъ и съ Митрополитомъ Петромъ. Наконецъ, нельзя не обратить вниманія на то, что въ каждомъ такомъ случаѣ, равно какъ и въ вопросѣ календарнаго стиля, Совѣтская власть вторгалась въ чисто церковныя дѣла. Это потому, что въ коммунистическомъ пониманіи Церковь отдѣлена отъ государства только для того, чтобы лишить ее имущества и всякаго вліянія. 124 ст. Конституціи 1936 года указываетъ на то, что Церковь отдѣлена отъ государства “въ цѣляхъ обезпеченія за гражданами свободы совѣсти” т. е. эта свобода ограждается закономъ *отъ Церкви*, но свобода вѣры ничѣмъ не обезпечивается. За вѣрующими не обезпечивается, а признается “только свобода религіозныхъ культовъ”. Свобода же пропаганды, т. е. проповѣди односторонне признается только антирелигіозная. Въ этомъ случаѣ о религіи умалчивается.

Изъ всего этого ясно, что въ интересахъ Церкви ни въ какой мѣрѣ не допускать такую враждебную власть къ обсужденію и участію въ рѣшеніи ея важнѣйшихъ дѣлъ. Всякій компромиссъ съ нею всегда будетъ связанъ съ уступкой чего-то цѣннаго для Церкви и, слѣдовательно, будетъ идти въ ущербъ послѣдней.

С. В. Троицкій, напротивъ, считаетъ, что недопустимъ компромиссъ Церкви съ благовѣрными властями потому де, “что тѣ-же самыя предписанія вѣры и морали, которыя обязательны

для носителей церковной власти, являются обязательными и для носителей “благовѣрной” власти государственной и, потому, во всякомъ компромиссѣ виноваты бываютъ обѣ стороны” (стр. 39). Все это разсужденіе является не болѣе, какъ софизмомъ, разсчитаннымъ на неразборчиваго читателя.

Конечно, церковная власть теоретически можетъ вмѣстѣ съ государственной властью впасть въ грѣхъ. “Нѣсть чловѣкъ, иже живъ будетъ и не согрѣшитъ”. Но при благовѣрной власти гораздо меньше шансовъ, на предъявленіе вредныхъ для Церкви или несогласныхъ съ ея ученіемъ требованій. Если гражданская власть дѣйствительно благовѣрная, то она будетъ въ большинствѣ случаевъ имѣть общій съ Церковью критерій въ вопросахъ вѣры и морали.

Другое дѣло, когда надо достигать соглашеніе съ властью, прямо враждебной религіи и ищущей ея уничтоженія. Но С. В. Троицкій объ этомъ разсуждаетъ очень оригинально. “Между тѣмъ, пишетъ онъ, соглашеніе церковной власти съ государственной въ Совѣтскомъ Союзѣ не можетъ имѣть характера компромисса т. е. какой-нибудь уступки религіознаго характера, взамѣнъ за улучшеніе положенія Церкви въ Государствѣ, такъ какъ такія уступки не нужны Совѣтской власти” (тамъ-же).

Мы видѣли, однако, какъ настойчиво Совѣтская власть требовала введенія новаго стиля, и какъ много іерарховъ и вѣрующихъ пострадали за борьбу съ обновленцами. Мы знаемъ, какъ старались агенты Совѣтской власти добиться созданія церковнаго центра, въ который введены были бы явные или тайные обновленцы.

Итакъ, неправда, что вопросы вѣры “не интересуютъ” совѣтскую власть.

Да, ихъ не интересуеъ *правда* въ рѣшеніи этихъ вопросовъ, но ихъ интересуеъ такое рѣшеніе ихъ, которое шло бы во вредъ Церкви.

С. В. Троицкій вопреки очевидности старается доказать, что Совѣтская власть не “богоборная”. Она по его словамъ только “честно (?) не признаетъ самого существованія Бога. Но съ самой *вѣрой въ Бога*, она борется лишь постольку, поскольку религіозныя организаціи становятся въ оппозицію ея соціальной и экономической политикѣ” (тамъ-же).

Мы видѣли выше, что это неправда, что борьба съ вѣрой является однимъ изъ главныхъ принциповъ Совѣтской власти. И

эта борьба приобрѣла особенно рѣшительную и безжалостную форму какъ разъ вскорѣ послѣ знаменитой деклараціи Митрополита Сергія о лояльности.

Прозктъ обращенія Митрополита Сергія, не получившій одобренія Совѣтской власти, равно какъ и его письмо зарубежнымъ епископамъ, несомнѣнно являются свидѣтельствомъ о попыткѣ его установить отношенія съ правительствомъ въ смыслѣ подлиннаго отдѣленія Церкви отъ государства. Такъ-же и записка Соловецкихъ епископовъ дѣйствительно имѣла въ виду легализацію Церкви, но съ тѣмъ, чтобы не только Церковь отказывалась отъ вмѣшательства въ политику, но и правительство не вмѣшивалось бы въ чисто внутреннія дѣла Церкви. Они подчеркивали, что Церковь не можетъ наблюдать за политической благонадежностью своихъ членовъ и что пастыри ея должны подлежать политическому надзору въ общемъ порядкѣ. Они также отказывались ложно свидѣтельствовать, что Церковь въ СССР не подвергается никакимъ стѣсненіямъ. Это была, однимъ словомъ, попытка добиться подлиннаго отдѣленія Церкви отъ государства. Попытка эта не удалась и вмѣсто отдѣленія получилось подчиненіе Церкви безбожной, враждебной религіи власти. Принципы же подлиннаго отдѣленія Церкви отъ государства хорошо изложены въ извѣстной памятной запискѣ Соловецкихъ епископовъ.

Эта записка, написанная послѣ деклараціи Митрополита Сергія о лояльности, признаетъ правильность политической лояльности къ гражданской власти и полного отказа отъ всякихъ политическихъ выступленій. Но она въ томъ же духѣ, какъ и предыдущая записка отъ 27 мая / 7 іюня 1926 года, напоминаетъ, что совершенно несправедливо всю вину въ столкновеніяхъ между Церковью и государствомъ возлагать на Церковь. Многочисленные епископы и священники томятся въ тюрьмахъ и на принудительныхъ работахъ “не за политическія преступленія, а за свою чисто церковную дѣятельность, борьбу съ обновленчествомъ или по причинамъ, часто неизвѣстнымъ самимъ пострадавшимъ. Настоящей же причиной борьбы, тягостной какъ для Церкви, такъ и для государства, служить задача искорененія религіи, которую ставитъ себѣ настоящее Правительство”.

Однимъ изъ главныхъ пунктовъ въ этомъ спорѣ между представителями Церкви и Совѣтской властью о формѣ легализаціи являлся вопросъ о тѣхъ іерархахъ и пастыряхъ, которые подвергались преслѣдованію, а также объ отношеніи къ зарубежной іерархіи.

Эти вопросы связывались одинъ съ другимъ по двумъ причинамъ. Прежде всего, карая зарубежныхъ епископовъ за ихъ борьбу съ коммунизмомъ, церковная власть въ принципѣ согласилась бы на надзоръ и за своей іерархіей и клиромъ въ отношеніи ихъ политической благонадежности и, слѣдовательно, на нее падала бы отвѣтственность въ каждомъ случаѣ, когда большевики кого-нибудь изъ духовенства караютъ по подозрѣнію въ нарушеніи лояльности. А поскольку такія кары налагаются въ большинствѣ случаевъ безъ всякаго основанія, въ сущности, будучи преслѣдованіемъ за вѣру, — то церковная власть дѣлалась соучастницей гоненія за вѣрность Церкви.

Пониманіе этого обстоятельства характеризуетъ тотъ періодъ, который наступилъ послѣ смерти Патріарха Тихона и продолжался до деклараціи Митрополита Сергія. Приведенная о. М. Польскимъ выдержка изъ прозкта обращенія Митрополита Сергія къ Совѣтской власти отъ 28 мая / 10 іюня 1926 г. въ этомъ отношеніи очень выразительна:

“Мы не хотимъ замалчивать того противорѣчія, писалъ Владыка, какое существуетъ между нами — православными и коммунистами — большевиками, управляющими Союзомъ. Общая полную лояльность, мы не можемъ взять на себя особыхъ обязательствъ для доказательства нашей лояльности, напримѣръ, наблюденія за политическими партіями нашихъ единовѣрцевъ, тѣмъ паче функцій экзекторскихъ и примѣнять церковныя кары для отмщенія непріятелямъ совѣтской власти. Обрушиться на заграничное духовенство за его невѣрность Сов. Союзу какими нибудь церковными наказаніями, было бы ни съ чѣмъ несообразно и дало бы лишній поводъ говорить о принужденіи насъ къ тому Совѣтскою властью”.

Въ полномъ согласіи съ этой точкой зрѣнія, но въ противорѣчьи съ настояніями большевиковъ, которыя мы уже не разъ отмѣчали выше, Митрополитомъ Сергіемъ было написано письмо зарубежнымъ епископамъ. Этотъ документъ очень неудобенъ для всей концепціи С. В. Троицкаго въ силу того, что онъ ясно свидѣтельствуетъ о вынужденности послѣдующихъ карательныхъ актовъ Митрополита Сергія противъ зарубежной іерархіи. Между прочимъ, о послѣднемъ свидѣтельствуетъ еще одно обстоятельство, которое въ свое время не было опубликовано изъ опасенія нанести какой либо вредъ Митрополиту Сергію.

Когда Митрополитъ Елевверій вернулся изъ поѣздки въ Москву, описанной имъ въ книжкѣ “Недѣля въ Патріархіи”, онъ написалъ длинное довѣрительное письмо Митрополиту Антонію.

Въ немъ онъ, между прочимъ писалъ, что Митрополитъ Сергій наединѣ повѣдалъ ему о томъ, что у него никогда не поднимется рука наложить прещеніе на своего учителя и друга — Митрополита Антонія. Онъ несомнѣнно хотѣлъ такимъ образомъ дать понять послѣднему, что если онъ въ будущемъ подпишетъ прещеніе, то оно будетъ подъ давленіемъ извнѣ, а не его свободнымъ актомъ.

О томъ же предупреждаетъ и его письмо съ обращеніемъ: “Дорогіе мои Святители” . . . С. В. Троицкій полагаетъ теперь, что въ этомъ письмѣ Митрополитъ Сергій доказываетъ “неправильность установленнаго карловчанами заграничнаго церковнаго устройства, хотя и въ самой деликатной формѣ” (стр. 34).

Но, ранѣе своего отвѣта С. В. Троицкому по существу его оцѣнки этого акта, я хочу указать на его клеветническое замѣчаніе. “Дышащее, пишетъ С. В. Троицкій, глубокой искренностью и горячей любовью къ своимъ заграничнымъ собратьямъ, это письмо Митрополита Сергія было предательски использовано карловацкими іерархами. Письмо это было отправлено карловацкимъ іерархамъ довѣрительно, а . . . было сфотографировано и опубликовано въ прессѣ” (стр. 35).

Прежде всего надо имѣть въ виду, что письмо Митрополита Сергія было одновременно получено и въ Сремскихъ Карловцахъ и Митрополитомъ Евлогіемъ въ Парижѣ. Получено оно было непосредственно, а черезъ одну политическую организацію. Повидимому Митрополитъ Сергій довѣрился агенту этой организаціи и черезъ него послалъ письмо. Можно опасаться, что одновременно оно стало извѣстно Совѣтской агентурѣ. Но, во всякомъ случаѣ, письмо это не было опубликовано Архіерейскимъ Синодомъ. Оно такъ и не было напечатано въ органѣ Синода “Церковныя Вѣдомости”, а было опубликовано въ “Вѣстникѣ Христіанскаго Студенческаго Движенія” за мартъ 1927 г. (стр. 29), т. е. въ органѣ печати близкомъ къ Митрополиту Евлогію. Въ опредѣленіи Синода по дѣлу послѣдняго отъ 25 и 26 ноября / 8 и 9 декабря 1926 г., напечатанномъ въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ за декабрь 1926 г., не дѣлается еще ссылки на это письмо. Впервые оно упомянуто въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ въ номерѣ за апрѣль 1927 года, вышедшемъ значительно позднѣе Вѣстника Христіанскаго Студенческаго Движенія, при изложеніи обращенія Митрополита Евлогія къ разнымъ иностраннымъ іерархамъ, въ которомъ онъ ссылался на это письмо. Кстати, мнѣ неизвѣстно, чтобы гдѣ-либо былъ напечатанъ фотостатъ письма Митрополита Сергія.

С. В. Троицкій утверждаетъ, что оно было сфотографировано и послано въ печать Синодомъ, но не можетъ подтвердить это доказательствами. Этотъ случай — типичный образецъ клеветы.

Самъ же С. В. Троицкій въ другомъ мѣстѣ своей книги приводитъ слѣдующія слова изъ замѣтки въ органѣ Архіерейскаго Синода “Церковныя Вѣдомости”:

“Не можемъ не выразить возмущенія противъ опубликованія въ Парижской печати письма Митрополита Сергія, присланнаго довѣрительно. Оно было послано передъ этимъ только тремъ архіереямъ въ совершенно секретномъ порядкѣ. Чтобы снять съ себя вину за это опубликованіе, письмо было переслано сначала въ Ригу, въ газету “Сегодня”, а затѣмъ уже оттуда было перепечатано въ “Возрожденіи” (№ 9 и 10 за 1927 г., стр. 11).

Газеты “Сегодня” и “Возрожденіе” были рѣшительно враждебны къ Архіерейскому Синоду и снабжались матеріаломъ по церковнымъ дѣламъ изъ Управленія Митрополита Евлогія. Такимъ образомъ, вѣ всякаго сомнѣнія, что письмо Митрополита Сергія могло быть передано въ эти газеты только оттуда.

С. В. Троицкій для того, чтобы поддержать свою инсинуацію, въ заключеніе пишетъ прямую ложь: “Какъ видно отсюда, Карловацкій журналъ, признавая, что причиной ареста Митрополита Сергія было предательское опубликованіе его секретнаго письма, сваливаетъ вину на Рижскую и Парижскую печать. Но вѣдь письмо было послано Карловацкимъ епископамъ, и кто же кромѣ нихъ могъ выдать письмо не только для печати, но и для фотографированія” (стр. 42).

Откуда С. В. Троицкій взялъ, что три епископа, получившіе письмо, было “Карловацкими”? Онъ отлично знаетъ что въ числѣ “трехъ епископовъ” былъ Митрополитъ Евлогій, отдѣленіе котораго отъ Архіерейскаго Синода создало смуту, вызвавшую письмо Митрополита Сергія.

Мы видѣли, что Архіерейскій Синодъ бережно отнесся къ этому письму и не опубликовалъ его, а въ печатномъ органѣ своемъ выразилъ возмущеніе его опубликованіемъ. С. В. Троицкій, совершенно игнорируя и этотъ фактъ и возможность опубликованія письма другими получателями, не моргнувъ глазомъ, обвинилъ во всемъ Заграничный Синодъ, не приводя и не имѣя для этого ни одного доказательства.

Переходя къ оцѣнкѣ содержанія письма Митрополита Сергія съ точки зрѣнія его отношенія къ Заграничной Церкви, я не вижу необходимости вдаваться въ собственный подробный разборъ его.

Достаточно привести то, что писалъ объ этомъ самъ С. В. Троицкій (“Церковная Жизнь” № 10, 1936 г.).

“Въ началѣ своего управленія Русскою Церковью Митрополитъ Сергій имѣлъ вполнѣ правильный взглядъ на отношеніе къ Заграничной Церкви и взглядъ этотъ выразилъ и обосновалъ въ нѣсколькихъ официальныхъ актахъ. Какъ и Патріархъ Тихонъ въ своемъ Указѣ отъ 8 апрѣля 1921 г. архіепископу Евлогію (“Церковныя Вѣдомости” 1922, № 1, стр. 2), онъ былъ убѣжденъ, что Заграничная Церковь должна быть автономна *“до возобновленія правильныхъ и безпрепятственныхъ сношеній”* съ центральной церковной властью.. Въ своемъ обращеніи “Православнымъ архипастырямъ и пасомымъ Московскаго Патріархата”, посланномъ 10 іюня 1926 г. изъ Нижняго Новгорода, Митрополитъ Сергій пишетъ: “Здѣсь требуютъ выясненія наши отношенія къ русскому духовенству, ушедшему съ эмигрантами за границу и тамъ образовавшему изъ себя какъ бы нѣкоторое филиальное отдѣленіе Русской Церкви... Обрушиться на заграничное духовенство за его невѣрность совѣтскому союзу какими-нибудь церковными наказаніями было ни съ чѣмъ несообразно и дало бы лишній поводъ говорить о принужденіи насъ къ тому совѣтскою властью. Но выразить нашъ полный разрывъ съ такимъ политиканствующимъ духовенствомъ и тѣмъ оградить себя на будущее время отъ отвѣтственности за его политиканство для насъ желательно и вполнѣ возможно. Для этого нужно только установить правиломъ, что всякое духовное лицо, которое не пожелаетъ признать своихъ гражданскихъ обязательствъ передъ Совѣтскимъ Союзомъ, должно быть исключено изъ состава клира Московскаго Патріархата и поступаетъ въ вѣдѣніе заграничныхъ Помѣстныхъ Православныхъ Церквей, смотря по территоріи... Отмежевавшись такимъ образомъ отъ эмигрантовъ, мы будемъ строить свою церковную жизнь въ предѣлахъ СССР совершенно внѣ политики”. Обращеніе это было послано Митрополитомъ Сергіемъ и Народному комиссару Внутреннихъ Дѣлъ.

“Ту же точку зрѣнія онъ развиваетъ въ письмѣ своемъ заграничнымъ русскимъ іерархамъ отъ 12 сентября 1926 г. (“Вѣстникъ русскаго христіанскаго студенческаго Движенія”, 1927, мартъ, стр. 29). Здѣсь онъ признаетъ, что церковная власть въ Москвѣ совершенно не знаетъ ни состава заграничныхъ Собора и Синода, ни ихъ полномочій и потому не можетъ быть судьбою въ разногласіяхъ заграничныхъ іерарховъ.

“Ваше письмо, продолжаетъ онъ, даетъ мнѣ поводъ поставить общій вопросъ, можетъ ли Московская Патріархія теперь быть руководительницей церковной жизни православныхъ эмигрантовъ, когда между нами фактически нѣтъ сношеній. Мнѣ думается, что польза самого церковнаго дѣла требуетъ, чтобы вы или общимъ согласіемъ создали для себя центральный органъ церковнаго управленія, до-

статочно авторитетный, чтобы разрѣшать всѣ недоразумѣнія и разногласія и имѣющій силу пресѣкать всякое непослушаніе, не прибѣгая къ нашей поддержкѣ (всегда найдутся основанія заподозрѣть подлинность нашихъ распоряженій или объяснить ихъ недостаточною освѣдомленностью...) или же, если такого органа, общепризнаннаго всею эмиграціею, создать, повидимому, нельзя, то... подчиниться (допустимъ, временно) мѣстной православной власти, напрімѣръ въ Сербіи — Сербскому Патріарху... Въ неправославныхъ странахъ можно организовать самостоятельныя общины или Церкви”...

“Ту же самую точку зрѣнія защищаетъ и Синодъ Митрополита Сергія въ своемъ посланіи отъ апрѣля 1927 г. (“Вѣстникъ” 1927, іюль, стр. 19-26), гдѣ читаемъ, что управленіе возникшими за границей православными епархіями “изъ Москвы въ церковномъ отношеніи невозможно по отсутствію легальныхъ формъ сношеній съ ними” и гдѣ подробно доказывается, что Московская Церковная Власть не можетъ судить заграничныхъ іерарховъ какъ потому, что каноны не допускаютъ церковнаго суда за политическія преступленія, такъ и потому, что невозможно организовать формально правильный каноническій судъ”,

Далѣе, возражая противъ нападковъ на Патріарха Варнаву за его содѣйствіе обвиненію Зарубежной Церкви, С. В. Троицкій писалъ:

На какомъ основаніи и по какимъ мотивамъ ставить Митрополитъ Сергій въ упрекъ Патріарху Варнавѣ его самоотверженные труды и заботы въ пользу примиренія и объединенія Русской зарубежной Церкви, когда онъ самъ въ письмѣ отъ 12 — IX, 1926 писалъ, что “польза самого церковнаго дѣла требуетъ, чтобы вы (т. е. іерархи) создали для себя центральный органъ церковнаго управленія, достаточно авторитетный чтобы разрѣшать всѣ недоумѣнія и разногласія, не прибѣгая къ нашей (т. е. центральной власти въ Москвѣ) поддержкѣ” и когда въ своемъ письмѣ Патріарху Варнавѣ отъ 23 — III, 1933 г. самъ же писалъ о печальныхъ послѣдствіяхъ партійности эмигрантскаго духовенства “взаимныхъ запрещеніяхъ и травлѣ противниковъ въ газетахъ и съ церковнаго амвона, вторженіи въ чужіе приходы и т. д.” Такимъ образомъ не совсѣмъ точно утвержденіе Митрополита Сергія, что Патріархъ Варнава былъ “покровителемъ и объединителемъ” эмиграціи. На самомъ дѣлѣ Патріархъ Варнава въ данномъ случаѣ только осуществилъ мысль самого Митрополита Сергія, высказанную имъ еще тогда, когда онъ былъ свободенъ отъ давленія совѣтской власти и внушеній своихъ жорыстныхъ освѣдомителей.” (стр. 175).

Нужны-ли коментаріи къ приведеннымъ словамъ С. В. Троицкаго?..

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ДЕКЛАРАЦІЯ МИТРОПОЛИТА СЕРГІЯ И ЕЯ ПОСЛѢДСТВІЯ.

16/29 іюля 1927 года Митрополитъ Сергій издалъ особую декларацию объ отношеніи Церкви къ Совѣтской власти, которой прот. М. Польскій справедливо придаетъ поворотное значеніе въ его политикѣ.

С. В. Троицкій конечно съ этимъ не согласенъ. Если о. М. Польскій считаетъ декларацию результатомъ обработки Митрополита Сергія во время трехмѣсячнаго заключенія, то С. В. Троицкій это предположеніе отвергаетъ на томъ основаніи, что якобы легализація была нужно не Совѣтской власти, а самой Церкви, “чтобы положить конецъ анархіи въ Церкви и охранить ее отъ произвола мѣстныхъ властей” (стр. 42). Хорошо, конечно, что С. В. Троицкій согласился съ тѣмъ, что со стороны мѣстныхъ властей былъ произволъ... Однако, въ цѣломъ его предпосылка совершенно фальшива.

Нѣтъ сомнѣнія (и мы это отмѣчали уже ранѣе), что Церковь была заинтересована въ урегулированіи своего юридическаго положенія. Мы видѣли, что Митрополитъ Сергій первоначально выработалъ для этого вполне достойную декларацию. Но этотъ проэктъ не былъ одобренъ гражданскою властью. Потомъ Митрополитъ Сергій былъ арестованъ и заключенъ въ тюрьмѣ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. То, что намъ извѣстно о давленіи, произведенномъ властью на Патріарха Тихона съ цѣлью добиться отъ него желательнаго ей заявленія о лояльности, даетъ всѣ основанія утверждать, что и въ данномъ случаѣ, гражданская власть, отвергнувъ первоначальный проэктъ самого Митрополита Сергія, указала ему — какого рода заявленіе она нашла бы для себя удовлетворительнымъ.

С. В. Троицкій въ подтвержденіе своей теоріи приводитъ слова Митрополита Литовскаго Елевверія изъ его книжки “Недѣля въ Патріархіи”. Но, во первыхъ, въ приводимыхъ имъ словахъ Митрополита Елевверія нѣтъ противорѣчія съ мыслями первоначальнаго проэкта Митрополита Сергія. А, во вторыхъ, Митро-

полить Елевѣерій въ своихъ сужденіяхъ проявилъ большую наивность.

Пробывъ только одну недѣлю въ Москвѣ, онъ не сумѣлъ разсмотрѣть тамъ того гнета, подъ которымъ жила даже “легализованная” Церковь Митрополита Сергія.

Митрополита Елевѣерія пустили въ Москву конечно не для удовлетворенія его любознательности, а для использованія его въ видахъ Совѣтской политики. Онъ долженъ былъ, побывавъ въ Москвѣ, засвидѣтельствовать на Западѣ о благополучномъ положеніи Церкви въ Сов. Россіи. Эту поѣздку и описавшую ее книжку Митрополита Елевѣерія можно сравнить съ извѣстной книгой В. В. Шульгина “Три Столицы”, въ которой авторъ подъ видомъ дѣйствительности рисуетъ зарубежному читателю ту картину совѣтской жизни, какую ему показали агенты НКВД, заманившіе его въ Россію. Вспомнимъ отзывъ о книгѣ Митрополита Елевѣерія, данный протопресвитеромъ В. Виноградовымъ: “Книга эта, говоритъ онъ, поражаетъ той наивной, почти дѣтскою довѣрчивостью, съ какою заграничный іерархъ, незнакомый съ условіями совѣтской жизни и психологіей подсовѣтскихъ церковныхъ дѣятелей, и къ тому же человекъ чистой и открытой души, взиралъ на искусственно специально для показа ему созданныя факці *свободной* церковной жизни и *свободнаго* церковнаго управленія. Ему и на мысль не приходитъ, что такъ гостепріимно принимающіе его члены Синода, русскіе іерархи, могли почему либо на его вопросы объ условіяхъ и обстоятельствахъ церковной ихъ и личной жизни давать отвѣты не тѣ, которые они хотѣли бы ему дать, а тѣ, которые угодны ГПУ (агенты котораго, какъ они хорошо знали, въ той или иной формѣ, непремѣнно всюду и вездѣ въ Патріархіи)” (стр. 43).

Самъ С. В. Троицкій даетъ Митрополиту Елевѣерію гораздо худшую характеристику. Въ цитированной мною его статьѣ “Митрополитъ Сергій и примиреніе русской діаспоры” онъ отзывается о немъ слѣдующимъ образомъ: “Теперь представителями Митрополита Сергія за границей сдѣлались іерархи *съ болѣе гибкою совѣстью* — Митрополитъ Литовскій Елевѣерій и архіепископъ Веніаминъ, бывшій епископъ Севастопольскій” . . . (“Церковная Жизнь”, № 10 и 11 за 1936 г. стр. 171)

Итакъ, ссылка С. В. Троицкаго на Митрополита Елевѣерія не можетъ для насъ быть убѣдительною, какимъ бы послѣдній ни былъ: “наивнымъ” ли, какъ призналъ его прот. В. Виноградовъ, или “съ гибкою совѣстью”, какъ высказался о немъ С. В. Троицкій,

хотя я лично отдаю предпочтеніе отзыву протопресвитера В. Виноградова.

Была ли декларация издана съ превышеніемъ власти? — ставить этотъ вопросъ С. В. Троицкій, и даетъ на него отрицательный отвѣтъ, ссылаясь на то, что Всероссійскимъ Соборомъ было допущено въ Церкви единоличное управленіе, и въ силу этого Митрополитъ Сергій могъ издать свою декларацию въ единоличномъ порядкѣ.

Однако, надо имѣть въ виду, что сначала Митрополитъ Сергій разослалъ епископамъ свой проэктъ достойный декларации, который и получилъ общее одобреніе іерархіи. Послѣ же этого изданіе декларации совсѣмъ другого духа было явнымъ пренебреженіемъ къ своимъ собратьямъ.

Почему Митрополитъ Сергій не разослалъ епископамъ на отзывъ свой новый проэктъ? Конечно потому, что онъ былъ составленъ несвободно. Авторъ его выполнялъ политическія требованія гражданской власти, покупая этой цѣной свое возвращеніе изъ тюрьмы къ церковному управленію. Онъ вѣроятно и не могъ бы разослать свой новый проэктъ, ибо этого не позволила бы ему гражданская власть въ предвидѣніи отрицательной реакціи на него большинства іерарховъ.

Но суть дѣла заключается не столько въ порядкѣ изданія декларации, сколько въ ея содержаніи и въ ея послѣдствіяхъ. С. В. Троицкій ничего не доказываетъ, приводя данныя о нѣкоторыхъ епископахъ ее одобрившихъ. Во первыхъ, онъ не можетъ скрыть того, что наравнѣ съ такими епископами оказалось не мало и непримиримыхъ. Во вторыхъ, — въ вопросахъ церковной правды большинство голосовъ не имѣетъ рѣшающаго значенія. Примѣры изъ жизни свв. Отцовъ указываютъ намъ на то, что они, отстаивая истину, нерѣдко оставались въ меньшинствѣ или даже въ одиночествѣ.

Возвѣщаемая декларацией легализация Церкви по утверженію С. В. Троицкаго коснулась Высшаго Церковнаго Управленія и епархіальныхъ учреждений. При этомъ нельзя не замѣтить болѣе чѣмъ скромный объемъ предоставленныхъ Церкви правъ.

Въ посланіи 16/29 іюля 1927 г. Митрополитъ Сергій писалъ: “Теперь наша Православная Церковь въ Союзѣ имѣетъ не только каноническое, но и по гражданскимъ законамъ вполнѣ легальное центральное управленіе” . . . Но это утвержденіе не соответствовало дѣйствительности.

“Легализація” управління, возглавленнаго Митрополитомъ Сергіемъ, ничего общаго съ “гражданскимъ закономъ” не имѣла. Не было и нѣтъ до сихъ поръ такого Совѣтскаго закона, который давалъ бы церковному управленію легальный статусъ. Свнодъ Митрополита Сергія началъ свою дѣятельность на основаніи простой справки Административнаго Отдѣла НКВД отъ 20 мая 1927 г. за № 224 503 о томъ, что заявленіе Митрополита Сергія и списокъ организовавшагося при немъ т. н. Патріаршаго Свнода получены и приняты къ свѣдѣнію и препятствій къ дѣятельности сего органа впредь до его утвержденія не встрѣчается. Само собою разумѣется, что и въ дальнѣйшемъ Митрополитъ Сергій получалъ подобные документы. Но всѣ такія справки полицейскаго характера говорятъ только о признаніи учрежденія де факто и о *допущеніи* его дѣятельности, но сами по себѣ не являются легализаціей въ полномъ юридическомъ значеніи этого слова. Въ Совѣтскомъ Союзѣ не только не было закона, опредѣляющаго какія либо права Церкви, но не было никакого закона и касавшагося вообще религіозныхъ обществъ, за исключеніемъ тѣхъ законовъ, которые говорили объ ихъ безправіи, на основаніи первоначальнаго декрета объ отдѣленіи Церкви отъ Государства. Болѣе того, черезъ два года послѣ этой “легализаціи” въ новой Совѣтской конституціи (1929 г.) подробнѣе, чѣмъ раньше изложено о томъ, чего *не* имѣютъ права дѣлать религіозныя общины. И въ итогъ ихъ права сводились только къ совершенію богослуженій.

Базирующееся на сообщеніи Митрополита Елевверія утвержденіе С. В. Троицкаго о легализаціи не только высшаго, но и епархіальныхъ управленій совершенно опровергается показаніями Митрополита Сергія (бывшаго секретаремъ Свнода Московской Патріархіи), опубликованными въ газетѣ “Россія” отъ 9-13 октября 1945 г. и процитированными въ книгѣ Глѣба Пара “Плѣненная Церковь” (Франкфуртъ на Майнѣ. 1954 г.), хорошо извѣстной С. В. Троицкому. Поэтому мы по этой книгѣ и будемъ цитировать Митрополита Сергія *).

Значеніе свидѣтельства Экзарха Сергія подчеркивается его высокимъ положеніемъ въ Московской іерархіи. Въ его запискѣ, поданной Германскимъ властямъ въ Ригѣ 12 ноября 1941 г. и сохранившейся въ нѣмецкомъ переводѣ въ Нью Йоркѣ въ архивѣ

*) Непонятно, почему въ своемъ перечнѣ литературы С. В. Троицкій причислялъ эту книгу къ категоріи сочиненій «противъ Карловацкаго раскола». Авторъ ея, будучи не во всемъ согласнымъ съ прот. М. Польскимъ, въ то же время отнюдь не выступаетъ противникомъ Зарубежной Церкви.

Еврейскаго Научнаго Института, значится, что имя автора ея стояло вторымъ въ завѣщаніи Митрополита Сергія о замѣщеніи его, подобномъ завѣщанію Патріарха о Мѣстоблюстителствѣ. На первомъ мѣстѣ стояло имя нынѣшняго Патріарха Алексія, а на третьемъ — имя Архіепископа Архангельскаго Иоанна.

Итакъ, не наивный гость, проведеншій только шесть дней въ Москвѣ, а бывший активный ближайшій сотрудникъ Митрополита Сергія даетъ совсѣмъ другое опредѣленіе юридическаго положенія созданнаго послѣднимъ Синода.

“Особыя усилія большевизмъ приложилъ къ тому, пишеть Митрополитъ Сергій, чтобы разложить внутреннюю организацію Церкви. Для этого онъ прежде всего поставилъ ее въ положеніе организаціи нелегальной, государствомъ непризнанной. Помѣстная Церковь, ея каноническое устройство, ея іерархія, ея органы, ея вчлененность въ Церковь Вселенскую, ея подраздѣленіе на епархіи, благочинія, приходы, — все это понятія, неизвѣстныя совѣтскимъ законамъ, ссылатся на которые въ сношеніяхъ съ совѣтскою властью юридически не позволительно и практически бесполезно. Легально существуютъ въ Совѣтскомъ Союзѣ только т. н. “двадцатки”, завѣдующіе отдѣльными храмами, да еще Патріархія, подчиняться которой эти “двадцатки” отнюдь не обязаны.. (стр. 36)... Архіереи по совѣтскимъ законамъ вообще никакой власти не имѣютъ... Безправіе архіереевъ объясняется тѣмъ, что большевики совершенно игнорируютъ епископальный іерархическій строй Православной Церкви и вообще не признаютъ за ея канонами ни малѣйшей юридической силы... Съ точки зрѣнія совѣтскихъ законовъ Православной Церкви, какъ легально организованнаго цѣлаго, вовсе нѣтъ, а есть только разрозненныя и притомъ неорганизованныя группы вѣрующихъ “Тихоновской ориентаціи”, которымъ и разрѣшается, при соблюденіи опредѣленныхъ закономъ условій, собираться на богослуженія въ отведенныхъ для сего храмахъ... Никакого различія между діакономъ, пресвитеромъ, архіереемъ не проводится... Никакихъ приказовъ никто изъ нихъ давать не можетъ” (стр. 38).

Въ другомъ документѣ (уже упомянутомъ выше) — докладной запискѣ, поданной тѣмъ же Экзархомъ Сергіемъ Германскимъ властямъ въ Ригѣ 12 ноября 1941 г. онъ еще точнѣе опредѣляетъ правовое положеніе Церкви въ Россіи послѣ деклараціи:

“Существованіе Патріаршаго Управленія было признано Совѣтскимъ Правительствомъ только “де факто”, но никакъ не “де юре”. Вообще не существовало ничего похожаго на легализованный церковный статутъ. Церковь въ цѣломъ, отдѣльныя епархіи, отдѣльныя приходы не были ни учрежденіями, ни корпораціями,

они вообще не было никакимъ юридическимъ лицомъ и никакимъ органомъ не были юридически представлены. Они существовали только фактически, но не по праву”.

Другой авторъ также на основаніи собственного опыта подтверждаетъ то, что писалъ Экзархъ Сергій. Католическій американскій священникъ, проведеній нѣсколько лѣтъ въ Сов. Россіи, о. Леопольдъ Браунъ пишетъ:

“Учрежденіе въ 1943 г. Государственной Комиссіи для удовлетворенія нуждъ Русской Православной Церкви, и учрежденіе другой такой же Комиссіи въ іюль 1944 г. для обезпеченія нуждъ всѣхъ неправославныхъ исповѣданій ничего не перемѣнило въ существовавшемъ совѣтскомъ религиозномъ законодательствѣ. Находясь въ Москвѣ въ то время, авторъ этихъ строкъ получилъ отъ фактическаго предсѣдателя второй изъ вышеуказанныхъ комиссій Ивана В. Полянскаго совершенно опредѣленное заявленіе, что Совѣтскіе законы, относящіеся къ религіи, остаются неизмѣнными. Важно, чтобы объ этомъ положеніи было извѣстно широкой публикѣ для противодѣйствія обману и полуправдѣ, распространяемымъ Совѣтскими клириками, путешествующими за границами Россіи”. (Has Communism Changed since Lenin. St. Anthony Guild Press. Paterson, N. J. 1959. стр. 28).

Эти свидѣтельства Митрополита Сергія (Вознесенскаго) и о. Брауна являются безусловно компетентными и совершенно опровергаютъ заключеніе С. В. Троицкаго.

По существу никакой легализаціи церковнаго управленія въ 1927 году не произошло. Съ юридической точки зрѣнія можно сказать только то, что полицейскими органами было допущено существованіе канцеляріи Митрополита Сергія и ему были разрѣшены сношенія съ другими епископами. Но общее положеніе Церкви послѣ деклараціи не измѣнилось. Церковь, какъ и раньше, оставалась жестоко гонимой.

С. В. Троицкій оспариваетъ утвержденіе о. М. Польскаго, что послѣ деклараціи большевики продолжали гоненія на Церковь, “систематически и неослабно ихъ усиливая еще двѣнадцать лѣтъ”.

Въ дѣйствительности же и статистика и дошедшая до насъ изъ Россіи подпольная церковная литература того времени свидѣтельствуютъ объ этомъ гоненіи и о томъ, что въ первую очередь этому гоненію подвергалось духовенство, несогласное съ деклараціей Митрополита Сергія.

Страданія гонимыхъ нисколько не волнуютъ С. В. Троицкаго. Болѣе того, въ этомъ преслѣдованіи преданныхъ Церкви лицъ **онъ** находитъ даже нѣчто положительное, — а именно “выдѣленіе”

изъ церковной среды тѣхъ, “которые не могли примириться съ новымъ совѣтскимъ строемъ”. До деклараціи “недовѣріе власти и вызванныя имъ стѣсненія вѣрующихъ простирались на всю Церковь, теперь же вѣрныя не только Православію, но и Совѣтскому Союзу, граждане, получивъ право на легальное существованіе, получили и возможность “проводить жизнь тихую и безмятежную” (1 Тим. II, 2). Репрессіи же правительства стали направляться главнымъ образомъ на единомышленниковъ о. М. Польскаго” (45 стр.).

Всѣ эти разсужденія С. В. Троицкаго — сплошная ложь, взятая изъ просовѣтской пропаганды. Несогласные съ Митрополитомъ Сергіемъ подвергались упорнымъ гоненіямъ подъ тѣмъ предлогомъ, который далъ самъ возглавитель “Тихоновской” Церкви, наложивъ на нихъ клеймо “контръ-революціонеровъ”.

Въ одномъ изъ подпольныхъ документовъ, отражающемъ настроеніе оппозиціи Митрополиту Сергію говорится:

“Всюду декларація противопоставляетъ это нелояльное прошлое — лояльному будущему, которое будетъ выражено въ дѣлахъ. Такъ вотъ — истинная причина нашихъ неописуемыхъ церковныхъ бѣдствій! Она — въ насъ самихъ, въ нашей нелояльности. Эта причина — единственная, которую подчеркиваетъ Митрополитъ Сергій”.

Далѣе авторъ цитируемаго документа говоритъ о томъ, что такое обвиненіе не ново, оно предъявлялось со стороны гражданской власти и со стороны обновленцевъ, но всегда отвергалось православными церковниками какъ несправедливое.

“Но, что скажемъ мы, продолжаетъ онъ, когда управляющій нами святитель самъ произноситъ намъ страшный приговоръ, самъ говорить о “словахъ и дѣлахъ”. Не ставятъ ли эти слова черный крестъ надъ всѣми невыразимыми страданіями, пережитыми Церковью за послѣдніе годы, надъ всей ея борьбой за самосохраненіе? Не объявляютъ ли они весь подвигъ Церкви преступленіемъ?”

Но несмотря на лояльность Митрополита Сергія, всѣ его надежды на нѣкоторыя преимущества въ положеніи Церкви, ожидавшіяся отъ легализаціи, осуществились только послѣ Второй Великой Войны вслѣдствіе необходимости для Совѣтской власти использовать послушную ей іерархію во внѣшней политикѣ. Въ первые два года послѣ изданія деклараціи гоненіе преимущественно обрушилось на несогласныхъ съ Митрополитомъ Сергіемъ церковниковъ, но затѣмъ оно вскорѣ со всей силой обратилось и на его сторонниковъ.

19 февраля 1930 г. Митрополитъ Сергій подалъ меморандумъ тов. Смидовичу, въ которомъ ярко отражается полное безправіе

Церкви черезъ три года послѣ его деклараціи. Меморандумъ приводится въ книгѣ П. Андерсона, которая извѣстна С. В. Троицкому. Позаимствованный изъ этого труда, меморандумъ цѣликомъ напечатанъ въ книгѣ Рара, тоже извѣстной С. В. Троицкому и указанной имъ въ перечнѣ прочитанной имъ литературы. Однако, С. В. Троицкій совершенно умалчиваетъ объ этомъ документѣ, содержащемъ 21 пунктъ въ перечисленіи разныхъ видовъ притѣсненія Церкви, которое проявилось главнымъ образомъ въ закрытіи храмовъ.

В. В. Гзовскій на основаніи совѣтскихъ печатныхъ источниковъ даетъ свѣдѣніе о количествѣ храмовъ, отнятыхъ у вѣрующихъ въ годы послѣ изданія деклараціи. Вотъ эти краснорѣчивыя цифры: въ 1927 г. было закрыто 134 церкви, въ 1928 г. — около 600, въ 1929 г. — 1450. Въ Москвѣ къ 1942 г. оставалось только 17 церквей. (Church and State Behind the Iron Curtain, page XIX).

Митрополитъ Сергій Виленскій въ цитированной нами запискѣ писалъ: “впрочемъ, передъ войной предоставленныхъ православнымъ храмовъ уже почти не оставалось” (Г. Раръ. “Плѣненная Церковь”, стр. 38).

В. В. Гзовскій даетъ и нѣкоторыя другія цифры, свидѣтельствующія о неправотѣ С. В. Троицкаго въ его оспариваніи утвержденія о. М. Польскаго о продолжавшемся и послѣ деклараціи гоненіи на Церковь.

“Въ 1930 г. Совѣтская пресса, пишетъ В. В. Гзовскій, постоянно сообщала о сжиганіи иконъ и религиозныхъ книгъ въ маленькихъ поселеніяхъ въ такомъ количествѣ, какъ 12 вагоновъ, 8 вагоновъ, 4000 иконъ, 1000 религ. книгъ” (Church and State, page XIX).

В. В. Гзовскій ссылается на соотвѣтствующіе номера “Извѣстій” и “Безбожника”, изъ которыхъ онъ взялъ эти цифры.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ печати упомянута лишь часть этихъ случаевъ “ауто да фе” и закрытія храмовъ. Г. Раръ указываетъ по оффиціальнымъ пропаганднымъ свѣдѣніямъ, опубликованнымъ Совинформбюро, что 22 августа 1941 г. въ СССР оставалось всего 4225 православныхъ храмовъ, каковое число являлось меньше одной десятой всего количества церквей, существовавшего въ 1917 г. передъ приходомъ къ власти большевиковъ (стр. 40).

Заслуживаютъ вниманія также и статистическія данныя о численности епископата. Въ 1927 г. въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ (№№ 3, 4, 5, 6, 11, 12, 17, 18, 19, 20, 21, 22) значилось 260

епископовъ. Послѣ этого совершались еще новыя хиротоніи епископовъ. А 8 сентября 1943 г. на Соборъ для избранія Митрополита Сергія Патріархомъ собралось всего 19 епископовъ, въ числѣ которыхъ были и новорукоположенные. Спрашивается — куда же всѣ епископы исчезли? Почему въ теченіе 12-15 лѣтъ не осталось даже одной десятой всего епископата? Можно ли это катастрофическое паденіе его численности назвать большимъ достиженіемъ церковной “легализаціи”, проведенной Митрополитомъ Сергіемъ въ 1927 году?

Но, намъ могутъ указать на нынѣшнее привилегированное положеніе Московской Патріархіи. На это отвѣтимъ въ свое время. А здѣсь мы должны отмѣтить, что къ этому времени не только мало осталось на свободѣ духовенства, но и самый составъ клира по словамъ Митрополита Виленскаго Сергія образуется отнюдь не изъ лучшихъ пастырей. На какомъ же основаніи С. В. Троицкій привѣтствуетъ “выдѣленіе” нежелательнаго элемента изъ среды духовенства, давшее улучшеніе качества его остатка?

“Назначеніе священнослужителей къ храму, писалъ Экзархъ Сергій, зависитъ формально отъ двадцатки, нанимающей ихъ за извѣстную плату. Но, по существу, рѣшающее слово принадлежитъ “Комисіи Культуръ”, которая можетъ по своему усмотрѣнію отказать священнослужителю въ регистраціи... Такимъ образомъ, весь клиръ находится въ полной зависимости отъ произвола большевиковъ, которые однихъ допускаютъ къ легальному священнослуженію, а другихъ устраняютъ, при этомъ естественно предпочитая худшихъ лучшимъ... Люди, не обладающіе выдающейся силой нравственнаго характера, готовы идти на всяческіе сдѣлки съ совѣстью и пресмыкаться передъ большевиками, только бы послѣдніе оставили ихъ въ покоѣ. Поэтому въ уцѣлѣвшей части зарегистрированнаго духовенства сравнительно мало остается людей подлинно стойкихъ, не сломленныхъ гнетомъ, до конца вѣрныхъ своему высокому призванію” (Г. Раръ, стр. 37).

Надо полагать, что именно этого опасались іерархи, предпочитавшіе тюрьмы и ссылки принятію условій, поставленныхъ безбожными врагами Церкви.

Переходя теперь къ самому содержанію деклараціи Митрополита Сергія (о лояльности), мы постараемся рассмотреть въ немъ всю неправду, содержащуюся въ цѣломъ рядѣ ея утверждений. И послѣ этого мы коснемся вопроса о томъ, кому именно была нужна эта декларація — Церкви ли или Совѣтской безбожной власти, чтобы получить возможность правильной оцѣнки ея съ точки зрѣнія идеологической.

“Одною изъ заботъ почившаго Святѣйшаго отца нашего Патриарха Тихона, пишетъ Митрополитъ Сергій, передъ кончиной его, было поставить нашу Православную Русскую Церковь въ правильныя отношенія къ Совѣтскому Правительству и тѣмъ дать Церкви возможность исполнѣ законнаго и мирнаго существованія”.

Тутъ весь центръ тяжести въ установленіи “правильныхъ отношеній” переносится исключительно на Церковь. Какъ будто возможность ея “исполнѣ законнаго и мирнаго существованія” зависитъ только отъ нея, а не отъ гражданской власти. Слѣдовательно и причиной преслѣдованія Церкви была не принципиальная враждебность коммунизма къ религіи, “а главнымъ образомъ выступленія зарубежныхъ враговъ Совѣтскаго государства”, которыя де возбуждали “естественное и справедливое недовѣріе Правительства къ церковнымъ дѣятелямъ вообще”.

Въ этихъ словахъ деклараціи (какъ и въ другихъ мѣстахъ ея) совершается предательство по отношенію къ паствѣ. Этими словами не только устраняется самая мысль о преднамѣренности гоненія на Церковь, но и утверждается справедливость недовѣрія Правительства къ церковнымъ дѣятелямъ вообще. Здѣсь Митрополитъ Сергій кладетъ клеймо нелояльности на всѣхъ церковныхъ дѣятелей и тѣмъ самымъ отнимаетъ у себя возможность за нихъ заступаться. Внесеніе такихъ словъ въ декларацію возглавителя Церкви было не въ интересахъ Церкви, а въ интересахъ большевиковъ.

То же самое можно сказать и о послѣдующихъ фразсахъ деклараціи, въ которыхъ говорится объ обязанности показать, “что мы, церковные дѣятели, не съ врагами нашего совѣтскаго государства и не съ безумными орудіями ихъ интригъ, а съ нашимъ народомъ и съ нашимъ Правительствомъ”. И послѣ этого всѣ вѣрующіе призываются “не на словахъ, а на дѣлѣ показать” себя вѣрными гражданами Совѣтскаго Союза.

Эти слова деклараціи вызвали большую тревогу у нѣкоторыхъ преданныхъ Церкви лицъ. Такъ, въ запискѣ подъ названіемъ “Пятнадцать Пунктовъ”, выражающей мнѣніе о деклараціи трехъ ссыльныхъ епископовъ (осень 1927 г.) мы читаемъ:

“На мѣстахъ мы неоднократно слышали: докажите вашу лояльность *на дѣлѣ*, при чемъ это “на дѣлѣ” понималось въ доставленіи свѣдѣній о политической настроенности тѣхъ или иныхъ лицъ. Теперь, когда Первоіерархъ всенародно приглашаетъ всю Православную Русскую Церковь *на дѣлѣ* показать свою лояльность, не будетъ ли это истолковано какъ принятіе для всѣхъ дѣятелей Православной

Церкви извѣстныхъ обязательствъ передъ государственнымъ политическимъ управленіемъ” (п. 6-й).

С. В. Троицкій въ своей апологіи большевиковъ конечно съ этимъ не соглашается. Онъ приводитъ слова украинскаго епископа, обвиняющаго декларацию въ томъ, что она развѣнчиваетъ исповѣдниковъ Церкви, представляя ихъ обычными контръ-революціонерами. И возражая на это, С. В. Троицкій пишетъ:

“Писать такъ, это значитъ намѣренно исказать смыслъ декларации. Совѣтская Конституція всѣмъ гражданамъ предоставляетъ свободу культа и потому гоненій за вѣру, какъ таковую, не могло быть и вѣрующіе привлекались къ суду и репрессировались не за вѣру, а за какіе нибудь поступки политическаго характера” (стр. 51).

Читая эти строки, не знаешь, чему слѣдуетъ больше удивляться — наивности или цинизму ихъ автора?

Имѣетъ-ли значеніе, по какой именно статьѣ Совѣтскаго уголовного кодекса, осуждали церковниковъ, когда всѣмъ извѣстно, что осуждали ихъ именно за вѣру и именно въ порядкѣ преслѣдованія послѣдней. Если священника ссылали за то, что онъ не соглашался дѣлаться тайнымъ агентомъ политической развѣдки и доносить на своихъ прихожанъ, приходящихъ къ нему на исповѣдь, то обвиняли его въ нелояльности въ отношеніи Совѣтской власти. Хотѣлось бы знать, — рѣшится ли С. В. Троицкій печатно заявить, что въ этомъ случаѣ проявляется не гоненіе на вѣру, а репрессія за поступокъ политическаго характера?

С. В. Троицкій прославляетъ Митрополита Сергія за то, что онъ съ самаго начала былъ противъ борьбы съ коммунизмомъ и желалъ установленія лояльнаго отношенія со стороны іерархіи и клира къ Совѣтской власти. Но въ то же время онъ признаетъ, что Митрополитъ Сергій “при Совѣтской власти попадалъ въ тюрьму четыре раза” (стр. 88). Спрашивается — за что же его сажали, если онъ всегда былъ лояленъ?

Лукавство большевиковъ сказалось въ томъ, что они своими посулами побудили Митрополита Сергія издать декларацию, которая вызвала внутреннее раздѣленіе въ Церкви. Кромѣ того, этой декларацией они воспользовались для того, чтобы привлечь къ отвѣтственности сначала всѣхъ несогласныхъ съ нею, какъ политически неблагонадежныхъ лицъ, а затѣмъ, чтобы обрушиться и на церковную организацию самого Митрополита Сергія.

Говорить же, какъ это дѣлаетъ С. В. Троицкій, о гарантіяхъ свободы культа, даваемыхъ Конституціей, въ совѣтскихъ усло-

віяхъ просто смѣшно. Митрополитъ Виленскій Сергій въ цитированной уже запискѣ пишетъ:

“Какъ до деклараціи объ аполитичности, такъ и послѣ этой деклараціи Церковь преслѣдовалась со стороны государственной власти, — при томъ не только на периферіи, что общепризнанно, но также и въ центрѣ, въ Москвѣ . . . Мы были не по вкусу Совѣтской власти и она не питала къ намъ ничего, кромѣ недовѣрія и враждебности. Мы были подъ постояннымъ наблюденіемъ и въ теченіе дня не знали, — не будемъ ли мы схвачены ночью”.

Вотъ каково было “вполнѣ законное и мирное” существованіе Церкви, объявленное въ деклараціи Митрополита Сергія. Такъ называемая “легализація” Церкви принесла ей большія испытанія, ослабивъ ее морально и расколовъ ее передъ лицомъ наступавшаго на нее лукаваго врага.

С. В. Троицкій совершенно неправильно утверждаетъ, будто легализація была нужна только Церкви, и что “если бы легализація была нужна самой Совѣтской власти, то она могла бы объявить легализацію и не спросясь Митрополита Сергія, и помѣшать этому онъ не могъ бы” (стр. 56).

Конечно, Совѣтская власть могла бы это сдѣлать и сдѣлала бы непременно, если бы она подходила къ отдѣленію Церкви отъ государства такъ, какъ ей это приписываетъ С. В. Троицкій. Но, на самомъ дѣлѣ Совѣтская власть хотѣла нанести вредъ Церкви. Ей нужно было заставить Церковную власть просить о легализаціи, чтобы унижить ее и вынудить у нея признаніе существующей политической неблагонадежности значительной части церковныхъ дѣятелей.

Характерно для большевиковъ слѣдующее явленіе: совѣтскіе чекисты имѣли полную возможность расправляться со своими жертвами совершенно независимо отъ того, — сознаются послѣдніе или не сознаются въ приписываемыхъ имъ въ большинствѣ случаевъ фиктивныхъ преступленіяхъ. И все-таки они всегда прилагали много усилій, примѣняя всякія попытки и другіе методы психическаго воздѣйствія для того, чтобы заставить арестованнаго самого признать свою вину, хотя бы въ нее не вѣрилъ и самъ слѣдователь. Очевидно, главная задача тутъ — духовно сломить человеческую личность.

О той цѣли, какую преслѣдовали большевики въ дѣлѣ “легализаціи Сергіевскаго Синода” интересны разсужденія Экзарха Митрополита Сергія, имѣющіяся въ уже цитированномъ мною его докладѣ нѣмецкимъ властямъ. При этомъ надо имѣть въ виду,

что авторъ доклада естественно старался оправдать Сергіевскій Синодъ, коего онъ былъ дѣятельнымъ членомъ. Въ своемъ докладѣ онъ отмѣчаетъ, что раздробленная аполитичная Церковь съ ея центральнымъ управленіемъ, которое такъ легко было придавить, никакой опасности для Совѣтскаго государства не представляло. Однако, *съ точки зрѣнія Совѣтсовъ* такое существованіе управленія Церкви надо было предпочесть полному небытію послѣдняго.

“Прежде всего, пишетъ Экзархъ Сергій, для Совѣтскаго государства оно было очень важно въ цѣляхъ рекламы и пропаганды. Въ иностранной еврейской прессѣ, желавшей привлечь сердца своихъ либеральныхъ читателей къ Сталинской конституціи, можно было указать на существованіе Патріархіи, какъ неоспоримое доказательство, что въ Совѣтскомъ государствѣ даже Православная Церковь, эта опора реакціи царизма, — пользуется полной религіозной свободой. Съ другой стороны, если бы Патріаршее управленіе и его члены были уничтожены, то трудно было бы привести къ молчанію заграничную печать. Особенно сильный и длительный откликъ это вызвало бы у православныхъ балканскихъ народовъ. Но помимо всякой рекламы и пропаганды за границей, были еще и другія соображенія, заставлявшія предпочесть существованіе Патріаршаго управленія отсутствію онаго.

“Въ отношеніи Церкви Совѣтское правительство поставило себѣ двѣ цѣли: во 1-хъ, упразднить Церковь, какъ политической факторъ, и во 2-хъ, исключить религію, какъ факторъ, изъ дѣйствительности. Въ первомъ случаѣ правительство исходило изъ идеи тоталитарнаго государства, а во второмъ — изъ идеи атеизма. Первая цѣль была достигнута Совѣтскимъ правительствомъ и при томъ съ согласія Церкви. Вторая же цѣль, однако, оказалась недостижимой. Конечно, большевики въ принципѣ не признаютъ эту цѣль недостижимой, но руководители пропаганды атеизма — президіумъ Союза безбожниковъ, — которые могли втянуть въ свою орбиту только ничтожное меньшинство населенія, были вынуждены признать свою неудачу. Кромѣ того они должны были признать, что насиліе надъ Церковью не продвинуло атеизмъ ни на шагъ, а только ожесточило вѣрующихъ и многихъ колеблющихся и даже оттолкнуло многихъ невѣрующихъ отъ безбожія. Изъ этого было сдѣлано заключеніе, что въ интересахъ атеизма надо затормозить гоненіе на Церковь и перевести его изъ острой въ болѣе мягкую, менѣе замѣтную, хроническую форму и что эта пропаганда должна пользоваться болѣе тонкими средствами убѣжденія и соблазна, что вниманіе должно быть обращено главнымъ образомъ на школьную молодежь и что не слѣдуетъ обращать вниманія на взрослыхъ, воспитанныхъ религіозно и мало восприимчивыхъ для атеистической пропаганды... Итакъ, существованію

Патріаршаго Управленія было допущено, такъ какъ его упраздненіе, какъ и всякая форма явнаго гоненія на Церковь не отвѣчало бы интересамъ тонкой атеистической пропаганды и могло вызвать политически нежелательное возбужденіе въ широкихъ массахъ православныхъ вѣрующихъ. Что эти массы велики, признають и сами большевики. По официальной, всегда фальсифицированной совѣтской статистикѣ число православныхъ вѣрующихъ достигаетъ крупной цифры въ 30 милліоновъ. Но многіе терроризированные совѣтскіе граждане не имѣютъ мужества признать себя вѣрующими передъ совѣтскими властями. Имѣя въ виду эти и другія ошибки совѣтской статистики, Патріаршее управленіе считаетъ, что число вѣрующихъ достигаетъ 60 милліоновъ. Съ такимъ фактомъ приходится считаться любому правительству въ Россіи, даже большевицкому. Несомнѣнно, что несмотря на всѣ преслѣдованія вѣры и безбожную пропаганду, русскіе люди остались вѣрны вѣрѣ отцовъ.”

Экзархъ Сергій указываетъ на сильную вѣру, обнаруженную въ населеніи оккупированныхъ нѣмцами областей, и на уваженіе, которымъ пользовались у населенія Патріархъ Тихонъ и Московскій Митрополитъ Сергій.

“Въ этомъ и заключается основная причина, продолжаетъ онъ, по которой Совѣтское правительство не осмѣлилось силою смѣстить Патріаршее управленіе, т. е. іерарховъ, которые группируются вокругъ Мѣстоблюстителя Патріаршаго Престола. Помимо вреднаго вліянія на успѣхъ атеистической пропаганды, большевицкія власти должны были отлично знать, что роспускъ Патріаршаго управленія былъ бы политически неудобенъ и возбудилъ бы еще большую ненависть къ нимъ, ненависть, о которой единогласно свидѣлствуютъ всѣ миссіонеры.”

Экзархъ Сергій дѣлаетъ очень важное признаніе, опровергающее одинъ изъ выпадовъ С. В. Троицкаго. Послѣдній называетъ т. н. катакомбную Церковь “миѳомъ”, утверждая, что подъ ея маскировкой “скрывается измѣна Родинѣ и духовная неправда” (стр. 83 и 85).

Экзархъ Сергій отмѣчаетъ, что “роспускъ официальной признаннаго Патріаршаго Управленія неизбежно вызвалъ бы къ жизни тайное управленіе, полицейское наблюденіе за которымъ было бы затруднительно”.

Въ этихъ свидѣтельствахъ мы находимъ полное опроверженіе утвержденія С. В. Троицкаго о томъ, что легализація была нужна только Церкви. Изъ нихъ логически вытекаетъ какъ разъ обратное положеніе, а именно, что легализація Церкви была гораздо

нужнѣ для безбожной власти, чтобы держать Церковь подь своимъ контролемъ.

Затѣмъ, экзархъ Сергій разъясняетъ еще полнѣ причину того, что заставляло совѣтскую власть считать легализацію Церкви нужной для своихъ интересовъ и одновременно показываетъ, что сама Церковь могла бы какъ то существовать и нелегально.

Дошедшая до насъ подпольная церковная литература часто касается вопроса легализаціи Церкви не только съ принципіальной, но и съ практической стороны. Въ ней подробно разъясняется, что легализація и соглашеніе Церкви съ тою властью, которая ставитъ себѣ прямою цѣлью уничтоженіе религіи, не можетъ идти на пользу Церкви. По мнѣнію этихъ лицъ Церковь должна учитывать тотъ фактъ, что при такой власти она все равно всегда будетъ гонима. Поэтому они находятъ, что Церковь вынуждена “уйти въ пустыню”. Всякое соглашеніе Церкви съ послѣдовательными врагами религіи, открываетъ послѣднимъ возможность подь видомъ требованія отъ Церкви выполненія ею своихъ обязательствъ по отношенію къ власти, навязываютъ ей мѣропріятія и заявленія, несогласныя съ ея существомъ и ея основными цѣлями. Церковь такимъ образомъ вынуждается служить двумъ господамъ. Враждебная Церкви безбожная власть благодаря легализаціи проникаетъ въ область внутренняго управленія Церкви.

Наблюденіе же за Церковью, ушедшей “въ катакомбы”, значительно труднѣе.

По свидѣтельству Экзарха Сергія такая тайная Церковь сильно развивалась.

“Въ Россіи, пишетъ онъ, была вообще очень дѣятельная тайная религиозная жизнь — тайные священники и монахи, катакомбныя церкви и богослуженія, крещенія, исповѣди, причащенія, браки, тайные богословскіе курсы, тайное храненіе богослужебной утвари, иконъ, богослужебныхъ книгъ, тайныя сношенія между общинами, епархіями и Патріаршимъ Управленіемъ. Чтобы уничтожить также и катакомбную Патріархію понадобилось бы казнить и всѣхъ епископовъ, въ томъ числѣ и тайныхъ, которые были бы несомнѣнно посвящены въ случаѣ нужды. И если бы вообразить невозможное, что удалось бы полностью уничтожить всю церковную организацію, то вѣра все таки осталась бы и атеизмъ не выигралъ бы ни шага. Совѣтское правительство это поняло и предпочло допустить существованіе Патріаршаго управленія.”

Вновь отмѣчая, что Патріаршее Управленіе было признано только “де факто”, а не “де юре”, экзархъ Сергій останавливается

на вопросъ о контролѣ со стороны Совѣтской администраціи надъ составомъ духовенства.

“Президіуму Верховнаго Совѣта Совѣтскаго Союза подчинена Центральная Комиссія по Вѣроисповѣднымъ Дѣламъ, а ей были подчинены такія же мѣстныя комиссіи. Членами этихъ комиссій были коммунисты, члены Союза Безбожниковъ. Комиссіямъ было вмѣнено въ обязанность руководить пропагандой атеизма и вести плано-мѣрную борьбу съ религіей. Однако, онѣ не могли производить арестовъ и тому подобныхъ мѣропріятій: для этого существовало НКВД. Для борьбы съ религіей эти комиссіи должны были внимательно наблюдать за религіозною жизнью. Это имъ было облегчено тѣмъ, что имъ были предоставлены извѣстныя административныя функціи: онѣ имѣли право предоставлять для отправленія культа зданія церквей, мечетей и синагогъ, которыя были всѣ націонализированы. При этомъ онѣ должны были слѣдить за точнымъ соблюденіемъ законоположеній, относящихся къ культуамъ. Зданіе для отправленія обрядовъ культа предоставляется, если 20 совѣтскихъ гражданъ обязуются наблюдать за соблюденіемъ упомянутыхъ нормъ закона. Эти обязавшіеся граждане должны были надлежащимъ образомъ зарегистрироваться въ комиссіяхъ. Каждый отвѣчалъ своимъ имуществомъ, а въ извѣстныхъ случаяхъ и своей свободой. Обязательство состояло прежде всего въ томъ, что зданіе, предоставленное для отправленія культа, не будетъ использовано для другихъ цѣлей, и что невѣроятно высокіе налоги, связанные съ употребленіемъ зданія для религіозныхъ цѣлей, будутъ своевременно уплачиваться. Кромѣ того, существовали другія обязательства, а именно о своевременныхъ и точныхъ данныхъ о лицахъ, которыя будутъ исправлять въ данныхъ зданіяхъ обряды культа. . . . Въ упомянутыхъ комиссіяхъ велись регистры такихъ лицъ: каждое изъ этихъ лицъ могло ихъ исполнять лишь въ одномъ зданіи, а не въ нѣсколькихъ. При томъ было безразлично, было ли данное лицо назначено епископомъ или нѣтъ, т. к. среди “служителей культа” не признавалась никакая іерархія. Такимъ образомъ епископъ обязанъ зарегистрироваться въ мѣстной комиссіи, какъ простой “служитель культа”, который можетъ отправлять богослуженія въ данномъ зданіи культа. Такимъ же образомъ были зарегистрированы и члены Патріаршаго Управленія.”

Я привелъ такую большую выдержку изъ доклада Экзарха Сергія потому, что послѣдній содержитъ чрезвычайно цѣнныя данныя о положеніи Церкви въ Сов. Россіи, но до сихъ поръ не былъ опубликованъ.

Какъ я уже отмѣчалъ выше, авторъ доклада пытался оправдать акты Митрополита Сергія Московскаго. Однако, въ то же

время онъ даетъ матеріаль, на основаніи котораго видно, что декларация Митрополита Сергія была не только принципиальной уступкой Совѣтамъ, но и большой практической ошибкой.

Трудно судить лицъ, которыя въ такой сложной церковной обстановкѣ, созданной Совѣтской властью, совершили роковыя ошибки. Никто изъ насъ не можетъ считать Митрополита, впослѣдствіи Патріарха, Сергія сознательнымъ предателемъ Церкви. Онъ конечно искалъ путей для обезпеченія физическаго существованія ея. Но Церковь не является ни политической, ни общественной организацией. Она есть Тѣло Христово и жизнь Ея опредѣляется совѣмъ иными законами. Она побѣдила міръ не компромиссами съ язычествомъ, а исповѣданіемъ истины и кровью мучениковъ.

Церковь прежде всего призвана свидѣтельствовать въ мірѣ истину. И когда она сталкивается съ принципиальными врагами этой истины, составившими заговоръ для полного искорененія вѣры, то надо имѣть въ виду, что всякая готовность ихъ къ соглашенію съ Церковью не можетъ не имѣть за собою какого то враждебнаго для Церкви плана.

Къ большевикамъ не въ меньшей степени, чѣмъ къ фари́сеямъ, можно отнести слова Спасителя: “Вапгъ отецъ діаволь; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Онъ былъ челоуѣкоубійца отъ начала и не устоялъ въ истинѣ, ибо нѣтъ въ немъ истины. Когда говоритъ онъ ложь, говоритъ свое, ибо онъ лжець и отецъ лжи” (Іоан. VIII, 44).

Мы видѣли выше — какою ложью была исполнена вся Совѣтская политика въ отношеніи религіи. Основнымъ лозунгомъ ея былъ древній римскій рецептъ: “divide et impera” — “раздѣляй и властвуй”. Они не только вызвали къ жизни обновленцевъ и покровительствовали имъ, поддерживая ихъ противъ православныхъ, но и пытались внести раздѣленіе въ среду послѣднихъ, напри́мѣръ, поощряя Митрополита Агаѳангела выступать противъ Митрополита Сергія, затѣмъ выдвигая противъ него Архіепископа Григорія или Епископа Бориса Можайскаго. Ихъ политика въ отношеніи Церкви была сплошной провокаціей и была полна постояннаго шантажа и невыполненныхъ обѣщаній. Съ одной стороны они манили іерарховъ перспективой относительнаго легальнаго существованія Церкви, а съ другой — угрожали полнымъ уничтоженіемъ іерархіи и клира въ случаѣ отказа ихъ отъ пріятія диктуемыхъ имъ условій.

Одинъ изъ первыхъ мучениковъ нашего лихолѣтя Петроградскій Митрополитъ Веніаминъ писалъ изъ своего заточенія: “За судьбу Церкви Божіей я не боюсь. Вѣры надо больше, больше надо имѣть ее намъ, пастырямъ. Забыть свою самонадѣянность, умъ, ученость и дать мѣсто благодати Божіей. Странны разсужденія нѣкоторыхъ, можетъ быть и вѣрующихъ пастырей (разумѣю Платонова): надо хранить живыя силы, т. е. ихъ ради поступиться всѣмъ. Тогда Христосъ на что? Не Платоновы, Веніамины и т. д. спасаютъ Церковь, а Христосъ. Та точка, на которую они пытаются встать, — погибель для Церкви. Надо себя не жалѣть для Церкви, а не Церковью жертвовать ради себя.”

Митрополитъ Сергій сталъ именно на эту погибельную точку. Въ одной изъ подпольныхъ рукописей церковниковъ по поводу декларации его о лояльности говорится: “Намъ кажется, что Митрополитъ Сергій поколебался въ увѣренности во всемогущество всепреодолѣвающей Истины, во всемогущество Божіе, въ роковой мигъ, когда онъ подписывалъ декларацию”.

“Только кабинетные мечтатели, писалъ Митрополитъ Сергій, могутъ думать, что такое огромное общество, какъ наша Православная Церковь со всею ея организаціею, можетъ существовать внѣ государства спокойно, закрывшись отъ власти” (Декларация).

Но мы видимъ, что соименный ему бывший секретарь его Синода допускалъ безпокойвшую большевиковъ возможность развитія потаенной Церкви и даже существованіе скрытаго Патріарха въ томъ случаѣ, если бы не было проведено т. н. “легализаціи”. Конечно, такая тайная жизнь Церкви находилась бы подъ постояннымъ преслѣдованіемъ и была бы полна опасностей для ея членовъ, но трудно гадать — вызвала ли бы она большее количество жертвъ въ сравненіи съ тѣми гекатомбами христіанъ, обгравившими своею кровью все лицо Русской Земли послѣ декларации Митрополита Сергія? Всякій безпристрастный изслѣдователь не можетъ не замѣтить, — какъ мало было достигнуто на практикѣ даже для самыхъ руководителей “лояльной” церковной организаціи.

Надо полагать, что Митрополитъ Сергій, принимая совѣтское предложеніе о легализаціи Церкви и издавая свою декларацию, видѣлъ передъ собой только одну сторону дѣла, онъ думалъ главнымъ образомъ о сохраненіи хотя бы скромнаго административнаго аппарата, ему казалось, что съ упраздненіемъ такового ничего не останется отъ Церкви, но онъ не учелъ всѣхъ послѣдствій своего шага: тяжелую судьбу всѣхъ несогласныхъ съ декларацией,

т. е. наиболѣе твердыхъ христіанъ, на которыхъ онъ наложилъ клеймо “нелояльности”. Онъ не учелъ того, что на свободѣ останется искусственный подборъ самыхъ слабыхъ духомъ іерарховъ и пастырей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Митрополитъ Сергій оказался орудіемъ Совѣтской пропаганды за границей. Онъ вынужденъ былъ поддерживать ложную версію о якобы благополучномъ положеніи Церкви въ Россіи въ то время, когда не только противники его деклараціи, но и его приближенные подвергались преслѣдованію со стороны власти. Вспомнимъ, что писалъ бывший Секретарь его Синода Экзархъ Сергій о томъ, въ какомъ террорѣ жили всѣ его сотрудники по Синодальному управленію. Даже тогда, когда была объявлена “безбожная пятилѣтка” 15 мая 1932 года, которая намѣтила полную ликвидацію Церкви и всякой религіи къ 1-му мая 1937-го года, за границей велась основывающаяся на фактѣ т. н. “легализаціи” и Сталинской конституціи пропаганда въ духѣ С. В. Троицкаго о якобы полномъ благополучіи “лояльной” Церкви въ Россіи.

15 февраля 1930 года, въ самый разгаръ гоненій на Церковь, Митрополитъ Сергій былъ вынужденъ давать интервью представителямъ иностранной прессы о свободѣ и благополучіи Церкви. Какъ большевики добивались отъ него такихъ заявленій недавно сообщалось въ печати.

“Пишущему эти строки, заявляетъ прот. А. Іоновъ, извѣстно со словъ очевидца — при какой драматической обстановкѣ происходило прогремѣвшее въ свое время за границей интервью Митрополита Сергія (Старгородскаго), вполнѣдствіи Патріарха Московскаго, данное группѣ иностранныхъ журналистовъ. Въ бесѣдѣ этой Митрополитъ Сергій заявилъ: въ Совѣтскомъ Союзѣ гоненій на Церковь нѣтъ. Не всѣ знаютъ, что наканунѣ ему изъ соответствующихъ отдѣловъ НКВД было сообщено, что его посѣтятъ завтра иностранные журналисты и будутъ его интервьюировать о церковной жизни въ Сов. Союзѣ, и что если онъ, Митрополитъ Сергій, доведетъ до ихъ свѣдѣнія, что на Церковь въ Россіи ведется гоненіе, то да будетъ ему извѣстно, что въ отвѣтъ на такую декларацію все наличное духовенство, остающееся еще временно на свободѣ, будетъ немедленно арестовано и ликвидированно... Можно представить, что пережилъ Митрополитъ Сергій, получивъ такую точную информацію. По словамъ близкаго къ нему человѣка, бывшаго въ то время съ нимъ, Митрополитъ Сергій все утро былъ въ состояніи неопредѣленнаго смятенія: вотъ онъ подбѣгаетъ къ иконамъ, падаетъ передъ ними на колѣни и начинаетъ горячо молиться, то бросается

къ письменному столу и, охвативъ голову руками, сидить въ мучительномъ раздумьи... Въ такомъ бореніи онъ провелъ нѣсколько часовъ” (“Новое Русское Слово” 12 сентября 1960 г.).

Къ этому сообщенію о. прот. А. Іонова не лишне присоединить и замѣчаніе самого С. В. Троицкаго о томъ же интервью 15 февраля 1930 г.

“Въ свое время, писалъ онъ, я получилъ письмо изъ Россіи отъ своего знакомаго, что это заявленіе М. Сергій принужденъ былъ сдѣлать подѣ давленіемъ ультиматума большевиковъ: или заявленіе, или разстрѣлъ всѣхъ арестованныхъ священниковъ. Теперь это подтверждается статьей Ив. Солоневича: “Разгромъ Церкви” (Голосъ Россіи, 1936 г., № 14, стр. 6-8), свидѣтельствующаго вмѣстѣ съ тѣмъ и объ ужасномъ, подавляющемъ впечатлѣніи, которое произвело это чудовищное заявленіе на вѣрующихъ въ Россіи (ср. Гол. Р., № 15, стр. 5). Ультиматумъ этотъ, объясняя образъ дѣйствій М. Сергія, вмѣстѣ съ тѣмъ является одной изъ иллюстрацій того факта, что о какой-либо его свободѣ говорить не приходится” (Митр. Сергій и примиреніе русской діаспоры, Церк. Жизнь, № 10 и 11 за 1936 г., стр. 171).

Это, конечно, былъ далеко не единственный случай, когда Митрополитъ Сергій, а затѣмъ и его преемникъ, долженъ былъ выступать такъ или иначе подѣ сопровождаемую страшной угрозой диктовку большевиковъ. Мы приведемъ еще не мало подобныхъ случаевъ, когда перейдемъ къ положенію Московской Патриархіи послѣ Второй Великой Войны и ея служенію въ качествѣ орудія Совѣтской внѣшней политики.

На фонѣ всѣхъ этихъ данныхъ какъ фальшиво звучать слова С. В. Троицкаго, называющаго теперь “голословнымъ” “утвержденіе прот. М. Польскаго будто Церковь въ СССР не имѣетъ свободы въ своихъ волеизъявленіяхъ” (стр. 106)...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ВЛАСТЬ ОТЪ БОГА ИЛИ АПОСТАСІЯ?

Центральнымъ идеологическимъ вопросомъ при оцѣнкѣ деклараціи Митрополита Сергія является толкованіе словъ Апостола Павла: “нѣсть власть аще не отъ Бога, сущія же власти отъ Бога учинени суть” (Рим. XIII, 1).

С. В. Троицкій заявляетъ, что нельзя считать исповѣдниками лицъ, “пострадавшихъ за свои ложныя убѣжденія, — въ данномъ случаѣ, за нарушеніе апостольскаго завѣта о признаніи богоустановленности власти и о повиновеніи ей не за страхъ, а за совѣсть” (стр. 51). Такимъ образомъ, онъ вслѣдъ за Митрополитомъ Сергіемъ утверждаетъ богоустановленность богоборческой Совѣтской власти.

Но передъ этимъ онъ еще утверждаетъ, что Совѣтское государство нельзя называть безбожнымъ.

“Религіозными или безбожными, пишетъ онъ, могутъ быть лишь отдѣльныя *лица*: члены Государства или партіи. И коммунистическая партія, дѣйствительно, требуетъ отъ своихъ членовъ отказа отъ “религіозныхъ предразсудковъ”, но не Совѣтское Государство, конституція котораго гарантируетъ всѣмъ гражданамъ свободу совѣсти, т. е. право быть вѣрующими или невѣрующими”... (стр. 36).

Прежде всего отмѣтимъ здѣсь внутреннее противорѣчіе у С. В. Троицкаго въ его двухъ послѣдовательныхъ фразяхъ. Сначала онъ говоритъ, что безбожными могутъ быть только отдѣльныя лица, но не государство или партія. А въ слѣдующей фразѣ читаемъ, что партія требуетъ отъ своихъ членовъ отказа отъ религіозныхъ предразсудковъ. Значитъ партія можетъ быть безбожной, разъ она предъявляетъ такое требованіе къ своимъ членамъ. А если такъ, то почему же государство не можетъ быть тоже безбожнымъ?

С. В. Троицкій пишетъ, что гоненія на Церковь въ первые вѣка производились “представителями языческой власти, требовавшей отъ христіанъ прежде всего признанія священнаго харак-

тера власти императора, признанія своего рода языческаго царепализма, тогда какъ атеистическая Совѣтская власть совершенно не требуетъ признанія за нею какого либо священнаго характера” (стр. 39).

Это заявленіе съ внѣшней стороны можетъ казаться похожимъ на правду, но на самомъ дѣлѣ оно ложно по существу. Въ СССР осуществляется т. н. “диктатура пролетаріата” въ лицѣ коммунистической партіи, которая и является тамъ подлинной верховной властью. Коммунистическая же партія ставитъ одной изъ своихъ цѣлей освобожденіе народа отъ “религіозныхъ предрасудковъ”. Она *атеистична по существу*. При этомъ партія проводитъ тоталитаризмъ въ отношеніи своей власти. Партія является правящимъ классомъ, своего рода аристократіей, внѣ которой остаются безправные илоты. Она не допускаетъ конкуренціи съ собою ни съ какой стороны. Вслѣдствіе этого религіозный человѣкъ въ Совѣтскомъ государствѣ не только ограниченъ въ своихъ гражданскихъ правахъ, но еще и встрѣчается на каждомъ шагу съ проблемами нравственнаго характера въ связи съ требованиями безбожной власти. Напримѣръ, учитель *обязанъ* преподавать свой предметъ съ точки зрѣнія марксизма, ленинизма и матеріализма. Но для вѣрующаго нѣтъ закона выше закона Божія, по упомянутому и С. В. Троицкимъ (стр. 39) апостольскому завѣту, гласящему, что Богу нужно повиноваться болѣе, чѣмъ людямъ (Дѣян. IV, 19; V, 29; 2 Кор. XIII, 8). Съ точки же зрѣнія коммуниста, напротивъ, и онъ самъ и вѣрующіе должны повиноваться велѣніямъ *партіи* болѣе, нежели какимъ бы то ни было другимъ правиламъ, въ ихъ числѣ и религіознымъ. И въ силу этого вѣрующій учитель обязанъ говорить ученикамъ о самозарожденіи матеріи, не имѣя права сказать имъ, что міръ сотворенъ Богомъ. Онъ долженъ или потерять свое мѣсто, или же въ своемъ преподаваніи отречься отъ своей вѣры въ Бога, какъ Творца вселенной.

Тоталитарная власть въ принципѣ не признаетъ никакихъ автономій. Она допускаетъ ихъ въ той или иной мѣрѣ только въ порядкѣ компромисса, когда она физически не въ силахъ ихъ устранить. Совѣтская же власть не только тоталитарная, но и атеистическая и ея матеріализмъ покоится на ея своеобразной вѣрѣ марксизма. Съ полнымъ основаніемъ Э. Е. Мельниковъ могъ назвать свою книгу “О безбожническихъ и Христіанскихъ Догматахъ, Тайнствахъ и Обрядахъ” (Кишиневъ. 1937 г.).

Итакъ, коммунистическая власть не безразлична къ религіи,

а враждебна къ ней и христіанскому ученію она противопоставляетъ свое матеріалистическое міровоззрѣніе. Пусть она не требуетъ признанія за нею “какого либо священнаго характера”, какъ пишетъ С. В. Троицкій, суть не въ словахъ, а въ томъ, что она требуетъ отъ своихъ подданныхъ признанія того, что она — выше всякой религіи, которую она справедливо считаетъ несомвѣстимой съ ея матеріалистическимъ міровоззрѣніемъ. Поэтому она и добивается уничтоженія Церкви тѣмъ или инымъ способомъ. Если же, несмотря на всѣ предпринимаемыя ею мѣры, Церковь продолжаетъ существовать, то это бытіе Церкви обуславливается не мягкостью или терпимостью Совѣтской власти, а сильнымъ духомъ вѣрующихъ, противостоящимъ всѣмъ ухищреніямъ матеріалистовъ, и тою благодатною помощію Божіей, которая по неложному обѣтованію Спасителя дѣлаетъ Церковь neodолѣнною вратами адowymi.

С. В. Троицкій высказываетъ совершенно новую и странную мысль, что компромиссъ Церкви съ благовѣрною властью недопустимъ “потому что тѣ же самыя предписанія вѣры и морали, которыя обязательны для церковной власти, являются обязательными и для “благовѣрной” власти государственной и потому виноватыми являются обѣ стороны” (стр. 39). Въ этомъ случаѣ онъ видитъ уступки религіознаго характера, а въ соглашеніи Церкви съ безбожною властью въ Совѣтскомъ Союзѣ онъ по странному извороту своей мысли находитъ, что компромиссъ не можетъ имѣть мѣста, такъ какъ де “такія уступки не нужны Совѣтской власти” (тамъ же). С. В. Троицкій допускаетъ въ своихъ разсужденіяхъ такое извращеніе логики, при которомъ бываетъ трудно даже сразу уловить его мысль.

Все дѣло заключается въ его ложной предпосылкѣ. Поставленіе Синодомъ одного епископа, котораго большинство іерарховъ признавали недостойнымъ, но который закончилъ жизнь свою мученическою смертію, С. В. Троицкій ставитъ примѣромъ такого компромисса Церкви съ Царскою властью. Однако, въ указанномъ случаѣ рѣчь шла о кандидатѣ, хотя и неугодномъ большинству членовъ Синода, но не о врагѣ Церкви, не о еретикѣ или раскольникѣ и даже не о порочномъ чловѣкѣ. Согласіе на его поставленіе члены Синода дали тогда, когда были поставлены передъ возможностью ухода со своего поста оберъ-прокурора В. К. Саблера, предпочитая сдѣлать эту уступку не ради своей карьеры, а ради сохраненія на этомъ отвѣтственномъ посту чловѣка, который былъ очень цѣнимъ многими іерархами за его *церков-*

ность. Ему чужда была политика нѣкоторыхъ оберъ-прокуроровъ, препятствовавшихъ поставленію во епископы сильныхъ и яркихъ личностей. Будучи богословски просвѣщеннымъ, В. К. Саблеръ умѣлъ цѣнить выдающихся представителей іерархіи и духовенства. Поэтому уступка Церкви, сдѣланная въ этомъ вопросѣ, отнюдь не была компромиссомъ со зломъ, а была лишь мѣрой для сохраненія въ Правительствѣ выдающагося по своей церковности полезнаго дѣятеля.

Такимъ образомъ то, что С. В. Троицкій называетъ компромиссомъ Церкви съ благовѣрною властью, въ дѣйствительности является только уступкой съ ея стороны (можетъ быть и не всегда оправдываемой) тѣмъ или инымъ личнымъ желаніямъ представителей Правительства, но никакъ не соглашеніемъ ея съ врагами Христа, поскольку правительственная власть была дѣйствительно, какъ пишетъ С. В. Троицкій, “благовѣрной”.

Конечно такая власть грѣшитъ, требуя отъ Церкви несогласнаго съ ея природой компромисса. Но далеко не всякая уступка Церкви ея желанію является такимъ грѣховнымъ компромиссомъ. Про такую благовѣрную власть можно сказать словами молитвы изъ “Послѣдованія по исходѣ души отъ тѣла”, что она “аще бо и согрѣши, но не отступи отъ Тебѣ и несумнѣнно во Отца и Сына и Святаго Духа, Бога Тя въ Троицѣ славимаго вѣрова”.

Послѣ этихъ предварительныхъ разсужденій обратимся къ толкованію словъ Апостола: “нѣсть власть аще не отъ Бога”.

Примѣненіе этого текста къ той власти, которая враждебна Богу и ставитъ своею цѣлью борьбу съ религіей, — совершенно ничѣмъ не оправдывается. Какъ это не странно С. В. Троицкій толкованіе этого текста по существу и не касается. Я позволю себѣ сдѣлать догадку, что онъ сознательно уклонился отъ этого, ибо не могъ найти у св. Отцовъ никакой опоры для своей нынѣшней точки зрѣнія.

Для лучшаго уясненія этого вопроса я приведу этотъ текстъ въ переводѣ на русскій языкъ. “Всякая душа да будетъ покорна высшимъ властямъ, ибо нѣтъ власти не отъ Бога, существующія же власти отъ Бога установлены. Посему противящійся власти противится Божію установленію; а противящіеся сами навлекутъ на себя осужденіе. Ибо начальствующіе страшны не для добрыхъ дѣлъ, но для злыхъ. Хочешь ли не бояться власти? Дѣлай добро, и получишь похвалу отъ нея; ибо начальникъ есть Божій слуга, тебѣ на добро. Если же дѣлаешь зло, бойся, ибо онъ

не напрасно носить мечъ: онъ Божій слуга, отмститель въ наказаніе дѣлающему злое. И потому надобно повиноваться не только изъ страха наказанія, но и по совѣсти” (Рим. XIII, 1-5).

Хотя объ этомъ писалось уже не разъ, не лишне будетъ привести здѣсь толкованіе этого текста у свв. Отцовъ.

Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ, что въ данномъ мѣстѣ у Апостола рѣчь идетъ о самомъ принципѣ власти, а не о власти каждаго начальствующаго.

“Какъ это, — спрашиваетъ Златоустъ, неужели всякій начальникъ отъ Бога? — Не то говорю, отвѣчаетъ онъ, — у меня теперь рѣчь не о каждомъ начальникѣ въ отдѣльности, а о самой власти. Существованіе властей, при чемъ одни начальствуютъ, а другіе подчиняются, и то обстоятельство, что все происходитъ не случайно и произвольно, такъ, чтобы народы носились туда и сюда подобно волнамъ, все это я называю дѣломъ Премудрости Божіей. Поэтому Апостоль не сказалъ, что нѣтъ начальника, который былъ бы поставленъ не отъ Бога, но разсуждая вообще о существѣ власти говорить: нѣтъ власти еще не отъ Бога, сущія же власти отъ Бога учинены суть”. И далѣе св. отцомъ дается ясная аналогія, “. . . когда премудрый говоритъ, что отъ Господеви сочетавается жена мужеви (Пр. XIX, 14), разумѣемъ черезъ сіе, что бракъ установленъ отъ Бога, а не то, что Богъ сочетаваетъ каждаго вступившаго въ бракъ, но видимъ, что многіе вступаютъ въ бракъ съ худыми видами и не по закону, чего однакоже не можемъ вмѣнить Богу”.

Въ томъ же смыслѣ толкуетъ слова Апостола Павла о власти и *Св. Исидоръ Пелусіотъ*. Приведу здѣсь цѣликомъ его замѣчательное письмо къ Діонисію.

“Поелику писалъ ты: что сіе значить: “нѣсть бо власть еще не отъ Бога”? и спрашивалъ: ужели каждый начальникъ поставляется Богомъ? — то скажу на сіе (и не погнѣвайся на меня, потому что скажу не пустое нѣчто): мнѣ кажется, что ты или не читалъ Павловыхъ изреченій, или же не понялъ ихъ. Павелъ не сказалъ: нѣсть начальникъ, еще не отъ Бога, но разсудилъ о самомъ начальствованіи, говоря: нѣсть власть еще не отъ Бога. То самое, что у людей есть начальства, одни начальствуютъ, другіе живутъ подъ начальствомъ — не просто и не самослучайно происходитъ сіе, такъ чтобы народы, подобно волнамъ, увлекались туда и сюда, но, по словамъ Павла, это есть дѣло Божіей премудрости. Поелику равночестность по обыкновенію возжигаетъ часто войну; то Богъ не пустилъ быть народоправленію, но установилъ царскую власть, а потомъ за нею и многія начальства. Какія же, спросишь? Начальника и подначальнаго, мужа и жены, отца и сына, старца и юноши,

господина и раба, учителя и ученика. Даже и у бесловесныхъ животныхъ можно видѣть подобное сему. Поручителями въ этомъ — пчелы, подчиняемая царской власти, журавли и стада дикихъ овецъ. Если же посмотришь и на море, то и оно окажется не лишеннымъ сего благочинія. И тамъ многія породы рыбъ имѣютъ одного правителя и вождя; посему отправляются въ дальнія преселенія. Ибо безначаліе вездѣ всего ужаснѣе, и бываетъ причиною замѣшательства и безурядицы. Посему и въ тѣлѣ, хотя оно есть нѣчто единое, не все равночестно, но одни члены начальствуютъ, а другіе подчинены. Потому въ правѣ мы сказать, что самое дѣло, разумѣю власть, т. е. начальство и власть царская, установлены Богомъ, чтобы общество не пришло въ неуройство. Но если какой злодѣй незаконно восхитилъ сію власть, то не утверждаемъ, что поставленъ онъ Богомъ, но говоримъ, что поущено ему, или изблевать все свое лукавство, какъ Фараону, и въ такомъ случаѣ понести крайнее наказаніе, или уцѣломудрить тѣхъ, для кого нужна и жестокость, какъ царь вавилонскій уцѣломудрилъ Іудеевъ.” (Творенія Св. Исидора Пелусіота. ч. 2-я Москва. 1860 г.)

Изъ этихъ толкованій видно, что Св. Отцы приведенное здѣсь ученіе Ап. Павла понимали какъ направленное противъ анархіи и устанавливающее значеніе самого принципа власти. Начальство и царская власть установлены Богомъ, чтобы общество не пришло въ неуройство.

Апостоль далѣе указываетъ и признаки истинной установленной Богомъ власти, въ которой “начальникъ есть слуга тебѣ на добро”.

Преп. Ефремъ Сиринъ даетъ болѣе краткое толкованіе 13-й главы Посланія къ Римлянамъ, указывая только на то, что какимъ бы ни былъ начальникъ по своимъ свойствамъ, онъ дается Богомъ “для укрощенія несправедливыхъ и для одобренія праведныхъ”. “Итакъ, пишетъ онъ, кто сопротивляется начальнику, который есть отмститель зла, тотъ Божіей волѣ противится”. Толкованія св. Ефрема Сирина такъ кратки, что не даютъ всесторонняго объясненія текстовъ. Они скорѣе являются подстрочными истолковательными замѣчаніями, въ которыхъ мысль автора иногда поясняется его перифразами самаго текста Посланія. Въ данномъ случаѣ его перифразъ требуетъ вниманія.

Толкованіе 13-й главы Посланія къ Римлянамъ Св. Ефремъ начинаетъ слѣдующими словами: “Всякая душа, говоритъ онъ, которая если подчинена будетъ властямъ, да повинуется имъ: ибо нѣтъ власти (если) не отъ Бога”. Слово “если” пояснительно вставленное переводчикомъ, здѣсь очень значительно, ибо ука-

зываетъ на то, что св. отецъ не всякую власть признаетъ отъ Бога. Отъ Бога — та власть, которая, хотя и совершаетъ иногда несправедливость, но выполняетъ изложенныя въ послѣдующихъ стихахъ 13-й главы цѣли власти. Слѣдовательно начальникъ, который дѣйствуетъ не въ согласіи съ этими цѣлями, не можетъ имѣть и всѣхъ необходимыхъ свойствъ принадлежащихъ къ опредѣленію истинной власти, которой одной только христіане и обязаны повиноваться во всемъ не за страхъ, а за совѣсть.

У Ап. Павла рѣчь идетъ объ опредѣленныхъ видахъ власти, о которыхъ говорятъ и Св. Іоаннъ Златоустъ, и Св. Исидоръ Пелусіотъ. Но въ указанные виды не входитъ одинъ видъ власти — власть Апостасіи. Иначе мы должны будемъ заключить, что христіане должны будутъ подчиняться и всѣмъ требованіямъ Антихриста по этому ученію Апостола.

Апостасія есть явленіе, противное всему установленному Богомъ строю жизни; она есть *аномалія*. Поэтому къ ней неприменима общая норма. Когда мы говоримъ о должномъ отношеніи христіанъ къ безбожной Совѣтской власти — отношеніе христіанъ къ Юліану Отступнику, какъ примѣръ для насъ важнѣе, чѣмъ отношеніе къ Нерону.

Вопросъ этотъ подробно и глубоко изъясненъ въ Посланіи Зарубежнаго Собора Епископовъ въ 1933 году.

С. В. Троицкій, такъ усердно цѣпляющийся за каждое слово, которое по его мнѣнію даетъ возможность уязвить Зарубежную іерархію, объ этомъ Посланіи и его аргументаціи хранить молчаніе. Молчитъ онъ также и о разсужденіяхъ подъяремныхъ исповѣдниковъ — обличителей Митрополита Сергія, не рѣшаясь выступить противъ нихъ со своими возраженіями.

Въ виду большого значенія вышеуказаннаго Посланія я приведу изъ него большую выдержку:

“Въ своей деклараціи Митрополитъ Сергій съ одной стороны оправдалъ Совѣтскую власть во многихъ ея преступленіяхъ противъ Церкви и религіи вообще, а съ другой, вопреки очевидной истинѣ, обвинилъ многихъ изъ достойныхъ русскихъ святителей и пастырей, сдѣлавшихся исповѣдниками за православную истину, въ мнимыхъ контръ-революціонныхъ стремленіяхъ, и помрачилъ мученичeskій ореолъ всей Русской Церкви, признанный уже всѣмъ христіанскимъ міромъ. Уже одними этими словами онъ связалъ совѣсть русскихъ людей и отягчалъ у нихъ до извѣстной степени силу внутренняго духовнаго сопротивленія противъ всерастлѣвающего начала большевизма, которымъ насквозь проникнута Совѣтская власть.

Но Митрополитъ Сергій пошелъ въ своей деклараціи гораздо дальше. Онъ объявилъ эту власть богоданной наравнѣ со всякою другою законною властью и потребовалъ отъ всѣхъ духовныхъ лицъ, къ какому бы чину они ни принадлежали, подчиненія Совѣтамъ не только “за страхъ, но и за совѣсть”, т. е. по внутреннему христіанскому убѣжденію. Извѣстно, что такого именно полного подчиненія требуютъ себѣ большевики. Они не довольствуются внѣшнимъ только и формальнымъ исполненіемъ гражданскихъ обязанностей, возложенныхъ государствомъ на своихъ подданныхъ, — они домогаются отъ всѣхъ внутренняго убѣжденного пріятія революціи, духовнаго слиянія съ нею. Митрополитъ Сергій и пошелъ навстрѣчу такому желанію Совѣтовъ, попытавшись наложить руку на самое святое святыхъ чело-вѣка — его совѣсть, и подчинить ее своему контролю. Свое незаконное требованіе онъ не задумался распространить даже на епископовъ и клириковъ и другихъ русскихъ людей, находящихся за границей и не связанныхъ подданствомъ въ отношеніи Совѣтской власти. Зная, что большинство русскихъ православныхъ людей не можетъ внутренне примириться съ самымъ фактомъ существованія Совѣтской власти, какъ совершенно безбожной и глубоко безнравственной, а равно и съ практическими приемами ея управленія, онъ постарался воздѣйствовать на нихъ непререкаемымъ авторитетомъ Слова Божія. Онъ неоднократно указывалъ на то, что въ жизни человѣческаго общества не бываетъ ничего случайнаго, независящаго отъ воли Божіей и особенно часто ссылался на апостольское повелѣніе повиноваться государственной власти, какъ Божественному установленію, ибо “нѣсть власть, аще не отъ Бога” (Рим. XIII, 1).

Въ виду этого мы считаемъ долгомъ возстановить истинный смыслъ этихъ словъ, чтобы отнять всякій поводъ къ смущенію у православныхъ людей, когда имъ указываютъ на столь рѣшительное свидѣтельство Апостола въ оправданіе мнимой законности Совѣтской власти.

Что такое государство? Это есть высшая форма общегитія, какой достигло до сихъ поръ человѣчество. Судя по тому, что государственное устройство существуетъ съ незапамятныхъ временъ у всѣхъ исторически извѣстныхъ народовъ, слѣдуетъ заключить, что идея государства глубоко заложена въ самой природѣ человѣческаго общества, и что государство по существу своему есть установленіе Божественное. Назначеніе государственной власти состоитъ въ томъ, чтобы убѣжденіемъ или принужденіемъ обуздывать звѣря въ чело-вѣкѣ и организовывать общественный порядокъ, обезпечивающій свободу и справедливость какъ для каждаго чело-вѣка въ отдѣльности, такъ и для всего общества. Власть необходима для падшаго чело-вѣка, какъ противодѣйствіе грѣху. Безъ нея жизнь превратилась бы въ хаосъ даже почти въ адъ, какъ мы это видимъ въ періоды анархіи. Въ этомъ смыслѣ государственная власть есть “нѣчто удерживаю-

ще”, какъ ее называетъ Апостоль (2 Сол. XI, 7). Изъ этихъ общихъ соображеній о происхожденіи и назначеніи государства и исходятъ главные основоположители общественной жизни христіанъ, Свв. Апостолы Петръ и Павелъ, въ своемъ ученіи о существѣ верховной власти и подчиненныхъ ей исполнительныхъ органовъ. Власть, по ихъ изъясненію, есть орудіе Божественнаго міроуправленія на землѣ. Она установлена свыше для того, чтобы поощрять добро (т. е. охранять его и способствовать его развитію) и пресѣкать зло, пользуясь даннымъ ей мечомъ для устрашенія и наказанія злодѣевъ. Въ такомъ смыслѣ начальникъ называется Божиимъ слугою на землѣ, страшнымъ для злыхъ людей, но благожелательнымъ для добродѣтельныхъ. Въ соотвѣтствіи со столь высокимъ назначеніемъ власти ей слѣдуетъ повиноваться не только за страхъ (по славянски “за гнѣвъ”, въ греческомъ ὄρουί, т. е. изъ опасенія вызвать ея прещеніе), но “за совѣсть”, т. е. вполне сознательно и свободно “ради Господа”, — какъ говорить св. Апостоль Петръ (1 Посл. II, 13), т. е. потому, что такъ угодно волѣ Божіей. Отсюда же вытекаетъ обязанность для христіанина молиться за власть, платить ей подати и исполнять установленныя ею другія повинности для своихъ подданныхъ. Государственный порядокъ является благодѣтельнымъ для преуспѣянія самого христіанскаго общества — “да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ” (Рим. XIII, 1-7; 2 Тим. II, 1-3). Хотя ближайшимъ образомъ св. Апостолы имѣли здѣсь въ виду римскую власть во главѣ съ императоромъ, “еще царю яко преобладающую” (1 Петр. II, 13), распространявшуюся тогда почти на всю вселенную, однако Церковь всегда считала эти апостольскіе завѣты имѣющими вѣчное непреходящее значеніе, относящееся ко всѣмъ временамъ и народамъ.

Итакъ, по ясному и вполне опредѣленному ученію св. Апостола, основанному несомнѣнно на повелѣніи Самого Христа Спасителя, воздавать не только “Божія Богови”, но и “кесарева кесареви” (Мѣ. XXII, 21), христіанинъ безусловно обязанъ повиноваться государственной власти вообще, однако возможна фактически и такая власть, съ подчиненіемъ которой не мирится христіанское сердце. Возможно ли повиноваться ей за совѣсть? (А въ этомъ конечно и состоитъ нравственное существо христіанскаго повиновенія начальству, за гнѣвъ или за страхъ, т. е. чисто физически можно подчиняться конечно и всякому разбойнику и насильнику). Тутъ обыкновенно и пользуются словами Апостола Павла “нѣсть власть еще не отъ Бога, сущія же власти отъ Бога учинени суть”, чтобы доказать обязательность подчиненія всякому правительству, каково бы оно ни было по источнику своего происхожденія и нравственному облику. На самомъ же дѣлѣ изъ нихъ нельзя дѣлать такого вывода, ибо здѣсь говорится о самомъ принципѣ власти (въ греческомъ текстѣ стоитъ слово ἐξουσία, означающее общее отвлеченное понятіе о

власти). Что именно въ такомъ чисто принципиальномъ смыслѣ воспринималъ всегда это мѣсто посланія къ Римлянамъ разумъ Церкви, съ этомъ краснорѣчиво говорятъ изъясненія этихъ апостольскихъ словъ, данныя св. Златоустомъ и Θεодоритомъ . . .

Власть, какъ Божественное установленіе, есть по существу своему добро, но и какъ всякое другое Божіе созданіе, обладающее свободной волей, она можетъ отступить отъ указаннаго ей назначенія и превратиться въ свою противоположность, т. е. во зло. Уже простой здравый смыслъ подсказываетъ намъ, что нельзя относиться съ одинаковымъ чувствомъ уваженія и къ законному правителю, сознающему свою нравственную отвѣтственность передъ Богомъ и людьми, и къ тирану, силою захватившему кормило правленія и руководящему въ своей дѣятельности личными страстями. Бываютъ такіе властители народовъ, отъ которыхъ явно отрицается Господь. Такъ, когда первый царь Израильскій, помазанникъ Божій Саулъ, пересталъ повиноваться волѣ Божіей, то онъ сдѣлался, по изображенію слова Божія (1 кн. Царствъ, XXVIII, 11), “врагомъ Божіимъ”.

“Вы поставили, — говоритъ въ гнѣвѣ Господь Израилю черезъ пророка, — царей, но безъ Меня; поставили князей, но безъ Моего вѣдома” (Ос. VIII, 4). Эти слова не противорѣчатъ конечно такимъ изреченіямъ Откровенія, какъ “Мною царіе царствуютъ и сильные пишутъ правду” (Притч. VIII, 15) или “Вышній владѣетъ царствомъ человѣческимъ” (Дан. IV, 22). Богъ конечно объемлетъ все Своимъ Промысломъ въ ходѣ міровой исторіи, но Его воля проявляется здѣсь двоякимъ образомъ. Она можетъ направлять человѣческую жизнь, если послѣдняя сама отдается въ водительство Промысла, или, въ случаѣ упорнаго сопротивленія ея Божественной волѣ, предоставить ей идти своимъ путемъ, хотя бы онъ устремлялся въ бездну, куда ее влечетъ врагъ всякаго добра — дьяволъ.

Повидимому этотъ послѣдній случай имѣлъ въ виду св. Григорій Богословъ когда, обращаясь въ своемъ обличительномъ словѣ противъ Юліана къ памяти Императора Констанція, облекшаго, еще при жизни, своего недостойнаго племянника званіемъ кесаря, восклицаетъ: “скажи, какой демонъ внушилъ тебѣ эту мысль?” Если бы всякая власть признавалась священной уже въ силу факта своего существованія, Христосъ Спаситель не назвалъ бы Ирода “лисомъ”, Церковь не обличала бы до сихъ поръ нечестивыхъ государей, защищавшихъ ереси и гнавшихъ Православіе. Наконецъ, если судить о власти по признаку ея внѣшней силы, а не по внутреннимъ ея нравственнымъ достоинствамъ, то легко можно поклониться звѣрю, т. е. Антихристу, “котораго пришествіе будетъ со всякою силою и знаменіями и чудесами ложными” (2 Сол. II, 9), “которому дана будетъ власть надъ всякимъ колѣномъ и народомъ, и языкомъ, и племенемъ и которому поклонятся всѣ живущіе на землѣ, кромѣ

тѣхъ, имена конхъ записаны въ книгѣ жизни у Агнца” (Апокалипсисъ XIII, 7-8).

Кажется сказано достаточно, чтобы показать, что русскій народъ никакъ не можетъ быть обязанъ повиноваться за совѣсть т. н. Совѣтской власти, извратившей самый идеаль государственности и насквозь пронизанный духомъ богоборчества.” (“Церковная Жизнь” № 8, за 1933 г. стр. 147-149).

Приведенное здѣсь обстоятельное объясненіе церковнаго ученія о гражданской власти, данное Зарубежнымъ Архіерейскимъ Соборомъ подъ предсѣдательствомъ Митрополита Антонія, показываетъ — насколько легковѣсна аргументація сторонниковъ нынѣшней Московской Патріархіи. Они не могутъ глубоко входить въ его изслѣдованіе, а вынуждены ограничиваться только приведеніемъ текстовъ безъ объясненія, чтобы примѣняться къ власти, носящей характеръ Апостасіи.

Напротивъ, противники Митрополита Сергія, православные, уходившіе послѣ его деклараціи въ “катакомбы”, подробно останавливались на этомъ вопросѣ и оставили о немъ цѣнные рукописные труды.

Особенно обстоятеленъ и научно-богословски обоснованъ документъ подъ заглавіемъ “Письмо епископа отошедшаго (отъ Митрополита Сергія) къ епископу неотшедшему”. Трактатъ этотъ былъ напечатанъ въ № 7 “Церковной Жизни” за 1933 годъ.

Авторъ замѣчаетъ, что въ большинствѣ случаевъ протесты противъ деклараціи Митрополита Сергія обсуждали ее съ формальной стороны, онъ же рѣшилъ поставить вопросъ принципиальный: “Возможна ли и мыслима ли въ современной церковно-исторической обстановкѣ въ Союзѣ Совѣтскихъ Соціалистическихъ Республикъ легализація Правды Христовой; осуществима ли легализація Царства Божія или Церкви Христовой въ царствѣ міра сего въ условіяхъ государственной диктатуры пролетаріата, стремящагося къ созданію соціалистическаго безбожнаго общества?”

Авторъ трактата слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ условія, въ которыхъ живетъ Церковь въ Совѣтскомъ Союзѣ:

“Православная Всероссійская Церковь Промыслomъ Божиимъ поставлена въ необходимость жить въ государствѣ совершенно необычнаго типа (Апок. II, 13), которое строитъ новую культуру и цивилизацію, создаетъ новый политическій и социально-экономическій строй, новый бытъ, семью, новую необычайную личность на безбожно-материалистическомъ фундаментѣ... Загадочныя до времени прикровенныя слова ветхозавѣтной и новозавѣтной апокалип-

тики удивительно ясно на наших глазах конкретизируются, и я, грѣшный, беру на себя смѣлость на основаніи святоотеческихъ истолкованій соответствующихъ мѣсть изъ Слова Божія категорически утверждать, что Православная Церковь на территоріи СССР вступила въ эпоху “отступленія” — апостасіи (2 Сол. II, 3), въ сферу вліянія прсбуждающей къ всемірной дѣятельности къ концу желѣзно-глинянаго періода послѣдняго человѣческаго царства (Дан. II, 40-43), апокалиптической блудницы (Апокал. XVII гл.). “Апостасія” у Ап. Павла соответствуетъ апокалиптической блудницѣ у св. Ап. Иоанна Богослова (Апок. XVII гл.).”

Авторъ полагаетъ вмѣстѣ съ олаж. теронимомъ, Амвросіемъ и позднѣйшими богословами, что подъ “отступленіемъ” надо разумѣть подготовляющее почву для Антихриста политическое отпаденіе народовъ и царствъ отъ Римо-Византійскаго строя или фундаментальныхъ основъ Римской государственности, на которыхъ и донинѣ утверждается общественно-политическая и социаль-но-экономическая структура всѣхъ цивилизованныхъ государствъ вселенной за исключеніемъ СССР, открывшаго небывалую, новую, загадочную въ исторіи человѣчества эпоху. Авторъ справедливо полагаетъ, что подъ η ἀποστασία у Ап. Павла (2 Сол. II, 3) надо разумѣть Боговраждебную необычайнаго типа государственность всемірнаго значенія.

Далѣе, въ доказательство того, что Правительство СССР официально объявило себя безбожнымъ въ отношеніи всякой религіи, считая необходимымъ окончательное ея уничтоженіе, какъ препятствія къ построенію социалистическаго отечества, въ нашей рукописи приводятся слова Сталина, сказанныя американской рабочей делегацией. На вопросъ ея: “могла ли бы коммунистическая партія быть нейтральной къ религіи, которая поддерживала бы всю науку въ цѣломъ и не противостояла бы коммунизму?” — Сталинъ отвѣтилъ:

“Мы ведемъ и будемъ вести пропаганду противъ религіозныхъ предрасудковъ... Партія не можетъ быть нейтральной по отношенію къ религіи и она ведетъ антирелигіозную пропаганду противъ всѣхъ и всякихъ религіозныхъ предрасудковъ, потому что она стоитъ за науку, а религіозные предрасудки противъ науки, ибо всякая религія есть нѣчто противоположное наукѣ... Партія не можетъ быть нейтральной въ отношеніи носителей религіозныхъ предрасудковъ, и она будетъ вести пропаганду противъ всѣхъ этихъ предрасудковъ потому что это есть одно изъ вѣрныхъ средствъ подорвать вліяніе реакціоннаго духовенства, поддерживающаго эксплуататорскіе классы и проповѣдующаго повиненіе этимъ классамъ... По-

давили ли мы реакціонное духовенство? Да, подавили. Бѣда только въ томъ, что оно не вполне ликвидировано. Антирелигіозная пропаганда является тѣмъ средствомъ, которое должно довести до конца дѣло ликвидаціи реакціоннаго духовенства. Бываютъ случаи, что кое-кто изъ членовъ партіи иногда мѣшаетъ всемірному развертыванію антирелигіозной пропаганды. Если такихъ членовъ партіи исключаютъ, такъ это очень хорошо, ибо такимъ “коммунистамъ” не мѣсто въ рядахъ партіи” (Изв. ЦИК СССР отъ 15 сент. 1927 г.).

Приведа это заявленіе и другое подобное ему заявленіе Предсѣдателя Совнаркома Рыкова, “Епископъ отошедшій” пишетъ:

“Вотъ полный и исчерпывающій отвѣтъ на вопросъ объ отношеніи пролетарскаго государства къ религіи вообще и къ Христіанской Православной Церкви въ частности. Послѣ этого естественно спросить — можетъ ли неокраденный умомъ человѣкъ помышлять о легальномъ положеніи Православной Церкви Христовой въ эпоху Апостасіи, когда стремящаяся къ матеріалистическому социализму государственность ставитъ себѣ задачу во что бы то ни стало истребить и выкорчевать Церковь Христову въ предѣлахъ своей обширной территоріи?”

Закончивъ эти предварительныя разсужденія, авторъ разбираемаго трактата переходитъ къ толкованію текста 13-й главы Посланія къ Римлянамъ, приводя нѣкоторыя важныя соображенія въ дополненіе къ приведеннымъ мною ранѣе объясненіямъ. Онъ находитъ важнымъ установить ту обстановку, въ которой Ап. Павелъ писалъ свое посланіе къ Римлянамъ.

По мнѣнію изслѣдователей, въ 58 году по Р. Х., въ первые спокойныя и благоприятныя годы царствованія Нерона,

“Апостоль Павелъ, пишетъ “Епископъ отошедшій”, по наслѣдству имѣлъ почетное званіе гражданина могущественной Римской Имперіи (Дѣян. XXII, 25-29). Какъ ученый фарисей въ прошломъ (Филипп. III, 5) Ап. Павелъ былъ отлично знакомъ съ іудейской всхаталогіей (2 Сол. II, 3-4: ср. Дан. XI, 28-31; VIII, 9-12) и потому, конечно, зналъ, что Римское царство — послѣднее передъ пришествіемъ Мессіи (Дан. II, 44), Котораго трепетно ждали. Но, впоследствии, будучи просвѣщенъ свыше на пути въ Дамаскъ (Дѣян. IX глава), онъ позналъ истиннаго Мессію Господа Иисуса Христа и, водимый Духомъ Святымъ, въ совершенствѣ постигъ тайну благочестія (1 Тим. III, 16) и тайну беззаконія (2 Сол. II, 7). Теперь уже Апостоль всюду въ своихъ посланіяхъ часто говоритъ о “днѣ Господнемъ” — т. е. о второмъ пришествіи Господа (1 Сол. I, 10; IV, 16; V, 2; и въ др. посланіяхъ), которому предшествуетъ явленіе лжемессіи челоувѣкобога (2 Сол. II, 4), въ свою очередь предваряемое “апо-

стасіей”, отступленіемъ какъ политическимъ (2 Сол. II, 3), такъ и религиозно-нравственнымъ (1 Тим. IV, 1-2; 2 Тим. III, 1-5). Вотъ историческая обстановка и исходные пункты ученія Ап. Павла о власти “предержажей”. До очевидности ясно, что Ап. Павелъ, устанавливая отношенія Церкви къ государству, имѣлъ въ виду при написаніи своего посланія къ Римлянамъ тогдашнюю всемірную Римскую власть и Римскую государственность либо иную по типу ея.”

“Епископъ отошедшій” видитъ существенную характеристику той власти, какую имѣлъ въ виду Апостоль, въ ея названіи “предержажею — *ἡ ἐπηρεχούσα*. Выраженіе это въ посланіи къ Римлянамъ соотвѣтствуетъ выраженію въ посланіи къ Солунянамъ (Рим. XIII, 1 — 2 Сол. II, 6-7) *τὸ κράτος*, и *ὁ κράτος* “удерживающее”, “держай”. Всѣ эти слова происходятъ отъ одного и того же греческаго глагола *ἔχω* — имѣю, держу, и выражаютъ одну и ту же мысль. “Если, пишетъ онъ, мы сосредоточимъ свое вниманіе на словѣ “предержажей” въ поискахъ дальнѣйшаго опредѣленія и выясненія объекта удержанія и поставимъ дополнительные вопросы: “кого и что” въ слову “придержажей”, то тутъ же въ 3 и 4 стихахъ 13-й главы посланія къ Римлянамъ найдемъ отвѣтъ”.

Кого удерживаетъ “предержажая” власть?

На этотъ вопросъ “Епископъ отошедшій” даетъ ясный и безспорный отвѣтъ говоря, что она “путемъ закона и при содѣйствіи меча отмщаетъ и наказываетъ дѣлающаго злое, страхомъ наказанія устрашаетъ злыхъ людей и т. о. удерживаетъ развитіе и умноженіе зла въ человѣческомъ обществѣ (Рим. XIII, 4). Въ конечномъ же результатѣ власть предержажая удерживаетъ или задерживаетъ явленіе “человѣка грѣха” (2 Сол. II, 3)”. Удерживая проявленія зла, она тѣмъ самымъ содѣйствуетъ раскрытію добра. Поэтому Апостоль и называетъ ее Божиимъ слугою “тебѣ во благо” (Рим. XIII, 4), и Ап. Петръ говоритъ, что власть существуетъ “для наказанія преступниковъ и для поощренія дѣлающихъ добро” (1 Петр. II, 13-14).

Словами “*χρηστέως* да разумѣетъ” “Епископъ отошедшій” подчеркиваетъ то значеніе, которое онъ придаетъ слѣдующему своему утвержденію:

“Апостоль Петръ въ ученіи о повиновеніи властямъ дѣлаетъ существенное дополненіе и говоритъ: “повинитесь всякому человѣчу созданію Господа ради” (1 Петр. II, 13), а такъ какъ послѣднею цѣлью повиновенія земной власти является Богоугожденіе (Господа ради), очевидно, и требованія властей и ихъ законовъ не должны противорѣчить христіанской вѣрѣ и нравственности. Отсюда, слѣдовательно, и повиноваться власти нужно въ томъ, что, по мысли

Иоанна Златоуста, ни мало не вредить благочестію — не есть уже только дань Кесарю, но и дань и оброкъ диаволу.”

Въ этомъ “Епископъ отошедшій” видитъ “ключъ къ уразумѣнію важныхъ вопросовъ современной жизни”.

“Государство диктатуры пролетаріата, пишетъ онъ, съ христіанской точки зрѣнія чистѣйшая апостасія во всѣхъ областяхъ матеріальной и духовной жизни. Безбожіе при апостасіи является основнымъ принципомъ и всякую религію, не исключая христіанской, считаетъ вреднымъ дурманомъ, подлежащимъ безоговорочному истребленію и выкорчевыванію съ такимъ расчетомъ, чтобы уничтожить въ психикѣ человѣческой даже самый инстинктъ религіозности, если сверхъ чаянія онъ тамъ окажется. На историческую сцену выступила религія челоѣкобожія, развитіе которой неизбѣжно приведетъ по мысли Ап. Павла къ ужасающимъ перспективамъ международной жизни (1 Тим. IV, 1-2; 2 Тим. III, 1-5) и появленію лжемессіи, челоѣкобога-звѣря (2 Сол. II, 4; Апокал. 13 гл.). До очевидности ясно, что сказать о Совѣтской власти, что она — “Божій слуга (δίκωνος) есть, тебѣ во благое” ни въ какомъ случаѣ нельзя, такъ какъ христіанство и ленинскій марксизмъ не сходятся въ опредѣленіи “добра” и “зла”.

“Епископъ отошедшій” отмѣчаетъ, что “особеннаго вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что новое государство создало и новую классовую мораль, провозгласило новую марксистскую совѣсть и необычайное — на основаніи ленинскаго марксизма — ученіе о нравственности, не укладывающееся не только въ рамки христіанской нравственности, но и въ рамки общечеловѣческой морали. То, что съ христіанской или общечеловѣческой точки зрѣнія считается добромъ, съ точки зрѣнія классовой морали ленинизма квалифицируется какъ уголовно наказуемое дѣяніе” (Тамъ же, стр. 128).

Стройная, глубокая, бесспорно логичная и безусловно православная мысль “Епископа отошедшаго” ясно ставитъ вопросъ о томъ отношеніи, какое должно быть у Церкви къ Совѣтской власти.

Митрополитъ Сергій, ставъ на путь компромисса, “страха ради іудейска” не могъ даже отвѣчать на эту постановку вопроса. Всѣ его акты носятъ формальный характеръ съ игнорированіемъ существа той власти, по отношенію къ которой онъ требовалъ лояльности на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ можно было требовать послушанія власти Православнаго Царя.

Коммунистическое воззрѣніе на власть и государство, между тѣмъ, не имѣетъ ничего общаго не только съ понятіемъ Право-

славнаго Царя, но и вообще съ принятыми въ остальномъ мірѣ юридическими понятіями. Въ недавно выпущенной въ Москвѣ (1960 г.) Государственнымъ Издательствомъ Юридической Литературы книгѣ “Основы теоріи Государства и Права” (коллективного авторства) мы читаемъ: “Появленіе марксистской теоріи государства и права означало коренной переворотъ въ политическихъ и правовыхъ взглядахъ прогрессивнаго человѣчества” (стр. 11). Въ недостижимомъ идеалѣ коммунизма подразумѣвается полное уничтоженіе того естественнаго начала власти, о которомъ писалъ Ап. Павелъ. Въ настоящее время требуется диктатура одного класса и партіи, а въ будущемъ ожидается упраздненіе и права и государства. Въ той же книгѣ читаемъ:

“Въ будущемъ безгосударственномъ коммунистическомъ обществѣ, когда не будетъ классовыхъ антагонистическихъ противорѣчій не только внутри страны, но и на международной аренѣ, право такъ же, какъ и государство, существовать не будетъ. Правила поведения, которыя будутъ соблюдать члены такого общества, подчиняясь общимъ условіямъ коммунистическаго способа производства, утратятъ характеръ правовыхъ нормъ, нуждающихся въ государственной охранѣ, и превратятся полностью въ правила коммунистическаго общежитія, исполненіе которыхъ будетъ опираться исключительно на сознательность людей, на моральный авторитетъ органовъ народнаго коммунистическаго самоуправленія, и постепенно войдетъ въ привычку” (тамъ же, стр. 27).

Ясно, что на путяхъ къ осуществленію такой утопіи требуется полное перевоспитаніе человѣчества и, прежде всего, упраздненіе религіи, для которой въ коммунистическомъ строѣ не можетъ быть мѣста.

Нелѣпость всякой попытки оправданія высказаннаго въ декларациі отношенія къ Сов. власти дѣлается совершенно ясной изъ всѣхъ вышеприведенныхъ разсужденій. Но люди, подобные С. В. Троицкому, могутъ сказать, что разсужденія “Епископа Отопеднаго” устарѣли, ибо съ тѣхъ поръ положеніе Церкви въ Россіи измѣнилось. Съ возстановленіемъ Патріаршества Церковь де заняла почетное положеніе въ Совѣтскомъ Союзѣ. О томъ — каково ея положеніе въ дѣйствительности рѣчь будетъ особая. Сейчасъ же мы говоримъ о принципиальныхъ положеніяхъ. И вотъ тутъ надо обратить вниманіе на очень важную статью въ “Извѣстіяхъ” отъ 18 февраля 1961 г. за подписью главнаго редактора журнала “Наука и религія” П. Колоницкаго.

Авторъ этой статьи отвѣчаетъ на вопросъ нѣкоего П. Е. Егорчева о томъ — “какъ правильно оцѣнить роль Церкви въ на-

шихъ совѣтскихъ условіяхъ? Капиталистовъ и помѣщиковъ у насъ давно нѣтъ. Служители Церкви, какъ мнѣ извѣстно, выступаютъ за миръ противъ войны, въ своихъ проповѣдяхъ призываютъ вѣрующихъ честно трудиться на благо Родины. Мѣняетъ ли это наше отношеніе къ Церкви или нѣтъ?” П. Колоницкій подробно разъясняетъ, что отношеніе правящей коммунистической партіи къ Церкви остается безусловно отрицательнымъ. Какъ бы Церковь ни была лояльна къ Совѣтскому государству она продолжаетъ приносить вредъ народу.

“Какую бы позицію ни занимала Церковь въ той или иной исторической обстановкѣ, какую бы политику ни проводила, она всегда остается носителемъ и проводникомъ завѣдомо ложной, антинаучной, реакціонной идеологіи, какой при всѣхъ условіяхъ является религія. Воспитывая вѣрующихъ въ духѣ этой идеологіи, пропагандируя ее, Церковь дѣлаетъ вредное дѣло, вольно или невольно противостоитъ строительству новой жизни, является помѣхой нашему движенію на пути къ коммунизму.”

Указывая далѣе на несомѣстимость моральныхъ основъ Церкви и коммунизма, авторъ статьи дѣлаетъ чрезвычайно важное заявленіе:

“Такимъ образомъ, пишетъ онъ, хотя Церковь и измѣнила свое политическое лицо, но существо ея ученія осталось прежнимъ, несомѣстимымъ съ нашей коммунистической идеологіей. Служители Церкви, даже поддерживая внутреннюю и вѣшнюю политику Совѣтскаго государства, какъ были, такъ и остаются нашими идеологическими противниками, и мы ведемъ и будемъ вести съ ними идейную борьбу.”

Итакъ, всѣ попытки послѣдователей Митрополита Сергія и въ частности С. В. Троицкаго — обосновать отношеніе Церкви къ Совѣтской власти на той нормѣ, которую указалъ Апостоль Павелъ въ посланіи къ Римлянамъ, передъ лицомъ Совѣтской дѣйствительности рѣшительно рушится. *Совѣтская власть и теперь, какъ и при Сталинѣ, остается властью апостасіи, отношеніе къ которой должно быть совершенно инымъ, чѣмъ отношеніе къ нормальной власти.*

Руководящія указанія объ отношеніи къ апостасійной власти надо искать въ церковномъ преданіи въ приложеніи не къ Нерону, а къ Юліану Отступнику, котораго большевики въ преслѣдованіи Церкви превзошли многократно. Христіане относились къ Юліану Отступнику не какъ къ начальнику, поставленному Богомъ, а какъ къ врагу, дѣйствія котораго были исполнены коварства.

Такъ, Созомень повѣствуетъ о томъ, какъ Юліанъ Отступникъ съ цѣлью принудить христіанъ хотя бы невольно поклониться языческимъ богамъ повелѣлъ начертать изображенія Марса или Меркурія рядомъ съ его собственнымъ изображеніемъ на знаменахъ. Оказывая положенную честь изображенію Императора, христіане должны были такимъ образомъ одновременно поклониться и языческому богу. Нѣкоторые христіане, понявъ это лукавство, уклонялись оказывать обычное почитаніе этимъ изображеніямъ. О другихъ же Созомень говоритъ, что они только по невѣдѣнію и прототъ по прежнему подчинялись древнему правилу и безъ сомнѣній поклонялись изображенію Императора (Церковная Исторія, кн. 5-я, гл. 17-я).

Поступокъ воиновъ-исповѣдниковъ съ юридической точки зрѣнія былъ актомъ неояльнымъ, но въ то же время онъ былъ выполненіемъ заповѣди о повиновеніи Богу болѣе, нежели мірскимъ начальникамъ.

Св. Григорій Богословъ такъ характеризуетъ политику Юліана:

“Но когда болѣзнь усилилась и гоненіе готово было открыться, — увидѣлъ онъ (или какъ человѣкъ мудрый на злое и преуспѣвшій въ нечестіи, или по совѣту поощрявшихъ его на сіе), что вести съ нами войну открыто и объявить себя предводителемъ нечестія — не только слишкомъ дерзко и безразсудно, но и совершенно противно цѣли. Ибо принужденіе сдѣлало бы насъ болѣе непоколебимыми и готовыми противопоставить насилію ревность по благочестію... Это не только находилъ онъ по своимъ умозаключеніямъ, но могъ знать и по предшествовавшимъ гоненіямъ, которыми христіанство болѣе прославлено, нежели ослаблено: потому что гоненія укрѣпляютъ душу во благочестіи, и въ опасностяхъ душа закаливается, какъ раскаленное желѣзо въ водѣ. Если же дѣйствовать оружіемъ лукавства (разсуждалъ онъ) и принужденію дать видъ убѣжденія, прикрывъ насиліе ласкою, какъ уду приманкою; то въ такой борьбѣ будетъ и мудрость, и сила. Сверхъ сего, онъ завидовалъ чести мученической, какой удостиваются подвижники. Потому умышляетъ дѣйствовать принужденіемъ, не показывая вида принужденія; а насъ заставить страдать и не имѣть той чести, что страждемъ за Христа” (Первое обличительное слово на царя Юліана).

Какъ похоже это на тактику Совѣтовъ послѣ первоначальныхъ эксцессовъ! Это сходство дѣлается еще болѣе замѣтнымъ изъ дальнѣйшихъ словъ Св. Отца о козняхъ Юліана противъ Церкви, которыя я не привожу здѣсь, чтобы не удлинять эту выдержку.

Эти козни перечисляются довольно подробно и въ Исторіи Церкви Созомена и въ другихъ историческихъ свидѣтельствахъ. По древнему правилу христіане не напрашивались на мученичество отъ Юліана кромѣ случаевъ, когда это было необходимо, чтобы свидѣтельствовать свою вѣру, но они и не искали компромиссовъ съ его политикой.

Насколько христіане были непримиримы къ Юліану видно изъ письма Св. Григорія Богослова къ своему брату Кесарію. Будучи талантливымъ врачомъ и находясь на службѣ при Императорскомъ Дворѣ, Кесарій не покинулъ своего положенія послѣ вступленія на престолъ Юліана. Св. Григорій горячо любилъ своего брата и тѣмъ не менѣе послалъ ему укоризненное письмо, которое начинается слѣдующими словами:

Довольно было намъ стыда за тебя. Ибо о томъ, что мы огорчились, нужно ли и писать тебѣ, кто больше всякаго въ томъ увѣренъ? Не говоря о себѣ и о томъ — какимъ безпокойствомъ, а позволь даже сказать и страхомъ исполнилъ насъ слухъ о тебѣ, желать бы я, чтобы ты, если бы это было возможно, самъ послушалъ, что говорятъ о тебѣ и о насъ другіе, и свои, и посторонніе, сколько ни есть намъ знакомые, если только они христіане”.

Самое находеніе на службѣ у Юліана Отступника Св. Григорій уже приравниваетъ къ общенію съ идолами.

“Какъ, пишетъ онъ, епископы уговаряютъ другого не увлекаться временемъ, не оскверняться общеніемъ съ идолами; какъ теперь наказывать проступившихъ въ чемъ иномъ, когда самъ епископъ не имѣетъ сказать слова по причинѣ случившагося у него въ дождь?”

Св. Отецъ кончаетъ свой призывъ словами:

“Необходимо одно изъ двухъ: или, оставаясь искреннимъ христіаниномъ, принять на себя самую униженную долю христіанина и дѣйствовать не соотвѣтственно своимъ достоинствамъ и надеждамъ, или, желая чести, потерпѣть вредъ въ главнѣйшемъ, и участвовать если не въ огнѣ, то въ дымѣ.”

Нельзя не отмѣтить здѣсь то, что такъ говоритъ Св. Отецъ о служеніи при Отступникѣ не въ качествѣ война или администратора, а на должности болѣе нейтральной — въ качествѣ врача.

Важно свидѣтельство Св. Григорія и о той молитвѣ, какую возносили христіане относительно самого Юліана Отступника. Во второмъ своемъ обличительномъ словѣ на царя Юліана Св. Отецъ говоритъ:

“И тогда съ трудомъ перенося настоящее и сокрушаясь о будущемъ... возносили мы гласъ свой къ Богу; то призывая Его

какъ Владыку, то умоляя какъ благого Отца... Мы призывали мечъ и египетскія казни, просили Бога судити прою нашу; умоляли воз-
стать наконецъ на нечестивыхъ, говорили: доколѣ грѣшницы, Господи,
доколѣ грѣшницы восхвалятся (Псал. ХСІІІ, 5)?... Мы вспо-
минали о виноградникѣ, который перенесенъ изъ Египта — изъ
мрака безбожія, возросъ въ красоту и величіе Вѣры, сталъ открытъ
для всѣхъ приходящихъ, для злыхъ властелиновъ, и опустошенъ
дикимъ вепремъ симъ, лукавымъ человѣкомъ, усвоившимъ себѣ зло,
преисполненнымъ тиною зла”.

А въ похвальномъ словѣ своему отцу Св. Григорій восхва-
ляетъ его за то, что онъ не уступилъ стрѣлкамъ и ихъ предводи-
телю, посланнымъ царемъ отнимать храмы, ибо онъ возбудилъ
такое возмущеніе народа, что они должны были удалиться, чтобы
не быть растоптанными ногами. Св. Григорій далѣе говоритъ:

“Но кто же болѣе моего родителя способствовалъ низложенію
Отступника? Онъ и открыто, не смотря на обстоятельства, всенарод-
ными молитвами и моленіями поражалъ губителя и наединѣ выво-
дитъ на него ночное ополченіе — простертіе на землѣ, изнуреніе
престарѣлой и маститой своей плоти, орошеніе пола слезами”.

О томъ, что Юліанъ Отступникъ былъ убитъ по молитвамъ
христіанскихъ подвижниковъ, упоминается въ житіи преп. Іуліана
(память 18 окт.) и въ житіи Св. Василия Великаго (1 января).

Преданіе въ житіи Св. Василия Великаго сообщаетъ намъ,
что этотъ св. Отецъ молился о томъ, чтобы Юліанъ Отступникъ
не вернулся живымъ изъ похода противъ Персовъ.

Какъ далеки эти молитвы и приведенныя выше слова вели-
каго св. Отца о возстановителѣ язычества (котораго, однако, да-
леко превзошли Совѣтскіе вожди) отъ лукавыхъ мыслей въ по-
сланіяхъ Митрополита Сергія и его защитника, С. В. Троицкаго,
относительно коммунистической власти, какъ власти якобы отъ
Бога учиненной. Ихъ концепція противорѣчитъ святоотеческому
ученію, духомъ котораго проникнуты приведенныя нами рассу-
жденія Собора Епископовъ Зарубежной Церкви, подробно изло-
жившаго свой взглядъ въ цитированномъ выше замѣчательномъ
обстоятельномъ Посланіи въ 1933 году.

Примѣромъ того, какъ можетъ воспринимать соглашеніе съ
атеистической Совѣтской властью чуткое православное сердце не
русскаго іерарха можетъ послужить письмо въ редакцію Нью-
Йоркской греческой газеты Этникосъ Кириксъ (10 іюля 1955 г.)
покойнаго греческаго Архіепископа Сѣверной и Южной Америки
Михаила.

По поводу поѣздки въ СССР одного изъ Восточныхъ Патріарховъ для лѣченія и сообщенія, что въ связи съ этимъ Совѣтское Правительство проявило большой интересъ, назначивъ въ распоряженіе Патріарха нарочитаго чиновника, Архіепископъ писалъ:

“Мы не знаемъ, какое впечатлѣніе произведетъ это извѣстіе на всѣхъ находящихся по эту сторону христіанъ и, въ особенности православныхъ.

“Мы признаемъ, что при чтеніи его закрыли лицо отъ стыда, ибо эти дополнительныя сообщенія подтверждаютъ опасенія, которыя официально высказывались въ Греціи клириками и мірянами, что можетъ быть были даны обѣщанія и, увы, оказались принятыми... Какое положеніе сохраняли христіане первыхъ золотыхъ лѣтъ Христіанства, когда были гонимы и мучимы толпою; когда религія Христова считалась совершенно несомѣстимою съ язычествомъ и идолопоклонствомъ и вслѣдствіе того признавалась внѣ закона, какъ это и нынѣ произошло съ Христіанскою религіею? Принялъ ли бы тогда Епископъ Александрійскій или Антіохійскій приглашеніе Нерона или Діоклетіана для отдыха и врачебнаго изслѣдованія?”

Каковъ же можетъ быть “modus vivendi” у Церкви при власти Апостасіи? Вспомнимъ слова экзарха Сергія о томъ, что, добиваясь легализаціи Православной Церкви, Совѣтская власть хотѣла устранить возможность укрѣпленія нелегальной церковной организаціи. Экзархъ Сергій говорилъ даже о возможности тайнаго Патріарха. Въ этомъ и заключается отвѣтъ на нашъ вопросъ.

Цѣлый рядъ рукописныхъ посланій въ Совѣтской Россіи говоритъ объ “уходѣ Церкви въ пустыню”, какъ о единственномъ выходѣ для нея въ нынѣшнихъ условіяхъ. Они говорятъ объ опасности даже регистраціи приходскихъ общинъ. Мы знаемъ, что это и было осуществлено тѣми, кто составляетъ такъ называемую Катакомбную Церковь въ Россіи.

С. В. Троицкій готовъ вопреки очевидности отрицать самое ея существованіе. Для Митрополита Сергія, больше всего вѣрившаго въ силу организаціи, этотъ путь представлялся такимъ же безуміемъ, какимъ крестъ являлся для невѣрующихъ эллиновъ.

Но Св. Іоаннъ Златоустъ предупреждаетъ противъ расчетовъ на гражданскую власть, указывая на то, что Церковь побѣждаетъ только силой Божіей. Онъ говоритъ, что древняя Церковь побѣдила язычество чудомъ въ то время, какъ внѣшне она была неорганизована и слаба. “Чтобы ты не говорилъ, что теперь Церковь стоитъ твердо по причинѣ мира съ царями, Богъ попустилъ ей терпѣть гоненіе тогда, когда она была меньше и казалась слабѣе,

дабы ты убѣдился изъ этого, что и нынѣшняя твердость ея зависитъ не отъ мира съ царями, но отъ силы Божіей” (Противъ іудеевъ. Слово 5-е).

Стороннимъ зрителямъ соглашеніе Митр. Сергія съ Совѣтами казалось актомъ житейской мудрости. Однако, изъ повѣствованія его бывшаго ближайшаго помощника — Экзарха Сергія, мы уже знаемъ о рядѣ пагубныхъ для Церкви практическихъ послѣдствій т. н. легализаціи Церкви. Они еще умножатся и станутъ болѣе явными, по мѣрѣ того, какъ Совѣты круто поворачиваютъ свою политику и снова направляютъ ее на физическое уничтоженіе Церкви. Признаки того уже виднѣются: мягкія перчатки Карпова замѣняются ежовыми рукавицами Куроѣдова.

Впрочемъ, о дѣйствительномъ положеніи Церкви въ Россіи въ настоящее время у насъ рѣчь еще будетъ впереди.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

НЕКАНОНИЧНОСТЬ НЫНѢШНЕЙ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ.

Мы видѣли выше, что декларація Митрополита Сергія явилась измѣной самому существу Церкви, что она была данью Апостасіи и союзомъ съ ея служителями. Поэтому она можетъ быть признана хуже всякой ереси.

С. В. Троицкій оставилъ въ сторонѣ этотъ мотивъ при рѣшеніи вопроса о каноническомъ значеніи распоряженій Митрополита Сергія и его преемника. Въ его глазахъ Совѣтская власть не враждебна Церкви. По его словамъ: “такъ какъ не только глава Русской Церкви заявилъ, что онъ не врагъ Совѣтской власти, но и сама Совѣтская власть измѣнила свое враждебное отношеніе къ Церкви на благопріятное, то значить дѣйствія первоіерарховъ въ пользу Совѣтской власти никакъ нельзя квалифицировать какъ дѣйствія въ пользу враговъ Церкви” (стр. 71).

Въ предыдущихъ главахъ кажется достаточно ясно показано, что большевики суть злѣйшіе враги Церкви. Кратковременное улучшеніе внѣшняго положенія Сергіевской церковной администраціи, которому С. В. Троицкій придаетъ такое большое значеніе, смѣняется теперь новой безбожной пятилѣткой.

Несмотря на “мудрую политику” Митрополита Сергія къ началу Второй Великой Войны у него едва было четыре епископа на свободѣ, пока политическая необходимость противопоставить хотя бы внѣшне нѣчто равноцѣнное развитію Церкви въ занятыхъ нѣмцами областяхъ, не вынудила Сталина измѣнить положеніе Митр. Сергія къ лучшему, дабы использовать Церковь въ тотальной войнѣ.

С. В. Троицкій не только вопреки очевидности старается доказать, что Совѣтская власть измѣнила къ лучшему свое отношеніе къ Церкви, потому что она де перестала видѣть враждебность къ себѣ со стороны іерархіи, и не только не усматриваетъ въ Совѣтской власти никакихъ признаковъ Апостасіи, но и готовъ дать ей предпочтеніе передъ язычествомъ. Онъ говоритъ: что “возникнувъ въ христіанскомъ мірѣ атеистическій коммунизмъ со-

хранилъ въ себѣ и нѣкоторыя положенія христіанскаго міровозрѣнія, каковыхъ язычество не имѣло” (стр. 93). Это свое странное заявленіе онъ пытается подтвердить двумя аргументами.

“Древнее язычество, по его словамъ, считалось государственной религіей и не знало свободы совѣсти, и потому преслѣдовало христіанство именно какъ религію. Совѣтскій коммунизмъ въ самой Конституціи провозглашаетъ принципъ свободы совѣсти и отдѣленіе Церкви отъ государства.

“Язычество санкціонировало социальное неравенство, даже рабство. Совѣтскій коммунизмъ главною своею цѣлью ставить осуществленіе христіанскаго начала социальной справедливости” (стр. 94).

Первый аргументъ падаетъ передъ лицомъ того факта, что коммунизмъ ставитъ себѣ цѣлью уничтоженіе всякой религіи. Конституція фактически никакой свободы совѣсти не провозглашаетъ уже тѣмъ, что запрещаетъ проповѣдь религіи и ограничиваетъ права вѣрующихъ.

Но самымъ удивительнымъ является второе его заявленіе. Что можетъ быть общаго между христіанскими началами социальной справедливости и классовой борьбой, провозглашенной коммунизмомъ? Христіанство вноситъ миръ между классами, христіанская социологія зиждется на вѣрѣ, любви, кротости и іерархичности. Всѣ эти понятія совершенно чужды атеистической и матеріалистической системѣ коммунизма. Тамъ отрицается равенство классовъ, о чемъ свидѣлствуютъ притѣсненія “классовыхъ враговъ”, ограниченія правъ дѣтей дворянъ и духовенства и проч. Тамъ на практикѣ осуществляется тотъ взглядъ, который такъ формулировалъ Достоевскій: если Бога нѣтъ, то все позволено. Не можетъ быть христіанскаго начала справедливости тамъ, гдѣ не только нѣтъ христіанства, но гдѣ еще и уничтоженіе его признается необходимымъ условіемъ для полнаго торжества марксизма. Вся безбожная мораль коммунизма исключаетъ какую бы то ни было незыблемую основу нравственности, которая тамъ регулируется только началомъ цѣлесообразности. Поэтому въ періодъ разрушенія прежней социальной системы въ томъ или иномъ государствѣ коммунистическая партія насаждаетъ самый грубый развратъ, съ которымъ, однако, борется послѣ полнаго захвата власти для укрѣпленія послѣдней.

Древніе христіане, которыхъ С. В. Троицкій старается поставить въ примѣръ современникамъ въ отношеніи лояльности къ безбожной власти, на самомъ дѣлѣ были очень щепетильными и остерегались въ своей гражданской жизни всякой возможности

даже косвеннаго, мало замѣтнаго пріобщенія къ язычеству. Проф. А. П. Лебедевъ въ своемъ изслѣдованіи эпохи гоненій замѣчаетъ, что христіане въ своемъ противленіи суевѣрному почитанію императоровъ заходили очень далеко.

“Нельзя отрицать, пишетъ онъ, что нѣкоторые изъ христіанъ не совсѣмъ благоразумно устранялись отъ общихъ официальныхъ празднествъ въ честь императоровъ во дни ихъ восшествія на престолъ или во дни торжествъ по случаю какихъ нибудь побѣдъ. Именно они усматривали связь съ языческою религіею и языческими нравами даже въ такихъ невинныхъ вещахъ, какъ украшеніе домовъ лаврами или какъ иллюминація. (Такъ смотрѣлъ Тертуліанъ: Объ идолопоклонствѣ. гл. 15-я). Случалось также, что императоры жертвовали извѣстную сумму денегъ для раздачи солдатамъ въ знакъ своего благоволенія. Чтобы получить свою долю всѣ являлись, какъ это было въ обыкновеніи, съ вѣнками на головахъ, только христіанинъ солдатъ являлся со своимъ вѣнкомъ въ рукѣ, потому что увѣнчивать свою главу вѣнкомъ ему казалось чѣмъ то языческимъ” (Эпоха гоненій на христіанъ и утвержденія христіанства въ Греко-Римскомъ мірѣ при Константинѣ Великомъ. СПб, 1904 г. стр. 27).

Проф. А. П. Лебедевъ ясно показываетъ, что христіане сторонились языческой культуры. Ненависть христіанъ къ язычеству “простиралась до воспрещенія учиться музыкѣ, живописи и даже содержать школы, такъ какъ каждое изъ этихъ занятій могло имѣть отношеніе къ языческой религіи, такъ какъ школьный учитель волей-неволей долженъ былъ объяснять имена, генеалогію, происхожденія языческихъ боговъ” (Тамъ же, стр. 29).

А когда наступило окончательное столкновеніе между христіанствомъ и язычествомъ и Ликиній выступилъ противъ Св. Константина Великаго, — Церковь осудила тѣхъ “лояльныхъ” воиновъ, которые служили въ языческой арміи Восточной части Имперіи. 12-е правило 1-го Вселенскаго Собора тѣхъ, кто ушелъ изъ нея, называетъ явившимися порывъ ревности, а о вернувшихся къ Ликинію на языческую военную службу говоритъ, что они “потомъ, аки псы, на свою блевотину возвратившіеся”, и налагаетъ на нихъ десятилѣтнюю епитимію.

Каковы бы ни были гоненія, въ древности всѣ виѣшнія формы искушенія и паденія были иными, чѣмъ теперь. Совѣтская власть, будучи новымъ явленіемъ въ исторіи, имѣя новый апостасійный характеръ, не можетъ быть сравниваема съ древнею языческою властью. Совѣтская власть имѣетъ для себя только блѣдный прецедентъ въ лицѣ Юліана Отступника и отчасти въ лицѣ Ликинія.

Если внимательно прочитать правила, относящіеся къ паденіямъ во время гоненій, напр., правила Св. Григорія Нисскаго, то мы увидимъ, что древняя Церковь осуждала у христіанъ всякій компромиссъ съ невѣріемъ и всѣ ухищренія, направленные къ тому, чтобы не совершая явно и дѣломъ поклоненія идоламъ, показаться въ глазахъ гонителей совершившими ихъ требованія. Церковь налагала епитимію на т. н. “либеллятиковъ”, которые, не принося жертвъ богамъ, благодаря своимъ знакомствамъ или подкупамъ получали отъ чиновниковъ фальшивыя свидѣтельства о своемъ участіи въ жертвоприношеніи.

Современныя же формы паденія иныя: онѣ заключаются въ признаніи апостасійной власти властью отъ Бога, въ наименованіи гонителя Церкви ея благодѣтелемъ, въ служеніи о нераскаившемся анаематствованномъ богоборцѣ панихидъ, въ принятіи орденовъ Ленина или Краснаго Знамени, въ участіи въ лживой коммунистической пропагандѣ, въ преподаваніи марксизма въ церковно-учебныхъ заведеніяхъ и пр. Наконецъ, надо считать паденіемъ и тѣ каноническіе акты, которые издавались во исполненіе требованій безбожной власти.

Самъ С. В. Троицкій писалъ, что Совѣтская власть въ 1927 г. легализовала Синодъ Митр. Сергія “съ условіемъ, чтобы Митр. Сергій помогъ ей въ борьбѣ съ Заграничною Церковью” (Митр. Сергій и примиреніе русской діаспоры. Церковная Жизнь, № 10 и 11 за 1936 г. стр. 168), и краснорѣчиво привелъ въ качествѣ эпиграфа къ своей статьѣ текстъ изъ Апокалипсиса (12, 6-7) “А жена убѣжала въ пустыню, гдѣ приготовлено было для нея мѣсто отъ Бога . . . И разсвирѣпѣлъ драконъ на жену, чтобы вступить въ брань съ прочими отъ сѣмени ея, сохраняющими заповѣди Божіи и имѣющими свидѣтельство Іисуса Христа”.

Митрополитъ Сергій, издавая свою декларацию, явно сталъ на путь паденія, вслѣдствіе чего онъ и его послѣдователи подлежатъ осужденію соответствующихъ правилъ за ихъ сотрудничество съ “разсвирѣпѣвшимъ дракономъ”. Поэтому всѣ ихъ претензіи на безусловную каноничность, ихъ угрозы и прещенія непокорнымъ Совѣтской власти со ссылкой на 13 и 14 правила Двукратнаго Собора, — совершенно ничтожны.

Однако, ничтожность ихъ опредѣляется и другимъ обстоятельствомъ: неканоническимъ происхожденіемъ самой нынѣшней официальной Московской іерархіи. Этотъ вопросъ былъ предметомъ сужденія Архіерейскаго Синода Русской Православной Церкви

Заграницей 30 марта / 12 апрѣля 1937 года, послѣ подтвержденія извѣстія о кончинѣ Митрополита Крутицкаго Петра.

Мнѣ, какъ Правителю Дѣлъ Синодальной Канцеляріи было поручено предварительно составить каноническую справку по вопросу о томъ, — кто же послѣ кончины Митрополита Петра долженъ признаваться законнымъ возглавителемъ Россійской Церкви? Составленная мною справка состояла въ утвержденіи того, что Митр. Сергій такого права не имѣетъ и что временнымъ Главою Россійской Церкви надо признать Митрополита Казанскаго Кирилла.

По желанію Предсѣдателя Синода Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Анастасія моя справка до представленія ея Синоду была дана на отзывъ С. В. Троицкому. С. В. Троицкій написалъ отзывъ о ней, начинающійся словами: “Считаю справку о правахъ Митрополита Кирилла на званіе Мѣстоблюстителя Всероссийскаго Патріаршаго Престола, сдѣланную г. Правителемъ Дѣлъ Синодальной Канцеляріи Гр. Ю. П. Граббе, вполне правильной” ...

Такимъ образомъ, въ основу мотивированнаго Синодальнаго опредѣленія легли эти двѣ дополняющія одна другую справки.

Надо ли говорить, что каноническая справка С. В. Троицкаго отъ 11 апрѣля 1937 года совершенно иного содержанія, чѣмъ его разбираемая нынѣ книга?

Но прежде чѣмъ излагать эти взгляды, намъ важно познаться съ однимъ документомъ, очень важнымъ для сужденія о каноничности дѣйствій Митр. Сергія — а именно, статьей написанной имъ самимъ подъ заглавіемъ “О полномочіяхъ Патріаршаго Мѣстоблюстителя и Его Замѣстителя”, напечатанной въ № 1 “Журнала Московской Патріархіи” за 1931 годъ, и перепечатанной въ № 7 за 1933 г. Парижскаго журнала “Православіе”, издававшася Архіепископомъ Веніаминомъ.

Митрополитъ Сергій былъ выдающимся знатокомъ церковной администраціи и отличался тонкостью и точностью языка въ опредѣленіи каноническихъ вопросовъ. Въ своей статьѣ онъ прежде всего отмѣчаетъ разницу между титуломъ “Мѣстоблюститель Патріаршаго Престола” и титуломъ “Патріаршій Мѣстоблюститель”. Предусмотрѣнныя для нормальнаго времени полномочія Мѣстоблюстителя Патріаршаго Престола для нашего времени ограничены. Онъ выступаетъ, какъ временный Предстоятель данной Церкви, но не пользуется ни авторитетомъ Патріарха, потому что избирается на срокъ только до избранія новаго Патріарха,

ни “всей полнотою Патріаршей власти, потому что остается членомъ Синода и его Представителемъ и можетъ дѣйствовать только по полномочію Синода и нераздѣльно съ нимъ”. Эта ограниченность полномочій подчеркивается тѣмъ, что “Мѣстоблюститель не имѣетъ патріаршаго права возношенія его имени по всѣмъ церквамъ Патріархата, а также права обращенія отъ своего имени съ посланіями ко Всероссійской паствѣ”. Источникъ полномочій Мѣстоблюстителя — Синодъ, который “всегда можетъ перенести эти полномочія на другое лицо съ тѣмъ же титуломъ”.

Напротивъ, какъ отмѣчаетъ Митр. Сергій, Митрополитъ Петръ получилъ полномочія Мѣстоблюстителя “не отъ Синода и не совмѣстно съ Синодомъ, а непосредственно отъ Патріарха”. “Знаменательно, пишетъ Митр. Сергій, что ко дню смерти Патріарха изъ всего столь широко на Соборѣ задуманнаго аппарата остался одинъ Патріархъ . . . Существовавшій при Патріархѣ Синодъ изъ трехъ Архіепископовъ, а потомъ Митрополитовъ, полномочій отъ Собора не имѣлъ, былъ собранъ по личному приглашенію Почившаго и съ его смертью терялъ полномочія”. Такимъ образомъ, рядомъ съ Патріархомъ не было полномочнаго учрежденія, чтобы со смертью его принять управленіе и избрать Мѣстоблюстителя. Патріархъ восполнилъ это своимъ завѣщаніемъ.

“Завѣщаніе, продолжаетъ Митрополитъ Сергій, не усваиваетъ будущему носителю Патріаршей власти титула Мѣстоблюстителя, что давало бы поводъ приравнивать его къ обыкновенному Мѣстоблюстителю”. По смыслу завѣщанія онъ долженъ былъ бы именоваться “исправляющій должность Патріарха”. Титуль Мѣстоблюстителя Митрополитъ Петръ присвоилъ себѣ по собственному усмотрѣнію.

Митрополитъ Сергій отмѣчаетъ, и надо на это обратить особое вниманіе, что “почившій Патріархъ, передавая въ силу сложившихся обстоятельствъ единолично Патріаршую власть, ни однимъ словомъ не коснулся кафедры Московскаго Патріарха. Она до сихъ поръ стоитъ незанятая”.

Что касается объема власти Замѣстителя Мѣстоблюстителя, то Митр. Сергій считаетъ, что “Замѣститель облеченъ Патріаршею властью въ томъ же объемѣ, какъ и замѣняемый имъ Мѣстоблюститель. Различіе между Мѣстоблюстителемъ и его Замѣстителемъ не въ объемѣ Патріаршей власти, а въ томъ, что Замѣститель является какъ бы спутникомъ Мѣстоблюстителя: сохраняетъ свои полномочія до тѣхъ поръ, пока Мѣстоблюститель остается въ своей должности. Ушелъ Мѣстоблюститель отъ должности (за смертью, отказомъ и т. п.), въ тотъ же моментъ прекращаются полномочія Замѣстителя.

Само собою понятно, что съ возвращеніемъ Мѣстоблюстителя въ управленію, Замѣститель перестаетъ управлять”.

Отмѣтимъ двѣ весьма существенныя мысли въ сужденіяхъ Митр. Сергія:

1. Относительно сохраненія Московской каѳедры незанятой. Избраніе на эту каѳедру новаго Патріарха принадлежитъ компетенціи Помѣстнаго Собора.
2. Замѣститель Мѣстоблюстителя сохраняетъ свои полномочія только до тѣхъ поръ, пока Мѣстоблюститель остается въ своей должности

На практикѣ Митрополитъ Сергій нарушилъ и тотъ, и другой принципъ. Вопросъ этотъ, какъ я уже сказалъ, былъ предметомъ всесторонняго обсужденія въ Архіерейскомъ Синодѣ Русской Православной Церкви Заграницей послѣ полученія сначала извѣстія о томъ, что Митрополитъ Сергій сталъ именоваться Патріаршимъ Мѣстоблюстителемъ. Для этого титула по собственному сужденію Митр. Сергія ему требовалось бы нарочитое полномочіе отъ Митрополита Петра. Если же такого полномочія не было, онъ долженъ былъ отойти отъ должности. Онъ же напротивъ, вмѣсто этого присоединилъ званіе Мѣстоблюстителя къ присвоенному ему титулу Митрополита Московскаго и Коломенскаго, а Указомъ отъ 27 декабря 1937 г., безъ всякаго упоминанія о смерти Митрополита Петра и вообще о порядкѣ присвоенія Митрополиту титула Мѣстоблюстителя, дается распоряженіе о поминовеніи его по новой формѣ.

Опредѣленіе Архіерейскаго Синода отъ 30 марта / 12 апрѣля 1931 года отмѣтило недоумѣніе, которое вызывалось этими обстоятельствами. Оно напомнило, что Митрополитъ Петръ, указавъ четырехъ своихъ замѣстителей въ актѣ отъ 6 декабря 1926 года, сдѣлалъ оговорку: “Возношеніе за Богослуженіемъ моего имени, какъ Патріаршаго Мѣстоблюстителя, остается обязательнымъ”. Въ письмѣ отъ 9/22 апрѣля 1926 г. онъ, по словамъ Митрополита Сергія, “совершенно опредѣленно заявилъ, что онъ считаетъ для себя обязательнымъ оставаться Мѣстоблюстителемъ, хотя бы и не былъ на свободѣ” (Письмо Митрополиту Агаѳангелу отъ 17/30 апрѣля 1926 г.).

Вступивъ въ управленіе послѣ ареста Митрополита Петра, Митр. Сергій сначала подписывалъ акты “за Патріаршаго Мѣстоблюстителя”, а затѣмъ сталъ именоваться его Замѣстителемъ. При этомъ онъ считалъ себя замѣстителемъ лично Митрополита Петра. Какъ видно изъ приведенныхъ мною выше словъ самого

Митрополита Сергія, онъ признавалъ, что съ уходомъ Мѣстоблюстителя отъ должности (за смертью, отказомъ и т. п.) “прекращаются полномочія Замѣстителя”.

“Изъ вышесказаннаго явствуетъ, говорится въ томъ же опредѣленіи Архіерейскаго Синода, что въ случаѣ смерти Митрополита Петра, Митрополитъ Сергій не можетъ претендовать на возглавленіе Россійской Церкви, ибо полномочія его, какъ онъ самъ признаетъ, прекращаются съ кончиной лица, отъ котораго исходили”.

Синодальное опредѣленіе напоминало, что въ 1926 г. самъ Митр. Сергій писалъ Митрополиту Агаѳангелу:

“Впрочемъ, завѣщаніе Святѣйшаго, хотя оно уже и использовано для своей цѣли (Мѣстоблюстителя мы имѣемъ) и теперь не утратило своей нравственной, а пожалуй и канонической обязательной силы. И если почему либо Митрополитъ Петръ оставитъ должность Мѣстоблюстителя, наши взоры естественно обратятся къ кандидатамъ, указаннымъ въ завѣщаніи, т. е. къ Митрополиту Кириллу, а потомъ и къ Вашему Высокопреосвященству. Это свое мнѣніе я выражалъ уже письменно и раньше. Могу сказать, что таково же указаніе и Митрополита Петра.”

Казалось бы естественнымъ, что Митрополитъ Сергій передъ лицомъ такихъ своихъ заявленій долженъ былъ бы, принимая новый титулъ, дать свое объясненіе — какимъ закономъ это оправдывается; на примѣръ, онъ долженъ былъ бы опредѣленно оповѣстить паству о кончинѣ Митрополитовъ Петра, Кирилла, Агаѳангела и Арсенія, или привести ихъ акты (если бы таковые были) объ отказѣ ихъ отъ своего долга возглавленія Русской Церкви. Принятіе же имъ званія Мѣстоблюстителя и титула Блаженнѣйшаго Митрополита Московскаго и Коломенскаго безъ всякихъ объясненій указываетъ на узурпацію имъ непринлежащихъ ему правъ. Особенно останавливаетъ на себѣ вниманіе принятіе имъ титула Блаженнѣйшаго Митрополита Московскаго, которое имѣло мѣсто 14/27 апрѣля 1934 года — въ то время, когда онъ еще титуловался Замѣстителемъ Мѣстоблюстителя. И будучи Замѣстителемъ Митрополитъ Сергій этимъ своимъ актомъ явно ставилъ себя выше того, кого онъ замѣщаль. Кромѣ того, этотъ титулъ частично устранялъ и временный характеръ полномочій Замѣстителя.

Это утвержденіе согласно и съ заключеніемъ его нынѣшняго апологета С. В. Троицкаго. Въ своей докладной запискѣ, поданной Высокопреосвященнѣйшему Митрополиту Анастасію 11 апрѣля 1947 г., С. В. Троицкій очень убѣдительно писалъ:

“Что права замѣстителя прекращаются со смертью замѣщаемого, — это юридическая аксіома, которую “*expressis verbis*” призналъ и самъ Митрополитъ Сергій. Поэтому со смертью Митрополита Петра полномочія Митрополита Сергія прекратились и въ должность мѣстоблюстителя автоматически “*eo ipso*” вступаетъ Митрополитъ Кирилль, котораго и слѣдуетъ почитать за богослуженіями. Противъ этого могло бы быть лишь одно возраженіе: Митрополитъ Кирилль по всѣмъ даннымъ не получить возможности выполнять свои обязанности Мѣстоблюстителя, а Митрополитъ Сергій не откажется отъ функцій временнаго возглавителя Русской Церкви и потому, казалось бы, въ цѣляхъ сохраненія административнаго единства Русской Церкви слѣдуетъ признавать и почитать не Митрополита Кирилла, а Митрополита Сергія. Однако, такое возраженіе было бы ошибочнымъ. Не обладаніе правомъ зависитъ отъ пользованія имъ, а наоборотъ — пользованіе правомъ зависитъ отъ обладанія имъ и потому Митрополитъ Кирилль является законнымъ Мѣстоблюстителемъ, является первымъ епископомъ (Русскимъ) народа (Ап. 34), хотя бы онъ и лишенъ былъ возможности пользоваться этимъ своимъ правомъ. Нельзя во имя административнаго единства жертвовать законностью и Митрополитъ Сергій, объявляя себя мѣстоблюстителемъ послѣ смерти Митрополита Петра, повторилъ бы ту же ошибку, какую онъ сдѣлалъ раньше, признавъ власть Синода Живой Церкви, и въ сущности взялъ бы на себя роль этого Синода. Русская Церковь уже разъ переживала подобное положеніе послѣ высылки Мѣстоблюстителя Митрополита Агаангела и тѣмъ не менѣе Митрополитъ Агаангелъ не соблазнился возможностью сохраненія административнаго единства цѣной признанія Живой Церкви, а дозволилъ всѣмъ епархіямъ временно управляться самостоятельно, т. е. возстановить то устройство, которое существовало въ Церкви во время гоненій первыхъ вѣковъ христіанства. Это его распоряженіе должно будетъ воспринять свою силу и въ томъ случаѣ, если Митрополитъ Кирилль лишенъ будетъ возможности фактически управлять Русскою Церковью. Однако и тогда поминаеніе его въ качествѣ Мѣстоблюстителя остается обязательнымъ.”

Въ сущности говоря, для опроверженія разбираемой книги С. В. Троицкаго можетъ быть было бы достаточно привести эту его записку и еще другую, о которой рѣчь будетъ ниже.

Читатель можетъ убѣдиться изъ содержанія этого документа, что Зарубежный Синодъ въ канонической оцѣнкѣ правъ Митрополита Сергія дѣйствовалъ въ полномъ согласіи съ мнѣніемъ “послѣдняго изъ могиканъ” русской канонической науки (С. В. Троицкаго).

Конечно, можно допустить, что писатель послѣ дополнительнаго изученія вопроса измѣнитъ свое мнѣніе. Но въ этомъ случаѣ, если онъ дѣйствительно добросовѣстный и серьезный ученый, готовый нести нравственную отвѣтственность за свои каноническія справки, то онъ не сталъ бы умалчивать о нихъ и не сталъ бы метать молніи противъ тѣхъ, кто поступалъ согласно его совѣта и не сталъ бы подгонять къ нимъ не относящіеся къ дѣлу каноническія санкции. Такой образъ дѣйствій не имѣетъ ничего общаго съ традиціями русской богословской науки.

Мы вправдѣ были бы ожидать отъ С. В. Троицкаго не филиппикъ противъ Зарубежнаго Сѣнода и не умолчанія о своемъ прежнемъ мнѣніи, а такой же тщательной критики этого мнѣнія, если онъ его перемѣнилъ, какую онъ примѣнилъ къ сочиненію протоіерея М. Польскаго.

Архіерейскій Сѣнодъ отчасти дополнилъ аргументацію своихъ двухъ совѣтниковъ. Въ своемъ опредѣленіи, взвѣсивая всѣ стороны дѣла, онъ обсудилъ возможный со стороны Митрополита Сергія доводъ противъ признанія правъ Митрополита Кирилла на Мѣстоблюстительство. Сѣнодъ обсудилъ вопросъ о томъ, — можетъ ли поражать каноническія права Митрополита Кирилла наложенное на него Митрополитомъ Сергіемъ запрещеніе за несогласіе съ его мѣропріятіями.

Архіерейскій Сѣнодъ нашелъ, что мѣропріятія Митрополита Сергія подвергались критикѣ со стороны Митрополита Кирилла и многихъ другихъ авторитетныхъ іерарховъ не по какимъ-либо инымъ побужденіямъ, а исключительно по ревности о правдѣ церковной.

“Выступленія ихъ, говорится въ Сѣнодальномъ опредѣленіи, не могли принести имъ никакой выгоды, а напротивъ были актами исповѣдничества, повлекшими для нихъ лишь новыя притѣсненія и ссылки. А потому и наложенныя на нихъ прещенія Митрополита Сергія не могутъ быть признаны церковнымъ сознаниемъ справедливыми, хотя бы они и были фѳормально оправданы многочисленными не относящимися къ дѣлу ссылками на церковныя правила. Кромѣ того, Митрополитъ Сергій не имѣлъ права налагать кару на Митрополита Кирилла за несогласіе его съ созданнымъ имъ порядкомъ церковнаго управленія потому, что самъ является стороной въ этомъ дѣлѣ, по поводу котораго поддерживалъ полемическую переписку съ Митрополитомъ Кирилломъ. Естественно возникаетъ подозрѣніе, что онъ хотѣлъ просто опорочить послѣдняго, чтобы лишить его законнаго права на возглавленіе Русской Церкви. Такимъ образомъ, Митрополитъ Кириллъ ни въ какомъ случаѣ не

заслуживаетъ отвода отъ званія Мѣстоблюстителя по причинѣ прешеній, наложенныхъ на него Митрополитомъ Сергіемъ, а скорѣе подлежалъ бы отводу самъ Митрополитъ Сергій въ томъ случаѣ, если бы подтвердилось сообщеніе о завѣщаніи Митрополита Петра, коимъ онъ якобы называется въ числѣ кандидатовъ въ Мѣстоблюстители. Митрополитъ Сергій не могъ бы быть признанъ Мѣстоблюстителемъ уже по одному тому, что онъ злоупотреблялъ данною ему властью, присвоивъ себѣ титулъ Блаженнѣйшаго Митрополита Московскаго и Коломенскаго. Этотъ актъ не только означаетъ захватъ имъ Патріаршей епархіи, которую, какъ Замѣститель Мѣстоблюстителя, онъ долженъ былъ временно блюсти до избранія ей законнаго іерарха въ лицѣ Патріарха Всероссійскаго, но и колеблетъ весь строй Патріаршаго управленія, установленный въ Русской Церкви Всероссійскимъ Соборомъ 1917-1918 гг.”

Другими словами Зарубежный Архіерейскій Синодъ усмотрѣлъ въ дѣйствіяхъ Митрополита Сергія ясные признаки узурпаціи непринадлежащаго ему права на возглавленіе Россійской Церкви. Наличіе этой узурпаціи подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что Митрополитъ Сергій объявилъ о прекращеніи Мѣстоблюстительства Митрополита Петра его смертью уже послѣ того, какъ присвоилъ себѣ его права. Какъ показано было выше, онъ поэтому обличается своими собственными разсужденіями о правахъ Мѣстоблюстителя и его Замѣстителя.

Эти данныя нельзя не сопоставить съ матеріаломъ о судьбѣ Митрополита Петра, приведенномъ прот. М. Польскимъ во второмъ томѣ его сочиненія подъ заглавіемъ “Новые Мученики Россійскіе” (Джорданвиль. 1957 г.). На страницахъ 287-288 онъ отмѣчаетъ, что срокъ ссылки Митрополита Петра долженъ былъ окончиться въ 1935 г. Въ Нью-Йоркской газетѣ “Новое Русское Слово” отъ 3 ноября 1935 года было напечатано, что объ освобожденіи Митрополита Петра изъ ссылки было получено сообщеніе отъ Русской Патріаршей Экзархіи слѣдующаго содержанія: “У насъ имѣются свѣдѣнія объ освобожденіи Митрополита Петра, но пока только отъ знакомыхъ американцевъ, на дняхъ вернувшихся изъ Москвы и видѣвшихъ и бесѣдовавшихъ съ Владыками Митрополитами Сергіемъ и Петромъ”. Затѣмъ около мѣсяца тому назадъ изъ круговъ Московскаго духовенства пришло сообщеніе слѣдующаго содержанія: “У насъ имѣются свѣдѣнія объ освобожденіи Митрополита Петра. Митрополитъ Петръ Крутицкій шесть недѣль тому назадъ возвращенъ изъ ссылки и въ данное время проживаетъ въ г. Коломнѣ. Здоровье Патріаршаго Мѣстоблюстите-

ля находится въ весьма неудовлетворительномъ состояніи, въ особенности — ноги, которыя отъ простуды гноятся”.

Подобное же сообщеніе съ дополнительной подробностью было напечатано 3 апрѣля 1937 года въ Парижской газетѣ “Возрожденіе”: “Въ 1935 г. окончился срокъ ссылки. По дошедшимъ изъ Россіи свѣдѣніямъ, Митрополитъ Петръ вернулся въ Россію и видѣлся съ Митрополитомъ Сергіемъ. Послѣдній хотѣлъ получить отъ него признаніе новаго устройства церковной жизни и согласіе на созывъ собора. Были и другія сообщенія о томъ, что большевики якобы предложили ему занять Патріаршій престолъ, но при соблюденіи ряда опредѣленныхъ требованій. Митрополитъ Петръ былъ непреклоненъ и ни на какія соглашенія не шель. Вскорѣ онъ вновь былъ отправленъ въ ссылку”.

То же сообщеніе было вновь подтверждено въ Парижской газетѣ “Русская Мысль” отъ 16 ноября 1951 года. Къ вышеприведенному сообщенію тамъ добавляется, что Митрополитъ Петръ потребовалъ у Митрополита Сергія передачи ему мѣстоблюстительства, но получилъ отказъ и скорѣ былъ отправленъ въ ссылку, гдѣ и умеръ въ началѣ 1937 года.

Эти сообщенія могутъ послужить нѣкоторымъ объясненіемъ умолчанія Митр. Сергія о причинахъ принятія имъ новаго титула.

Митрополитъ Петръ, показавшій свою несговорчивость съ безбожною властью вторично былъ ею устраненъ съ пути болѣе послушнаго ей Митрополита Сергія. Но сохраненіе послѣднимъ власти въ своихъ рукахъ, вслѣдствіе изложенныхъ имъ самимъ своихъ соображеній о правахъ Замѣстителя Мѣстоблюстителя, дѣлало невозможнымъ ни сообщеніе о расхожденіи во взглядахъ между нимъ и Митрополитомъ Петромъ, ни оповѣщеніе о кончинѣ Митрополита Петра, ни о кончинѣ Митрополита Арсенія въ томъ же 1936 году. Поскольку Митрополитъ Сергій признавалъ, что смерть Мѣстоблюстителя прекращала его полномочія, постольку она не только не расчищала ему путь къ власти, но и лишала его всякаго каноническаго фундамента. Поэтому Совѣты нѣкоторое время скрывали смерть Митрополита Петра. Архіерейскій Синодъ принималъ всѣ мѣры вплоть до обращенія къ иностраннымъ дипломатическимъ представителямъ и къ Архіепископу Кентерберійскому для выясненія вопроса о томъ — дѣйствительно ли умеръ Митрополитъ Петръ?

Управленіе Архіепископа Кентерберійскаго увѣдомило Митрополита Анастасія о полученномъ сообщеніи отъ Британскаго Повѣреннаго въ Дѣлахъ въ Москвѣ, что *въ январь 1937 года* была

совершена официальная панихида по Митрополитѣ Петрѣ въ соборѣ у Драгомировской заставы. Въ Совѣтской же прессѣ никакихъ сообщеній о смерти его не появлялось *до 30 июня 1937 г.*

Около того же времени извѣстіе о кончинѣ Митрополита Петра появилось и во многихъ газетахъ. Въ официальномъ же органѣ Московской Патріархіи въ Литвѣ, въ “Голосѣ Литовской Православной епархіи”, № 3-4 за 1937 г. (за апрѣль) впервые сообщается о кончинѣ Митрополита Петра. Въ Лондонскомъ “Таймс” отъ 29 марта 1937 г. было напечатано, что Митрополитъ Елевѣерій, смущенный распоряженіемъ Митрополита Сергія о поминовеніи его какъ Мѣстоблюстителя, запросилъ Москву и получилъ въ отвѣтъ краткую телеграмму: “Митрополитъ Петрѣ умерѣ”. Однако, въ напечатанныхъ въ органѣ Митрополита Елевѣерія актахъ опять появляется загадка: 27 декабря 1936 г. издается указъ о формѣ поминовенія Митр. Сергія какъ Патріаршаго Мѣстоблюстителя, и только 22 марта 1937 г. за № 269 издается указъ, въ которомъ сообщается о принятіи къ свѣдѣнію завѣщанія Митрополита Петра отъ 5 декабря 1926 г. въ коемъ преемниками его указываются Митрополитъ Кириллъ, Митрополитъ Агаѣангель, Митрополитъ Арсеній и, наконецъ, Митрополитъ Сергій. Казалось бы, что опубликованію формы поминовенія Митрополита Сергія должно было бы предшествовать объявленіе завѣщанія, а не наоборотъ.

По дополнительнымъ свѣдѣніямъ кончина Митрополита Петра имѣла мѣсто 29 августа 1936 года, т. е. болѣе, чѣмъ за полъ года до ея официального опубликованія и за пять мѣсяцевъ до первой панихиды на Драгомировской заставѣ.

Имѣя въ виду общее положеніе въ СССР, можно себѣ представить, что кончина Митрополита Петра была не сразу точно установлена въ церковномъ центрѣ Митрополита Сергія. Этимъ можно объяснить то, что оповѣщеніе о ней запоздало. Но все же панихиды по Митрополитѣ Петрѣ должны бы быть совершены не въ концѣ января, а въ декабрѣ предыдущаго года, если принятіе Митрополитомъ Сергіемъ титула Мѣстоблюстителя состоялось въ связи съ кончиной его предшественника. Къ тому же времени, а не къ позднѣйшему сроку должно бы относиться и объявленіе завѣщанія Митрополита Петра. Въ виду же того, что все было сдѣлано въ обратномъ хронологическомъ порядкѣ, нельзя не усмотрѣть въ этомъ дѣлѣ узурпаціи власти, проведенной Митрополитомъ Сергіемъ въ согласіи съ безбожной властью.

Митрополитъ Петръ не пошелъ на компромиссъ съ сов. властью, а имя Митрополита Сергія въ своемъ завѣщаніи внесъ на четвертое мѣсто, когда послѣдній еще не сталъ на путь соглашенія своего съ Апостасіей.

Слухъ же о якобы согласіи Митрополита Петра съ декларацией Митрополита Сергія исходилъ только отъ одного Епископа Спасо-Клепиковскаго Василя. Подобнаго сообщенія изъ другихъ источниковъ не было. Но были сообщенія противоположнаго содержания. Кромѣ того несомнѣнно, что согласіе Митрополита Петра, если бы оно существовало, было бы широко опубликовано, ибо оно было бы въ интересахъ Митрополита Сергія и Совѣтской власти.

Самое завѣщаніе Митрополита Петра было написано имъ за десять лѣтъ до своей кончины, т. е. тогда, когда онъ, конечно, не могъ предвидѣть, что Митр. Сергій отступитъ отъ тѣхъ принциповъ, ради которыхъ самъ онъ подвергся заключенію. Но даже если бы не было этого обстоятельства, самый фактъ присвоенія себѣ — Замѣстителю Мѣстоблюстителя — Патріаршей епархіи съ титуломъ Блаженнѣйшаго и правомъ ношенія двухъ панагій является вопіющимъ беззаконіемъ.

Этотъ беззаконный актъ былъ только въ интересахъ Сов. власти, которая понимала, что долготѣнее возглавленіе Русской Церкви Замѣстителемъ Мѣстоблюстителя и вдовство Патріаршей епархіи могли только ярко свидѣтельствовать о гоненіи на Церковь. Чтобы создать противоположное впечатлѣніе за границей — будто положеніе Церкви въ Россіи стало болѣе или менѣе нормальнымъ, Митрополиту Сергію понадобилось выступать отъ имени Церкви не въ качествѣ Замѣстителя Мѣстоблюстителя а въ качествѣ полноправнаго возглавителя ея — Блаженнѣйшимъ Митрополитомъ Московскимъ и Коломенскимъ. Кромѣ того, этотъ титулъ давалъ большую прочность положенію самого Митрополита Сергія.

Вспомнимъ его слова о томъ, что полномочія Замѣстителя существуютъ только до тѣхъ поръ, пока живъ избравшій его Мѣстоблюститель. Эти свои слова Митрополитъ Сергій могъ бы легко вспомнить при наступленіи кончины Мѣстоблюстителя Митрополита Петра. Но вмѣсто сложенія своихъ полномочій Митр. Сергій, украшенный двумя панагіями и пышнымъ титуломъ “Блаженнѣйшаго Митрополита Московскаго и Коломенскаго”, восхи-

тиль явное преимущество передъ всѣми другими іерархами и облекся въ видимость естественнаго преемника усопшаго Первоіерарха. Въ теченіе ряда лѣтъ новый титуль совершенно заслонялъ его прежнее скромное званіе Замѣстителя Мѣстоблюстителя. Можно думать, что такое его мѣропріятіе имѣло цѣлью поднятіе его авторитета за границей передъ подписаніемъ имъ, черезъ два мѣсяца послѣ того, указа о запрещеніи зарубежныхъ іерарховъ за неисполненіе ими его требованія о дачѣ письменныхъ обязательствъ въ лояльномъ отношеніи къ Совѣтской власти. Впрочемъ, это нисколько не помогло ему, ибо ни одна Восточная Церковь не посчиталась съ этимъ незаконнымъ запрещеніемъ.

Все это было совершено Митр. Сергіемъ тогда, когда всѣ его обличители уже были въ заключеніи. Поэтому протестъ противъ антиканонической узурпаціи Митр. Сергіемъ титула “Блаженнѣйшаго Митрополита Московскаго и Коломенскаго” могъ быть заявленъ только со стороны свободной Зарубежной Церкви, что и сдѣлалъ Митрополитъ Антоній незамедлительно. Въ письмѣ своемъ на имя Митрополита Елевѳерія отъ 7/20 августа 1934 г. за № 4036, отвѣчая на указъ Митр. Сергія отъ 22 іюля того же года за № 944, Митрополитъ Антоній заявилъ, что объявленіе послѣднимъ себя Митрополитомъ Московскимъ при жизни Крутицкаго Митрополита Петра является незаконной узурпаціей власти со стороны Митр. Сергія.

Несомнѣнно, что перемѣна титула и захватъ Мѣстоблюстительства служили подготовкой для принятія Митр. Сергіемъ и званія Патріарха. Однако, большевики не хотѣли тогда въ такой степени поднимать авторитетъ Митрополита Сергія. Они еще надѣялись въ самомъ скоромъ времени уничтожить Церковь. Я уже упоминалъ о томъ, что къ началу 2-й міровой войны оказались въ заключеніи не только несогласные съ Митрополитомъ Сергіемъ іерархи, но и почти всѣ его сотрудники. Епархіальныхъ управленій, возстановленіемъ которыхъ онъ похвалялся въ своемъ посланіи 18/31 декабря 1927 года, фактически не существовало вовсе...

В. И. Алексѣевъ въ своемъ изслѣдованіи “Матеріалы къ исторіи Русской Православной Церкви въ СССР”, къ сожалѣнію еще не изданномъ, на основаніи собраннаго имъ матеріала заключаетъ:

“Епархій, какъ административныхъ единицъ, въ 1941 г. видимо не существовало; были лишь отдѣльные приходы, поддерживающіе нерегулярную связь прямо съ Патріархіей. Приходовъ этихъ, навѣрное, было очень мало, потому что (напримѣръ, по свѣдѣніямъ

Псковской Миссии, о которой мы упоминали в первой части работы) в районъ Пскова в концѣ 1941 года прїѣхавшіе изъ Прибалтики миссіонеры нашли только одну незакрытую церковь. Аналогичная картина была на югѣ . . . В Кіевѣ во время прихода нѣмцевъ была только одна церковь, а в Кіевской епархіи — ни одной, в то время какъ в 1943 г. в Кіевѣ открыли около сорока храмовъ, а в Кіевской епархіи — около пятисотъ.”

Рѣшивъ в тотальной войнѣ использовать в свою пользу даже и религію, Сталинъ, вопреки своей прежней политикѣ, приостановилъ уничтоженіе Церкви и предложилъ Митрополиту Сергію возстановить Патріаршество. Но возстанавливалось оно в такомъ же революціонномъ порядкѣ, в какомъ Митрополитъ Сергій ранѣе принималъ титулъ Митрополита Московскаго. При этомъ важно отмѣтить, что все это произошло по инициативѣ враговъ Церкви. В томъ крайне утѣсенномъ положеніи, в какомъ находился Синодъ Митрополита Сергія, послѣднему не могло придти на умъ, что его могъ бы принять самъ Сталинъ. Поэтому здѣсь не можетъ быть сомнѣнія в томъ, что инициатива возстановленія Патріаршества шла отъ самого Сталина. Приѣмъ Сталиномъ Митрополита Сергія былъ широко опубликованъ в цѣляхъ совѣтской пропаганды. И возстановленіе Патріаршества произошло в революціонно быстромъ темпѣ, возможномъ в такомъ дѣлѣ только в условіяхъ физической невозможности для оппозиціи поднять свой голосъ протеста.

Приѣмъ у Сталина и принятый ранѣе титулъ Митрополита Московскаго предрѣшили избраніе Митрополита Сергія Патріархомъ. Оппозиціонные ему епископы были уже устранены съ его пути Сталинымъ, который в его глазахъ сталъ уже не анаѳематствованнымъ безбожникомъ, а “богоданнымъ вождемъ”. Единственнымъ препятствіемъ еще оставался численный недостатокъ архіереевъ. Нарушеніе же правилъ при избраніи Патріарха, установленныхъ Всероссійскимъ Соборомъ, никого не тревожило. Срочно стали составлять Соборъ изъ тѣхъ архіереевъ, которыхъ могли достать изъ ссылки, присоединяя къ нимъ и новорукоположенныхъ. Первымъ новымъ ставленникомъ явился бывшій обновленческій священникъ — нынѣшній Митрополитъ Крутицкій Питиримъ.

Спѣшность, съ какой проводилось это мѣропріятіе, подчеркивается датами. 4-го сентября состоялся приѣмъ у Сталина Митрополитовъ Сергія, Алексія и Николая, а 8 сентября уже былъ собранъ Соборъ.

Само собою разумѣется, что все это дѣло было подготовлено еще до приѣма, который нуженъ былъ только съ цѣлью пропаганды, чтобы подчеркнуть значеніе новаго акта передъ лицомъ всего міра и придать ему большую извѣстность и большую авторитетность. Значеніе Церкви, какъ возможнаго орудія въ совѣтской политикѣ, было оцѣнено сов. властью на много времени раньше. Это можно усмотрѣть въ заботахъ власти объ эвакуаціи Митрополита Сергія. Эвакуація была предложена ему 7-го октября 1941 года, въ виду приближенія къ Москвѣ нѣмецкой арміи. Совѣтская власть опасалась того, что въ случаѣ взятія нѣмцами столицы органъ высшей церковной власти попадетъ въ руки непріятеля и будетъ имъ использованъ въ своихъ цѣляхъ. Въ книгѣ “Патріархъ Сергій и его духовное наслѣдство”, въ статьѣ протоіерея Смирнова говорится, что эвакуація Митрополита Сергія имѣла мѣсто по постановленію Исполнительнаго Комитета Московскаго Городскаго Совѣта, “тѣмъ болѣе, что масса вѣрующихъ словесно и письменно умоляла Митрополита Сергія побережь себя и другихъ работниковъ Патріархіи” (стр. 337.). Изъ этой фразы видно, что Комитетъ дѣйствовалъ не по просьбѣ вѣрующихъ, которая была адресована не Комитету, а Митрополиту Сергію, и что онъ руководствовался чисто политическими соображеніями. Заинтересованность въ эвакуаціи Митрополита Сергія именно гражданской власти видна также и изъ того обстоятельства, что по прибытіи въ Ульяновскъ Митрополиту и его свитѣ, несмотря на большой наплывъ бѣженцевъ и общій квартирный кризисъ, было предоставлено помѣщеніе. Если бы не было соответствующаго указація изъ Москвы, оно вѣроятно не было бы найдено вовсе. Такимъ образомъ улучшеніе положенія Митрополита Сергія началось со времени его эвакуаціи.

Несомнѣнно, что при совѣтскомъ бюрократизмѣ и страхѣ передъ Сталинымъ избраніе Патріарха готовилось гораздо ранѣе приѣма у него трехъ Митрополитовъ. Въ порядкѣ подготовки этого событія и была пополнена іерархія. Но тѣмъ не менѣе на Соборѣ смогло принять участіе только 19 епископовъ...

Правительственная инициатива въ дѣлѣ избранія Патріарха Сергія вскрыта въ сообщеніи ТАСС’а (опубликованномъ послѣ приѣма Сталинымъ трехъ Митрополитовъ) отъ 6-го сентября 1943 года. Въ немъ приписывается Сталину слѣдующее заявленіе: “Церковь съ начала военныхъ дѣйствій противъ Германіи показала себя съ лучшей стороны. Русскія духовныя лица очень храбро сражаются на фронтѣ и ежедневно даютъ свидѣтельства своего

патріотизма. Въ виду сего Совѣтская Коммунистическая партія не можетъ болѣе лишать Русскій народъ его Церкви и его свободы вѣроученія. Я поэтому обращаюсь къ Русскому Православному Синоду въ Москвѣ, чтобы онъ избралъ изъ своей среды Всероссійскаго Патріарха”.

Митрополитъ Сергій съ самаго начала принятія имъ Мѣстоблюстительства ходатайствовалъ о возстановленіи Патріаршества. Поэтому можно сказать, что съ формальной стороны это возстановленіе было удовлетвореніемъ его ходатайства, хотя и не скоро, а болѣе, чѣмъ черезъ десять лѣтъ. Но фактически оно совершено было Сталинымъ и лишь тогда когда онъ увидѣлъ въ этомъ актѣ политическую пользу.

Несомнѣнно, что, принимая трехъ Митрополитовъ, Сталинъ далъ имъ и нѣкоторыя указанія относительно ожидаемыхъ отъ нихъ услугъ. Это видно изъ письма Митрополита, нынѣ Патріарха Алексія, адресованнаго Сталину послѣ кончины Митрополита Сергія. Въ этомъ письмѣ онъ говоритъ объ его приѣмѣ, данномъ имъ тремъ Митрополитамъ, о преданности Сталину своего предшественника и указываетъ принципы его дѣятельности:

“Слѣдованіе канонамъ съ одной стороны, и неизмѣнная вѣрность Родинѣ и возглавляемому Вами Правительству нашему — съ другой. Дѣйствуя въ полномъ единеніи съ Совѣтомъ по дѣламъ Русской Православной Церкви и вмѣстѣ съ учрежденнымъ покойнымъ Патріархомъ Священнымъ Синодомъ, я буду гарантированъ отъ ошибокъ и невѣрныхъ шаговъ”.

Казалось бы, что Мѣстоблюстителю, который долженъ только подготовить выборы Патріарха, нѣтъ надобности дѣлать отъ себя лично такія завѣренія, которыя могутъ явиться обѣщаніемъ своего послушанія власти только со стороны лица, уже предуказаннаго Сталинымъ для “избранія” Патріархомъ, и ставящаго себѣ въ примѣръ для подражанія покорность власти своего предшественника.

С. В. Троицкій пытается доказать, что объ искусственномъ подборѣ членовъ Собора для избранія Патріарха не можетъ быть и рѣчи. “Подборъ, пишетъ онъ, состоитъ въ избраніи однихъ и отклоненіи другихъ. Кого же отклонили организаторы Собора, когда на Соборѣ участвовали всѣ епархіальные епископы Русской Церкви?” (стр. 66).

Однако, столь малое количество “всѣхъ” епископовъ уже свидѣтельствуетъ о томъ, что одни изъ нихъ были уже къ тому времени умерщвлены, а другіе оставались въ мѣстахъ ссылки.

Подборъ совершался задолго до Собора такими мѣрами, что однихъ епископовъ арестовывали, а другихъ немногихъ оставляли на свободѣ. Впослѣдствіи были отобраны еще епископы изъ ссылокъ очевидно согласившіеся подчиниться Митрополиту Сергію.

Обращаясь къ вопросу объ избраніи Патріархомъ Митрополита Алексія нельзя не замѣтить признаковъ предрѣшенія и этого избранія “свыше”. Когда Всероссійскій Соборъ (1917-1918 г.) избиралъ Патріарха, то онъ имѣлъ полную свободу выбора. Были избраны большинствомъ голосовъ три кандидата и изъ ихъ числа избраніе было завершено жребіемъ. Совѣзмъ иначе протекало избраніе Патріархомъ Митрополита Алексія. Первое засѣданіе Собора состоялось 31 января 1945 г. На повѣсткѣ Собора стояло два вопроса: избраніе Патріарха и утверженіе (а не выработка) “Положенія объ управленіи Русской Православной Церкви”, которое должно было замѣнить Положеніе, выработанное въ теченіе многихъ засѣданій и послѣ тщательнаго обсужденія при свободныхъ преніяхъ на Всероссійскомъ Соборѣ (1917-1918).

Соборъ же 1945 года имѣлъ всего два засѣданія. Первое засѣданіе въ значительной мѣрѣ было заполнено торжественной стороной встрѣчи прибывшихъ высокихъ заграничныхъ гостей. “Многочисленный патріаршій хоръ, встрѣчавшій cadaго высокаго гостя — Патріарха и Митрополита — могучимъ “Отъ Востокъ солнца до Запада”, вошелъ существеннымъ элементомъ въ общую композицію Собора” (Патріархъ Сергій и его Духовное Наслѣдство”, стр. 324. Изд. Московской Патріархіи, 1947 г.). Послѣ встрѣчи и привѣтствій на этомъ засѣданіи былъ прочитанъ докладъ Мѣстоблюстителя “о патріотической дѣятельности Церкви въ періодъ войны”. И только по прочтеніи этого доклада и принятіи резолюціи по нему былъ заслушанъ проектъ “Положенія объ управленіи Русской Православной Церкви”. Этотъ важный документъ “не вызвалъ ни одного возраженія — настолько тщательно онъ былъ продуманъ въ своихъ каноническихъ основахъ и практическихъ деталяхъ” (тамъ же).

Всякому человѣку, имѣющему даже малый опытъ въ проведеніи общественныхъ собраній и представленія ему законодательныхъ проектовъ, извѣстно, что въ свободной обстановкѣ, такіе проекты, какъ бы тщательно они ни были разработаны, всегда вызываютъ какія либо поправки или возраженія. Только при специфическихъ совѣтскихъ условіяхъ оказалось возможнымъ такое поспѣшное принятіе безъ возраженій столь важнаго документа,

далеко не бесспорнаго и подвергнутого серьезной критикѣ проф. Колесниковымъ въ Церковной Жизни за 1954 г. въ статьѣ Анализъ Положенія объ Управленіи Русской Православной Церкви отъ 31 янв. 1954 года.

Еще болѣе сильное впечатлѣніе подстроенности этого Собора при полномъ отсутствіи свободы у его участниковъ даетъ самый процессъ “избранія” Патріарха, состоявшійся на слѣдующій день. Избраніе производилось *открытымъ голосованіемъ* и было, конечно, единогласнымъ. При этомъ въ томъ же описаніи Собора указывается интересная его деталь: “Такъ состоялся актъ избранія Патріарха Алексія, удостовѣренный особой *Грамотой, тутъ же врученной избраннику*” (тамъ же, стр. 326). Изъ этого слѣдуетъ, что выборы были настолько явно предрѣшены, что даже Грамота оказалась уже заранѣе приготовленной.

Участіе Совѣтской власти въ устройствѣ Собора видно еще изъ того, что Патріархъ Алексій, по словамъ Митрополита Николая въ статьѣ “На приѣмѣ у Сталина”, благодарилъ Правительство за то, что оно “предоставило транспортныя средства для прибытія изъ заграницы приглашенныхъ гостей, теплую одежду для пребыванія ихъ у насъ въ зимніе дни, помѣщенія и питаніе въ Москвѣ для всѣхъ членовъ Собора, автомобили и автобусы для ихъ поѣздокъ по Москвѣ” (Журналъ Московской Патріархіи. 1945 г. № 5, стр. 25-26).

Если власть, ставящая себѣ цѣлью борьбу съ религіей, такъ прекрасно организываетъ всю матеріальную сторону Собора для избранія Патріарха, то можно ли сомнѣваться въ томъ, что она имѣла въ виду осуществленіе на Соборѣ своихъ цѣлей, ничего общаго съ церковной пользой не имѣющихъ? Надо обратить вниманіе на то, что правительственная помощь была оказана не только для приѣма иностранныхъ гостей, но и содержанія въ Москвѣ *всѣхъ членовъ Собора*. Это обстоятельство кладетъ антихристову печать на всѣ дѣянія Собора и особенно на избраніе Патріархомъ угоднаго безбожникамъ кандидата.

Такой подстроенный съ помощью безбожной апостасійной власти Соборъ и такіе выборы Патріарха невозможно признать каноническими, если судить о нихъ объективно.

Заинтересованность Совѣтской власти въ возглавленіи Церкви угоднымъ для себя Патріархомъ была совершенно ясной уже въ самомъ началѣ, когда всѣ противники Митрополита Сергія были заблаговременно устранены для того, чтобы расчистить ему дорогу къ Патріаршеству. Устраненіе негодныхъ лицъ проводилось по обвиненію ихъ въ какомъ либо преступленіи, которое

быстро и легко находилось для всякаго нежелательнаго властямъ лица. Самъ Хрущевъ въ своей знаменитой рѣчи на закрытомъ засѣданіи КПСС говорилъ, что “во время многочисленныхъ *сфабрикованныхъ* судебныхъ процессовъ”, подсудимые обвинялись въ “подготовкѣ террористическихъ актовъ” (Рѣчь Хрущева на закрытомъ засѣданіи Съѣзда КПСС. Мюнхенъ, 1956 г., стр. 17). Хрущевъ говорилъ преимущественно о жертвахъ Сталинскаго террора изъ числа большевиковъ. Говоря объ арестѣ 1108 человекъ изъ 1956 делегатовъ XVII Съѣзда КПСС онъ замѣтилъ:

“Только самъ по себѣ этотъ фактъ, какъ мы теперь видимъ, показываетъ, насколько абсурдными, дикими и противорѣчащими здравому смыслу были обвиненія въ контр-революціонныхъ преступленіяхъ, выдвинутые противъ большинства участниковъ 17-го партійнаго съѣзда” (тамъ же, стр. 16).

Если видные члены партіи не были защищены отъ несправедливыхъ преслѣдованій по фиктивнымъ обвиненіямъ, то что же можно сказать о беззащитныхъ церковникахъ? Вспомнимъ приведенныя въ 7-ой главѣ слова Экзарха Сергія о томъ, что рѣшающее слово въ назначеніи духовенства принадлежитъ въ СССР гражданской власти и его заключеніе: “Такимъ образомъ, весь клиръ находится въ полной зависимости отъ произвола большевиковъ, которые однихъ допускаютъ къ легальному священнослуженію, а другихъ устраняютъ, при этомъ естественно предпочитая худшихъ лучшимъ”.

Если такъ поступаетъ Совѣтская власть въ отношеніи священниковъ, то само собой разумѣется, что она съ еще большею тщательностью отбираетъ епископовъ. Самъ С. В. Троицкій въ качествѣ иллюстраціи того, какъ проявляется давленіе безбожной Совѣтской власти на Церковь, писалъ:

“Каково это давленіе въ самой Россіи свидѣтельствуешь хотя бы слѣдующій отрывокъ изъ письма возвратившагося въ февралѣ сего года изъ Россіи греческаго подданнаго архимандрита Евгенія отъ 3-го сентября 1936 г.: “Какъ мнѣ извѣстно лично, въ Красноярской тюрьмѣ въ 1936 г. за непризнаніе авторитета Церкви Митрополита Сергія Московскаго казнены: Епископъ Филаретъ Гумилевскій, Архимандритъ Полихроній Запрудерь, протоіерей Константинъ Ордынскій, священникъ Николай Катасоновъ, а Епископъ Теофилъ Краснодарскій подъ давленіемъ ГПУ покончилъ съ собой черезъ повѣшеніе” (Церковная Жизнь. 1936 г. № 10-11, стр. 174-175).

Вотъ почему мы можемъ положительно утверждать, что не свободная Церковь, а Совѣтская апостасійная власть посадила на

Патріаршій Престоль сначала Митрополита Сергія, а вслѣдъ за нимъ и Митрополита Алексія. Поэтому къ нимъ со всей силой примѣнимо прецѣненіе 30-го Апостольскаго правила и 3-го правила VII Вселенскаго Собора: “аще который епископъ мірскихъ начальниковъ употребивъ, чрезъ нихъ получить епископскую въ Церкви власть, да будетъ изверженъ, и отлученъ, и всѣ сообщающіеся съ нимъ”.

Епископъ Никодимъ Миланшъ даетъ слѣдующее поясненіе къ 30-му Апостольскому правилу:

“Если Церковь осуждала незаконное вліяніе свѣтской власти при поставленіи епископа въ то время, когда государи были христіанами, тѣмъ болѣе, слѣдовательно, она должна была осуждать это, когда послѣдніе были язычниками, и тѣмъ болѣе тяжкія наказанія она должна была налагать на виновныхъ, которые не стыдились обращаться за помощью къ языческимъ государямъ и подчиненнымъ имъ властямъ, чтобы только получить епископство. Настоящее (30-е) правило и имѣетъ въ виду подобные случаи”.

Почему Церковь такъ строго относится къ полученію епископскаго положенія съ помощью гражданской власти? Конечно потому, что въ этомъ случаѣ есть основаніе подозрѣвать у епископа свои, посторонніе для Церкви, мотивы и потому, что поставленный такимъ путемъ іерархъ, обязанный своимъ поставленіемъ не епископамъ, а лицамъ, инцудимъ “своего”, могущимъ быть даже совсѣмъ чуждыми или враждебными Церкви, несомнѣнно будетъ вынужденъ служить “двумъ господамъ”. Къ такому епископу приложимы слова Спасителя: “Истинно, истинно говорю вамъ: кто не дверью входитъ во дворъ овчій, но прелазитъ инудѣ, тотъ воръ есть и разбойникъ” (Іоан. X, 1).

Если Церковь такъ строго осудила занятіе епископскаго положенія съ помощью гражданской власти, которая не была враждебной къ христіанской Церкви, и не была ея гонительницей, то что же можно сказать о занятіи епископской кафедры съ помощью той власти, которая поставила своею цѣлью уничтоженіе всякой религіи?

Сможетъ ли сказать С. В. Троицкій, что Патріархъ, поставленный съ помощью Антихриста, будетъ имѣть каноническое право на свою власть? Думаю, что онъ не рѣшилъ бы дать положительный отвѣтъ на такой вопросъ. А между тѣмъ, какъ мы съ достаточною ясностью уже показали, Совѣтская власть является властью апостасійною, т. е. одного рода съ властью антихристовою.

Повторяя неоднократно приведенные нами слова С. В. Троицкого о томъ, что *“не обладаніе правомъ зависитъ отъ пользования имъ, а, наоборотъ — пользование правомъ зависитъ отъ обладанія имъ”*, мы должны признать избраніе на Патриаршество какъ Митрополита Сергія, такъ и его преемника не имѣющимъ никакой канонической силы.

Большое, сравнительно, число епископовъ при избраніи послѣдняго и присутствіе на Соборѣ представителей Восточныхъ Церквей не мѣняетъ дѣла. Представители другихъ Православныхъ Церквей, будучи только гостями, въ избраніи Митрополита Алексія Патриархомъ не участвовали; при томъ же они были плохо и односторонне освѣдомлены о положеніи Церкви въ СССР и введены въ заблужденіе. Могли ли они знать, что внушительное число сѣдовласыхъ епископовъ на Соборѣ въ большинствѣ своемъ состоитъ изъ лицъ новопоставленныхъ? Могли ли они знать, — какимъ порядкомъ были подобраны клирики и міряне, о которыхъ нѣтъ нигдѣ никакихъ данныхъ, что они явились на Соборъ по свободнымъ выборамъ согласно правиламъ, установленнымъ Всероссійскимъ Соборомъ 1918 г.? Конечно, они не могли знать, что эти люди были привезены въ Москву только для того, чтобы въ присутствіи Главъ другихъ Церквей по совѣтскому обычаю единогласно проголосовать за указаннаго имъ свыше кандидата.

Какъ бы ни были сами по себѣ авторитетны молчаливые свидѣтели незаконнаго акта, ихъ присутствіе при совершеніи его не можетъ сдѣлать его законнымъ.

Нельзя также не отмѣтить вновь, что подавляющее большинство епископовъ избравшихъ Митрополита Алексія Патриархомъ были рукоположены уже послѣ 1943 года. Каноничность этихъ епископовъ зависитъ отъ каноничности поставившей ихъ власти, а между тѣмъ, какъ было сказано выше, сама власть Митрополита Сергія, вполнѣдствіи Патриарха, не является каноничной. Сколько бы епископовъ ни было поставлено имъ и его преемникомъ, они не могутъ имѣть больше правъ, чѣмъ имѣли тѣ, которые являются источникомъ ихъ полномочій. А правомочность ихъ источника, какъ видимъ, убѣдительно опровергъ въ своей статьѣ и въ докладѣ Зарубежному Свноду никто иной, какъ самъ С. В. Троицкій въ бытность его свободнымъ отъ большевицкаго вліянія.

С. В. Троицкій похваляется тѣмъ, что Сербская Патриархія, довѣряясь его заключенію, признала избраніе Митрополита Сергія законнымъ вопреки мнѣнію Митрополита Анастасія (стр. 64). Но, представляя свое заключеніе, написалъ ли С. В. Троицкій и

о томъ, что самъ онъ ранѣе не признавалъ правъ за Митрополитомъ Сергіемъ, доказывая, что фактъ нахождения его у власти съ соизволенія большевиковъ не можетъ быть источникомъ каноническихъ правъ?

Такова формальная сторона вопроса, но еще важнѣе, конечно, самое существо дѣла: та измѣна Православію, которая обрисована выше, и которая лишаетъ обязательной силы всякій актъ нынѣшней Московской Патріархіи для ея чадъ. Сторонники послѣдней любятъ ссылаться на 14 правилó Двукратнаго Собора, когда требуютъ подчиненія Москвѣ со стороны всѣхъ русскихъ и въ ихъ числѣ зарубежныхъ епископовъ. Но это правило также, какъ и 13-ое правило того же Собора только устанавливаетъ норму каноническаго послушанія представителямъ церковной власти, пока послѣдніе не обличены и не осуждены судомъ. Однако, 15-е правило Двукратнаго Собора дѣлаетъ дополненіе къ этимъ правиламъ и къ 31-му правилу Свв. Апостоловъ. Оно поясняетъ, что прещеніе установлено для тѣхъ, кто нарушаетъ подчиненіе своей церковной власти *безъ достаточнаго основанія*, кто “подъ предлогомъ нѣкоторыхъ обвиненій отступаютъ отъ своихъ предстоятелей, и творятъ расколы, и расторгаютъ единство Церкви”. Напротивъ, о тѣхъ, кто отдѣлился бы отъ своихъ предстоятелей прежде соборнаго разсужденія по причинѣ ихъ дѣйствительной измѣны Православію говорится, что они “не токмо не подлежатъ положенной правилами епитимьи, но и достойны чести, подобающей православнымъ”.

Именно таково основаніе, по которому съ Митрополитомъ Сергіемъ и его преемникомъ прервали общеніе какъ многіе исповѣдники въ Россіи, такъ и наша зарубежная іерархія. Поэтому ссылка противъ нихъ на правила Двукратнаго Собора совершенно несостоятельна.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

НА СЛУЖБЪ АПОСТАСИИ.

Въ главѣ подъ названіемъ “Благіе результаты политики Митрополита Сергія” С. В. Троицкій старается доказать, что прот. М. Польскій неправъ, преуменьшая значеніе того улучшенія, которое де приобрѣла официальная Московская Церковь при Митрополитѣ Сергіи и при его преемникѣ.

Прот. М. Польскій указывалъ на то, что предоставленныя Церковному управленію права никакимъ закономъ не гарантированы и могутъ быть отняты въ любое время.

“На самомъ дѣлѣ, возражаетъ ему С. В. Троицкій, свобода явилась не сама собой, а благодаря мудрости Патріарха Сергія. *124-я статья Конституціи и теперь гарантируетъ свободу совѣсти; программа Партіи можетъ измѣниться только тогда, когда Церковь успѣетъ обратить къ вѣрѣ большинство ея членовъ; опасности потери свободы нтъ, пока Церковное Управленіе будетъ вѣрно завѣгамъ Патріарха Тихона и Патріарха Сергія. Положеніе Церкви все улучшается.* Напечатаны — новое прекрасное изданіе Библии и Евангелія, “Тупиконъ” (Церковный Уставъ) и другія церковныя книги; новые кадры духовенства готовятъ въ двухъ Академіяхъ, восьми Семинаріяхъ и нѣсколькихъ священническихъ курсахъ; отъсрываются и новые храмы” (стр. 83 *).

Картина нарисована идиллическая, но, какъ будетъ показано ниже, она неправильно представляла положеніе Церкви въ то время, когда ее рисовалъ С. В. Троицкій, и уже вовсе не отвѣчаетъ дѣйствительности меньше, чѣмъ черезъ годъ, послѣ изданія его книги.

Ставъ на путь соглашенія съ апостасійною безбожною властью, Митрополитъ Сергіи оказался въ весьма трудномъ положеніи. Извѣстна русская поговорка: “коготокъ увязъ — всей птичкѣ пропасть”. Митрополитъ Сергіи самъ протянулъ свой “коготокъ”, который и “увязъ” въ тискахъ Совѣтской власти и привелъ его къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ.

*) Курсивъ мой. Г. Г.

Выше у насъ была рѣчь о томъ, въ какое трудное положеніе попало все Управление Митрополита Сергія и какъ онъ, противъ своего желанія, вынужденъ былъ исполнять требованія Совѣтской власти. Прежде всего онъ сталъ ея орудіемъ въ борьбѣ съ Зарубежною Церковью. Сдѣлавъ сначала заявленіе о невозможности управлять заграничными епархіями и судить зарубужныхъ іерарховъ, потому что каноны не допускаютъ церковнаго суда за политическія преступленія и потому, что невозможно организовать надъ ними формально правильный каноническій судъ, Митрополитъ Сергій въ послѣдствіи дѣлалъ то, что ранѣ признавалъ невозможнымъ.

О томъ же, какъ Митрополитъ Сергій въ отношеніи своемъ къ Зарубежью сталъ орудіемъ Совѣтской власти, я опять воспользуюсь изложеніемъ самого С. В. Троицкаго въ его статьѣ “Митрополитъ Сергій и примиреніе русской діаспоры”.

“Однако, писалъ онъ, Совѣтская власть была другого мнѣнія, и 12-го декабря 1926 года арестовала Митрополита Сергія, а въ 1927 г. отпустила его и даже 20-го мая 1927 г. легализовала его Синодъ, но съ условіемъ, чтобы Митрополитъ Сергій помогъ ей въ борьбѣ съ Заграничною Церковью, и уже 14-го іюля 1927 г. Митрополитъ Сергій подъ давленіемъ Совѣтской власти потребовалъ черезъ Митрополита Евлогія отъ заграничныхъ іерарховъ письменное заявленіе, что они будутъ соблюдать полную лояльность въ отношеніи къ этой власти и не будутъ заниматься политикой. Какъ откровенно объясняетъ самъ М. Сергій въ письмѣ Патріарху Варнавѣ отъ 23-го марта 1933-го года (№ 311), мотивомъ такого требованія были и “практическія соображенія: политика, увлекавшая наше заграничное эмигрантское духовенство, имѣла характеръ непримиримо враждебный къ нашему (т. е. Совѣтскому) Правительству, а по временамъ и открыто интервентскій”.

“Отказавшіеся исполнить условіе, указанное въ п. 1 или до 15/2 сентября с. г. не давшіе отвѣта на настоящее предложеніе, а равно и нарушившіе принятое на себя обязательство, увольняются отъ должности и исключаются изъ состава клира, находящагося въ вѣдѣніи Московской Патріархіи” (Церк. Вѣстникъ 1927 г. № 3, стр. 5).

“Точно также и въ своей деклараціи о вѣрности Совѣтскому Правительству отъ 29-го іюля 1927 г. М. Сергій пишетъ: . . . “Мы потребовали отъ заграничнаго духовенства дать письменное обязательство въ полной лояльности къ совѣтскому правительству во всей своей общественной дѣятельности. Не давшіе такого обязательства или нарушившіе его будутъ исключены изъ состава клира, подвѣдомственнаго Московской Патріархіи. Думаемъ, что размежевавшись такимъ образомъ, мы будемъ обезпечены отъ всякихъ неожиданностей изъ за границы” (Церковн. Вѣстникъ. 1927 г. № 17-18, стр. 6).

“Требуемое обязательство дали только М. Евлогій и большинство подчиненнаго ему духовенства и, казалось бы, что М. Сергій на основаніи своего же собственного указа отъ 14-го іюля 1927 г. и другихъ актовъ долженъ бы начиная съ 15-го сентября 1927 г. считать всѣхъ этихъ іерарховъ и клириковъ находящимися внѣ его юрисдикціи и оставить ихъ въ покоѣ, но это не отвѣчало стремленію Совѣтской власти заставить замолчать Заграничную Церковь и потому М. Сергій вынужденъ былъ измѣнить свою позицію, и, какъ бы забывъ о своемъ указѣ, разсматривать уже исключенное имъ изъ своей юрисдикціи заграничное духовенство какъ ему подчиненное и принимать вновь мѣры противъ него. Въ Посланіи Митрополиту Евлогію отъ 8-го февраля 1928 года онъ грозитъ судомъ этому духовенству, а такъ какъ его личный авторитетъ оказался недостаточнымъ, чтобы заставить подчиниться требованіямъ совѣтской власти заграничное духовенство, онъ приходитъ къ мысли объ использованіи съ этой цѣлью авторитета Главъ другихъ автокефальныхъ Церквей. 31-го января 1929 года онъ обратился къ Митрополиту Евлогію съ посланіемъ (№ 100), гдѣ просилъ М. Евлогія “взять на себя трудъ довести вышеупомянутое (отъ 8-го іюня 1927 г. № 1246) постановление до свѣдѣнія Святѣйшихъ Патріарховъ православныхъ и другихъ Предстоятелей православныхъ помѣстныхъ автокефальныхъ Церквей, и передать имъ нашу общую просьбу (обращаемую въ особенности къ Блаженнѣйшему Патріарху Сербскому) принять означенное постановление съ братскимъ единомысліемъ и, запретивъ каждый въ своемъ предѣлѣ незаконную дѣятельность Карловацкаго Синода и Собора, теперь уже грубо самочинныхъ... оказать помощь къ окончательному упраздненію причиняемаго названной группой церковнаго нестроенія и соблазна” (Церковн. Вѣстникъ. 1929 г. № 3, стр. 2).

“Но Главы Православныхъ Церквей хорошо знали, чьимъ орудіемъ является въ данномъ случаѣ Митрополитъ Сергій, и потому никакихъ послѣдствій эта просьба Митрополита Сергія не имѣла.

“Между тѣмъ, скоро для всѣхъ стало ясно, какъ широко понимаетъ Митрополитъ Сергій обязательство лояльности въ отношеніи совѣтской власти и насколько правы были тѣ іерархи, которые не согласились дать такое обязательство *)

“Митрополитъ Евлогій, которому Митрополитъ Сергій въ награду за выполненіе его требованія подчинилъ даже дальневосточныя церкви (Указъ отъ 29 апрѣля 1929 г. № 1359) **, былъ 11-го іюня 1930 года лишенъ должности Митрополитомъ Сергіемъ только за то,

*) Прошу читателя обратить вниманіе на эти слова С. В. Троицкаго, который теперь называетъ эту позицію «неправдой карловацкаго раскола». Г. Г.

**) Впрочемъ, это подчиненіе было на бумагѣ, ибо Дальневосточная іерархія осталась тогда вѣрна Архіерейскому Синоду. Г. Г.

что принималъ участіе въ богослуженіи объ освобожденіи Русской Церкви отъ гоненій и въ панихидахъ по жертвамъ большевиковъ и протестовалъ въ своемъ посланіи противъ той явной неправды, которую передъ лицомъ всего міра 15 февраля 1930 г. провозгласилъ М. Сергій, а именно, что въ Совѣтской Россіи нѣтъ и никогда не было гоненій противъ вѣры” (Церковная Жизнь № 10 и 11 за 1936 г. стр. 170-171).

Далѣе С. В. Троицкій, сообщивъ о перепискѣ, связанной съ переходомъ Митр. Евлогія въ вѣдѣніе Константинопольскаго Патріарха, писалъ о новой попыткѣ М. Сергія подчинить себѣ Зарубежную Церковь. М. Сергій настойчиво выполнялъ требованіе Совѣтской власти относительно ликвидаціи непримиримой къ коммунизму заграничной іерархіи. Скажемъ и объ этомъ словами С. В. Троицкаго:

“Расчитывая использовать расположеніе къ нему Патріарха Варнавы для своихъ плановъ относительно русскихъ іерарховъ “карловацкой” юрисдикціи, М. Сергій обратился къ нему (Патріарху Варнавѣ) 23 марта 1933 г. съ обширнымъ посланіемъ, которое М. Елеверій поспѣшилъ опубликовать въ органѣ своей епархіи (“Голосъ Литовской Епархіи” 1933, № 5, стр. 50-57) еще прежде, чѣмъ Патріархъ Варнава успѣлъ отвѣтить на него. Въ этомъ посланіи Митр. Сергій просилъ Патріарха Варнаву, чтобы онъ убѣдилъ Карловацкихъ іерарховъ дать обязательство лояльности въ отношеніи къ совѣтской власти, а если они на это не согласятся, — дать заявленіе о переходѣ въ другую юрисдикцію, при чемъ Карловацкій Синодъ и Соборъ должны быть закрыты. Карловацкіе іерархи дали такое обязательство категорически отказались, а Патріархъ Варнава письмомъ отъ 6-го января 1934 г. увѣдомилъ объ этомъ Митрополита Сергія и выяснилъ ему, что должно быть осуществлено другое предложеніе Митрополита Сергія о переходѣ русскихъ заграничныхъ клириковъ въ другую юрисдикцію, послѣ чего вопросъ о “Карловацкомъ” Синодѣ и Соборѣ будетъ уже внѣ компетенціи Московской церковной власти*). Однако, такое рѣшеніе вопроса не отвѣчало интересамъ совѣтской власти и заграничныхъ представителей М. Сергія и Митрополитъ Сергій былъ вынужденъ еще разъ измѣнить свою позицію. Въ посланіи Патріарху Варнавѣ отъ 7-го февраля 1934 года онъ уже совершенно отказывается отъ своего предложенія о переходѣ русскихъ клириковъ въ другую юрисдикцію и даже называетъ такой переходъ “новымъ каноническимъ преступленіемъ:

*) Патріархъ Варнава дѣлалъ такое предложеніе не обсуждая его предварительно съ Митрополитомъ Антоніемъ, который никогда не согласился бы на подобный шагъ. Онъ рѣшительно осудилъ именно такое рѣшеніе Митрополита Евлогія, какъ измѣну Русской Церкви. Г. Г.

попыткой укрыться за чужим авторитетомъ отъ отвѣтственности передъ законнымъ церковнымъ судомъ, за что отвѣчаютъ по канонамъ и “укрывающіеся и укрыватель”. Въ своемъ отвѣтѣ на это письмо отъ 21-го мая, 1934 года Патріархъ Варнава обратилъ вниманіе Митрополита Сергія на его непослѣдовательность и заявилъ, что если онъ теперь не желаетъ идти по пути, который самъ же предлагалъ раньше, Патріархъ Варнава не можетъ быть больше посредникомъ между нимъ и заграничными іерархами. На это письмо Патріарха Варнавы Митрополитъ Сергій ничего не отвѣтилъ, а написалъ предложеніе своему Синоду запретить священнослуженіе карловацкимъ іерархамъ, при чемъ мотивировалъ свое предложеніе между прочимъ ссылкой на письмо Патріарха Варнавы, не точно изложивъ его содержаніе, и Синодъ выполнилъ его волю своимъ опредѣленіемъ отъ 22 июня 1934 г. (№ 50), а Митрополитъ Елевѣерій поспѣшилъ напечатать опредѣленіе въ своемъ журналѣ (№ 6-7, стр. 57-58) и разослалъ его Главамъ автокефальныхъ Церквей, въ томъ числѣ и Патріарху Варнавѣ” (тамъ же, стр. 172).

Патріархъ Варнава во всемъ этомъ дѣлѣ допустилъ двѣ ошибки. Во-первыхъ онъ упустилъ изъ виду, что М. Сергій дѣйствовалъ не по своей волѣ, а по указанію безбожной власти, которая хотѣла во что бы то ни стало уничтожить свободную и независимую Зарубежную Церковь. Этимъ объясняется отмѣченная С. В. Троицкимъ непослѣдовательность дѣйствій М. Сергія, начавшаго съ заявленія о невозможности карать заграничныхъ іерарховъ и съ согласія на самостоятельное существованіе Зарубежной Церкви, а также съ довѣрительнаго заявленія Митрополиту Елевѣерію, что онъ никогда не подниметъ руку противъ своего учителя и друга Митрополита Антонія, а кончившаго непримиримыми дѣйствіями противъ послѣдняго. Для Патріарха Варнавы это было неожиданностью, ибо ему М. Сергій представлялся благонамѣреннымъ іерархомъ, котораго онъ почиталъ, какъ своего бывшаго учителя. Во-вторыхъ, будучи очень привязанъ къ Митрополиту Антонію и желая оградить его отъ лишнихъ испытаній, Патріархъ Варнава опасался, что актъ М. Сергія съ запрещеніемъ могъ бы поставить Зарубежную Церковь въ очень затруднительное положеніе. На это именно и надѣялись большевики. На самомъ же дѣлѣ, какъ пишетъ С. В. Троицкій, “ни одна Православная Церковь не обратила вниманія на его запрещеніе и не прекратила общенія съ заграничными русскими іерархами” (тамъ же), а Патріархъ Варнава послѣ этого предпринялъ шаги къ посредничеству между раздѣлившимися частями Зарубежной Церкви, которыя въ 1935 году привели къ воссоединенію съ нею церковью въ Сѣв. Америкѣ.

То же наступленіе Совѣтовъ противъ Зарубежной Церкви было поведено съ новой силой послѣ Второй Мировой Войны. Казалось, что общее положеніе всячески благопріятствовало уничтоженію Зарубежной Церкви. Возстановленіе Патріаршества въ Москвѣ и повѣздки Московскихъ іерарховъ при содѣйствіи гражданскихъ властей въ разныя страны у многихъ создавали впечатлѣніе наступившей новой эры въ жизни Русской Церкви. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ Москвѣ Зарубежная Церковь представлялась разбитой.

Окончаніе войны застало Митрополита Анастасія въ Германіи отрѣзаннымъ отъ всѣхъ епархій. Даже почтовые сношенія для него были невозможны, ибо частная заграничная переписка изъ Германіи не допускалась. Судьба Сѣнода была неизвѣстна внѣ Германіи и многіе думали, что онъ больше не существуетъ. Въ “Обращеніи Патріарха Московскаго и всея Руси Алексія къ Архiepастырямъ и клиру т. наз. Карловацкой оріентаціи” отъ 10-го августа 1945 г. говорится о Сѣнодѣ: “Теперь, видимо, этотъ Сѣнодъ болѣе не существуетъ, и всѣ его члены разсѣялись”. Былъ пущень слухъ о смерти Митрополита Анастасія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Москвой былъ достигнутъ большой успѣхъ въ Западной Европѣ. Въ августѣ 1945 года въ Парижъ прибылъ Митрополитъ Николай, которому Митрополитъ Евлогій, Архiepископъ Владиміръ и Епископъ Іоаннъ подали слѣдующее прошеніе на имя Патріарха Алексія: “Сыновне просимъ, покрывъ любовью наше разобщеніе съ Матерью Русскою Церковью, принять насъ съ нашими приходами подъ Вашу отеческую руку въ каноническое объединеніе со всею Русскою Православною Церковью”. Тогда же тѣми же іерархами былъ подписанъ актъ отъ 29 августа 1945 г. за № 21 о томъ, что Митрополитъ Крутицкій Николай совершилъ ихъ “каноническое возсоединеніе съ Матерью Русскою Православною Церковью по общепринятому церковному чину” (“Скорбное Дѣло”. Судебный процессъ Митрополита Владиміра Экзарха Константинопольскаго Патріарха противъ Русской Успенской Церкви при кладбищѣ въ Сентъ Женевиевъ де Буа. Парижъ. 1952 г. стр. 4-5). Добился Митрополитъ Николай путемъ угрозъ присоединенія и бывшего ранѣе въ вѣдѣніи Заграничнаго Архiepрейскаго Сѣнода Митрополита Серафима (Лукиянова).

Менѣе успѣшна была попытка подчинить Москвѣ Сѣверо-Американскій Митрополичій Округъ, возглавлявшійся Митрополитомъ Теофиломъ.

Съ помощью дезинформациі тамъ удалось внести расколъ, отдѣливъ значительную часть его отъ Архiepрейскаго Сѣнода Рус-

ской Православной Церкви Заграницей въ 1946 году на Кливлендскомъ Соборѣ. Это уже былъ успѣхъ для Совѣтовъ, хотя и неполный.

Въ 1945 году, однако, не удалось и это. Вліяніе Митрополита Анастасія остановило Митрополита Теофила, который готовъ былъ повѣрить коренному измѣненію положенія Церкви въ Россіи. Въ Журналѣ засѣданія Большого Архіерейскаго Собора Русской Православной Церкви въ Сѣверной Америкѣ, состоявшагося съ 22 по 25 мая 1945 года значитса, что Митрополитъ Теофилъ “выясняетъ въ подробности ходъ дѣла по посылкѣ делегации въ Москву. Дѣло начато Патріаршимъ Экзархомъ Митрополитомъ Веніаминомъ по каблеграммѣ, полученной отъ Мѣстоблюстителя Патріаршаго Престола Митрополита Алексія”...

Далѣе указывается на дѣйствіе просовѣтской церковной пропаганды на вѣрующихъ въ Америкѣ:

“Съ одной стороны, успѣхи Русскаго народа въ войнѣ съ Германіей, а съ другой стороны, кажущееся улучшение церковной жизни внутри самой Русской Церкви, дали поводъ нѣкоторымъ членамъ Русско-Американской Церкви обращаться къ мѣстнымъ церковнымъ властямъ съ пожеланіемъ немедленно войти въ непосредственное общеніе съ Матерью Церковью. Къ тому же было получено, хотя косвенно, черезъ Митрополита Веніамина, выраженіе пожеланія Патріархіи видѣть нашихъ представителей на Московскомъ Соборѣ участниками избранія Патріарха.”

Представители эти поѣхали, но на Соборъ не были допущены, очевидно изъ опасенія, что они могли бы нарушить тамъ единоегласіе и замѣтить то, чего не замѣчали другіе иностранцы. Но особенно характерно, что въ связи съ переговорами съ Американскимъ Округомъ опять выплыли требованія лояльности къ Совѣтской власти.

Черезъ представителей Американскаго Митрополичьяго Округа, въ числѣ прочихъ условій воссоединенія съ Патріархіей былъ предложенъ и п. 3-ій:

“Соборъ а) выявляетъ рѣшеніе американскихъ православныхъ епархій воссоединиться съ Матерью Церковью Русской; б) декларируетъ отъ лица Американской Православной Церкви отказъ отъ политическихъ выступленій противъ СССР и даетъ соотвѣтствующее объ этомъ распоряженіе всѣмъ приходамъ”.

Тутъ Патріархія явно показала себя, какъ орудіе Совѣтской политики.

Между тѣмъ раннею осенью 1945 г. Митрополитъ Анастасій

получилъ швейцарскую визу и смогъ проѣхать въ Женеву, гдѣ къ тому времени уже находилась братія монастыря изъ Ладоміровой (Словакія). Немедленно все зарубежье было оповѣщено о томъ, что Глава Заграничной Церкви живъ и невредимъ, а затѣмъ было распространено и отвѣтное Посланіе Митрополита Анастасія съ обличеніемъ Патріарха Алексія.

Это смѣлое выступленіе Митрополита Анастасія остановило дальнѣйшее распространеніе совѣтскаго вліянія на русскія церкви зарубежомъ, но не остановило совѣтскихъ интригъ противъ Зарубежной Церкви.

Характерно здѣсь то, что въ отношеніи Заграничной Соборной іерархіи Москва ведетъ ожесточенную борьбу и настаиваетъ на томъ, что она — подъ запрещеніемъ, а въ отношеніи къ іерархіи, которая хотя бы временно признавала послѣвоенную Московскую Патріархію, — она гораздо снисходительнѣе. Казалось бы, что съ чисто церковной точки зрѣнія тѣ іерархи, которые уже состояли въ юрисдикціи Московской Патріархіи, т. е. не сомнѣвались въ ея каноничности, а особенно тѣ, кто, какъ Епископъ Никонъ (Греве) приняли въ ея юрисдикціи хиротонію, должны бы были, отойдя отъ Москвы, подвергнуться болѣе строгой карѣ, чѣмъ тѣ, которые никогда не подчинялись ни Патріарху Сергію, ни его преемнику.

Между тѣмъ, отходъ Митрополита Владиміра и его іерархіи вызвалъ чрезвычайно мягкую реакцію. Въ Указѣ Московской Патріархіи отъ 27 мая 1947 года за № 875 значится всего лишь:

“а) Архіепископа Владиміра и епископовъ Іоанна и Никона исключить изъ іерархіи Русской Церкви; кромѣ того Епископа Никона лишить права именоваться Епископомъ Сергіевскимъ, право на каковое именованіе онъ получилъ отъ Русской Церкви, какъ викарный Экзархъ Московской Патріархіи.

б) Указанныхъ Архіепископа и Епископовъ, равно какъ и все примкнувшее къ нимъ духовенство лишить права именоваться священнослужителями Русской Православной Церкви.

в) Всему отдѣлившемуся и вслѣдствіе этого лишившемуся церковнаго общенія съ Русскою Православною Церковью духовенству предписать прекратить, какъ лицемѣрное дѣйствіе, возношеніе имени Патріарха Московскаго и всея Руси Алексія” (Скорбное Дѣло”, стр. 33).

Оторвавшись отъ Русской Церкви и перейдя въ иную юрисдикцію, іерархи “нейтрализуются”, дѣлаются безвредными для Совѣтской власти, которая и перестаетъ требовать карательныхъ

актовъ противъ нихъ. Послѣдніе въ общеніи съ иными Церквами являются хотя и русскими, но представителями Константинопольскаго Патріархата. Іерархи же Русской Православной Церкви Заграницей напротивъ — всегда являются свидѣтелями гоненія на религію въ СССР — самымъ фактомъ своего существованія въ изгнаніи. Отсюда такая непримиримость въ отношеніи къ нимъ и стремленіе нанести имъ ущербъ хотя бы приѣмомъ недостойныхъ духовныхъ лицъ изъ ихъ юрисдикціи въ юрисдикцію Москвы.

Иногда въ работѣ противъ Заграничной Церкви непосредственно выступаетъ и совѣтская гражданская власть. Такъ напримѣръ, 10 февраля 1954 года газета “Le Journal d’Egypte” сообщила: “Его Блаженство Христофоръ II греко-православный Патріархъ, который нѣсколько дней находится въ Каирѣ, вчера утромъ въ помѣщеніи Патріархіи принялъ представителя Русскаго Посольства. Разговоръ продолжался около часа и касался вопросовъ, интересующихъ православныхъ во всей Африкѣ, а именно русскихъ православныхъ церквей въ Марокко и бѣлыхъ русскихъ въ Соединенныхъ Штатахъ, которые, какъ извѣстно, не зависятъ ни отъ Вселенскаго Патріархата, ни отъ Московскаго Престола.” Въ этомъ случаѣ явно обнаружилось — откуда идетъ борьба противъ Зарубежной Церкви.

Заграничная іерархія больше всего мѣшаетъ на Западѣ Совѣтской пропагандѣ, стремящейся доказать, что положеніе религіи при коммунизмѣ не только не хуже, но даже чуть ли не лучше, чѣмъ при Царяхъ. Священникъ М. Зерновъ въ № 1 Журнала Московской Патріархіи за 1946 г., говоря о выборахъ въ Верховный Совѣтъ СССР, такъ писалъ о положеніи Церкви:

“Дѣйствительно, гдѣ, въ какой странѣ Церковь такъ свободна отъ государственныхъ путей и политическихъ интригъ? Гдѣ государство, ничего не требуя отъ Церкви, окружаетъ ее такимъ вниманіемъ?”...“Лучшихъ, болѣе соответствующихъ духу и буквѣ христіанства отношеній нѣтъ на землѣ и быть не можетъ”.

Въ пропагандной книгѣ, изданной Московской Патріархіей въ 1958 г. на нѣсколькихъ языкахъ подъ заглавіемъ “Русская Православная Церковь” на стр. 24-й читаемъ:

“Царскіе законы совершенно отрицали свободу совѣсти. Только побѣдой Великой Октябрьской социалистической революціи былъ положенъ конецъ вѣковой царско-самодержавной опеки надъ совѣстью гражданъ, только при Совѣтской власти Церковь была отдѣлена отъ Государства и школа отъ Церкви и установлены дѣйствительная свобода совѣсти и подлинная вѣротерпимость.”

Впрочемъ даже при всѣхъ дифирамбахъ свободѣ Церкви въ СССР авторы вышеупомянутой книги не могли обойти молчаніемъ тѣхъ извѣстій о преслѣдованіи церковниковъ и стѣсненіи свободы совѣсти, которыя проникли за границу. И, конечно, то и другое въ книгѣ нагло отрицается:

“Въ нѣкоторыхъ заграничныхъ кругахъ нѣкоторыми враждебно относящимися къ СССР лицами распространялась и распространяется клевета о стѣсненіи будто бы свободы совѣсти въ Совѣтскомъ Союзѣ, распространялась и распространяется ложь о томъ, что въ нашей странѣ духовенство и вѣрующіе якобы подвергались и подвергаются преслѣдованіямъ, въ томъ числѣ и судебнымъ, со стороны государственныхъ органовъ за свою религіозную дѣятельность. Эта ложь и клевета категорически и давно опровергнуты, въ частности и самую Церковь” (тамъ же).

Иностранному читателю внушается т. о. отъ имени самой Церкви, что разговоры о преслѣдованіяхъ въ СССР есть ложь и клевета. Однако, этотъ читатель могъ слышать объ арестахъ и о ссылкахъ священнослужителей. Поэтому дается ему и объясненіе. Тамъ же приводится выдержка изъ книги “Правда о религіи въ Россіи”:

“За годы послѣ Октябрьской революціи въ Россіи, читаемъ мы въ указанной выше книгѣ (стр. 26-27), — бывали неоднократные процессы церковниковъ. За что судили этихъ церковныхъ дѣятелей? Исключительно за то, что они, прикрываясь рясой, и церковнымъ знаменемъ, вели антисовѣтскую работу. Это были политическіе процессы, отнюдь не имѣвшіе ничего общаго съ чисто церковною жизнью религіозныхъ организацій и чисто церковной работой отдѣльныхъ священнослужителей. Православная Церковь сама громко и рѣшительно осуждала такихъ своихъ отщепенцевъ измѣняющихъ ей открытой линіи честной лояльности по отношенію Совѣтской власти.”

Такъ Московская *церковная* власть отрекается отъ всѣхъ нашихъ мучениковъ за вѣру, заявляя, что они якобы подвергались преслѣдованію *исключительно* за то, что вели антисовѣтскую работу. Гонители вѣры оказываются оправданными со стороны тѣхъ, кои должны были бы быть ея защитниками.

Тутъ вновь повторяется та же ложь, какую вынужденъ былъ произносить Митрополитъ Сергій съ четырьмя членами Синода въ своемъ заявленіи корреспонденту “ТАСС’а” отъ 15-го февраля 1930 года. Тогда утверждалось будто “въ Совѣтскомъ Союзѣ никогда не было и въ настоящій моментъ не происходитъ никакихъ религіозныхъ преслѣдованій”, что “церкви закрываются не по

приказу властей, а по желанію населенія, а во многихъ случаяхъ даже по рѣшенію вѣрующихъ”, что “священники сами виноваты, что не пользуются предоставленной имъ свободой проповѣди”, и что “Церковь сама не хочетъ имѣть духовно-учебныхъ заведеній” (“Бѣднота” отъ 16 февр. 1930 г.). Эти заявленія съ возмущеніемъ цитируетъ и С. В. Троицкій въ своей книгѣ “Размежеваніе или Расколъ” (Парижъ, 1932 г. стр. 86-87).

Ложь, имѣющую свою цѣлью представить въ розовомъ свѣтѣ положеніе Церкви въ Россіи, особенно усердно распространялъ за границей находящійся нынѣ въ немилости Митрополитъ Николай. Будучи въ Парижѣ въ 1945 г., онъ дошелъ до того, что Предсѣдателя Совѣта по Дѣламъ Православнаго Исповѣданія коммуниста Г. В. Карпова называлъ очень культурнымъ и “церковнымъ” человѣкомъ. Онъ говорилъ, что черезъ этотъ Совѣтъ “получены нужныя помѣщенія для духовно-учебныхъ заведеній и огромная типографія со шрифтами славянскимъ, греческимъ, латинскимъ и русскимъ, которая будетъ именоваться Патріаршей типографіей. Съ осени въ ней, въ первую голову, начнется печатаніе книгъ Священнаго Писанія, богослужебныхъ и церковныхъ книгъ, а также многихъ богословскихъ трудовъ”. (“Дни примиренія”. Митрополитъ Николай въ Парижѣ. Сборникъ матеріаловъ подъ редакціей М. Курдюмова и Н. Полторацкаго. Парижъ. 1946 г. стр. 22). Онъ далѣе заявилъ, что “если преподаваніе Закона Божія и богословскихъ наукъ начинается только съ 18-лѣтняго возраста, ничто не препятствуетъ преподаванію Закона Божія дѣтямъ, какъ въ семьяхъ, такъ и при церквахъ священниками, что и дѣлается повсемѣстно” (тамъ же, стр. 23).

Все это было неправдой. Никакой типографіи Московская Патріархія не получила и доселѣ. Преподаваніе Закона Божія даже на дому почти не практикуется, ибо оно даетъ основаніе обвинять священника въ веденіи *запрещенной закономъ религіозной пропаганды* и опасно для родителей. Въ корреспонденціи очень осведомленнаго и осторожнаго въ сообщаемыхъ имъ данныхъ спеціального корреспондента Лондонскаго “Таймса” говорится, что “если священникъ подготавливаетъ молодого человѣка къ тому, чтобы стать студентомъ, готовящимся къ священству, то по новой политикѣ, — онъ виновенъ “въ веденіи религіозной пропаганды и подлежитъ заключенію на срокъ отъ одного до трехъ лѣтъ. Это тяжелое наказаніе, заставляющее многихъ священниковъ воздерживаться отъ наставничества” (Russian Orthodox Ordeal. Times, 13 февраля 1961 года).

Что касается издательства, то Московская Патриархія и теперь еще не имѣетъ своей типографіи. Единственная большая книга на русскомъ языкѣ не пропаганднаго характера, которую удалось издать въ Москвѣ много позднѣ приведенныхъ заявленій Митрополита Николая, это — Библия. Ни одного ученаго богословскаго труда при наличіи двухъ духовныхъ академій Церковь не могла издать и донинѣ.

Черезъ 10 лѣтъ послѣ заявленія М. Николая посѣщавшій Москву съ делегацией Совѣта Церквей П. Ф. Андерсонъ въ отчетѣ объ этой поѣздкѣ отмѣчаетъ крайнюю ограниченность религиозной литературы въ СССР.

“Мы узнали, пишетъ онъ, что фактически единственной литературой, вышедшей до сихъ поръ или намѣченной Церковью къ напечатанію является то, что касается богослуженія или церковной исторіи, не считая книгъ и статей “въ защиту мира”. Проф. Георгіевскій составилъ замѣчательное Руководство къ совершенію Литургіи. Наборъ 22-хъ книгъ, требующихся для полного круга богослуженій Православной Церкви, намѣченъ къ напечатанію” (The Christian Century 18 апрѣля, 1956 г. стр. 482).

Кстати можно замѣтить, что эти 22 книги не вышли и доселѣ, какъ неизвѣстны намъ и книги по церковной исторіи, изъ области которой печатались только статьи въ Журналѣ Московской Патриархіи. О маломъ распространеніи и этихъ немногочисленныхъ изданій пишетъ тотъ же П. Ф. Андерсонъ:

“Вопросъ, который мы задали, и отвѣтъ нами полученный, дѣлаютъ яснымъ печальное положеніе. “Какъ вы продаете эти религиозныя книги?” — “У свѣчнаго ящика”. Не существуетъ свободной продажи, потому что это было бы “пропагандой”, которая запрещена закономъ. Я сравнилъ тиражъ трехъ антирелигиозныхъ книгъ изъ моей личной бібліотеки: “Матеріализмъ и религія” 136 стр. — 150.000 экземпляровъ. “Знаніе противъ вѣры въ Бога”, 63 стр. — 200.000 экземпляровъ. “Краткій философскій словарь”, 567 стр. — 500.000 экземпляровъ” (тамъ же).

Пропаганда о якобы благополучномъ положеніи Церкви въ Россіи ведется разными путями. Въ первые годы послѣ Второй Великой Войны особенное впечатлѣніе на иностранцевъ и на неустойчивыхъ эмигрантовъ производило то, что представителямъ Московской іерархіи, пріѣзжавшимъ за границу, оказывался почетъ со стороны Совѣтскихъ Посольствъ.

Когда въ маѣ и іюнѣ 1945 года Патриархъ Алексій путешествовалъ по Востоку, то Совѣтское Правительство предоставило ему спеціальнй самолетъ, управляемый героемъ Совѣтскаго Союза

Новиковымъ. Всюду, гдѣ были сов. посольства, чины послѣдняго встрѣчали Патріарха. Въ Ливанѣ Посольство устраивало въ его честь пріемъ (Журналъ Моск. Патріархіи за 1945 г. № 9).

Въ томъ же 1945-мъ году 24-го августа въ Парижъ прибылъ Митрополитъ Николай. Митрополитъ и его спутники были помѣщены въ Совѣтскомъ Консульствѣ, въ распоряженіе его былъ данъ посольскій автомобиль. Богомолловъ устроилъ въ Посольствѣ въ честь Митрополита торжественный пріемъ (“Дни примиренія”. Митрополитъ Николай въ Парижѣ. Парижъ. 1946 г. стр. 12).

Такимъ же почетомъ былъ окруженъ при новомъ посѣщеніи Востока въ 1961 году Патріархъ Алексій. Онъ прибылъ со свитой на Совѣтскомъ аэропланѣ и во всѣхъ посѣщаемыхъ имъ странахъ онъ былъ на положеніи почетнаго гостя, пользующагося вниманіемъ и полнымъ содѣйствіемъ Совѣтскихъ дипломатовъ.

Уже одно это обстоятельство свидѣтельствуетъ о томъ, что всѣ совершаемыя Московскими іерархами заграничныя поѣздки соотвѣтствуютъ планамъ Совѣтскаго Правительства. Въ тоталитарномъ государствѣ, какимъ является Совѣтскій Союзъ, при другихъ условіяхъ такія поѣздки и дипломатическія почести невозможны.

Кстати слѣдуетъ замѣтить, что пропаганда черезъ Церковь широко ведется черезъ приглашеніе въ Совѣтскую Россію представителей другихъ Православныхъ и инославныхъ Церквей. Тамъ имъ оказывается широкое гостепримство, дѣлаются иногда цѣнные подарки и непременно получаютъ подписанныя гостями заявленія о томъ, какъ все замѣчательно хорошо въ странѣ Совѣтовъ. Такія заявленія можно читать почти въ каждомъ номерѣ Журнала Московской Патріархіи. Въ нихъ часто проскальзываетъ политическая цѣль, ради которой ихъ приглашаютъ въ Москву.

Возьмемъ, на примѣръ, № 8 Журнала Моск. Патріархіи за 1960 годъ. Въ официальной части помѣщено письмо Оскара Рундбломъ съ благодарностью Митрополиту Николаю:

“Благодарю Васъ сердечно за билетъ и за всѣ цѣнные подарки... Здѣсь, дома, рассказываю я часто о духовной жизни въ Совѣтскомъ Союзѣ. Слушатели очень удивляются и радуются. Я надѣюсь, что люди здѣсь, въ Швеци, станутъ больше интересоваться Церковью и народомъ Вашей страны” (стр. 6).

Блаженнѣйшій Феодосій, Патріархъ Антиохійскій, въ отвѣтъ на просьбу сотрудника Журнала Моск. Патріархіи Ведерникова “выразилъ свое искреннее восхищеніе успѣхами Совѣтскаго Союза во всѣхъ областяхъ и особенно подробно остановился на своихъ впечатлѣніяхъ о церковной жизни... Очень хорошо, что Московская

Патріархія имѣеть мастерскія для изготовленія церковной утвари. Вы видите на мнѣ крестъ прекрасной работы, поднесенный мнѣ въ Антиохійскомъ Подворьѣ. Этотъ крестъ сдѣланъ въ мастерскихъ Московской Патріархіи” (стр. 20).

Архимандритъ Сирійской Церкви Афрамъ Абоуди сказалъ:

“Я впервые и съ радостью вступаю на русскую землю. Въ Стокгольмѣ я познакомился съ Митрополитомъ Николаемъ, онъ меня называлъ своимъ сыномъ, а я его своимъ отцомъ, онъ много мнѣ рассказывалъ хорошаго о жизни Русской Церкви и народа. Теперь я имѣю счастье лично побывать въ Россіи. Цѣль моего пріѣзда — всесторонне ознакомиться съ жизнью Русской Православной Церкви и съ жизнью совѣтскаго народа и обо всемъ рассказать своимъ соотечественникамъ. Въ Иракѣ до послѣдняго времени враги мира изъ западныхъ странъ всячески стараются опорочить въ глазахъ Иракскаго народа жизнь совѣтскихъ людей” (стр. 31).

Въ томъ же духѣ въ томъ же номерѣ напечатано еще нѣсколько заявленій иностранныхъ гостей. У нихъ создается впечатлѣніе о томъ, что Церковь находится подъ полнымъ покровительствомъ Правительства и что, слѣдовательно, для религіи не такъ ужъ было бы и опасно, если бы въ ихъ странахъ власть перешла къ коммунистамъ.

Замѣтимъ, между прочимъ, что когда этимъ гостямъ въ Москвѣ или въ ихъ странахъ дарятъ драгоценные панакіи и кресты, то получаютъ они для этого отъ гражданской власти изъ числа реквизированныхъ святынь. Всѣ церковныя цѣнности давно конфискованы властями и Церкви даютъ только въ пользованіе. Она сама не вправѣ дѣлать цѣнныхъ подарковъ изъ государственнаго имущества. Не понимаютъ этого только наивные иностранные гости.

В. И. Алексѣевъ написалъ очень интересное, напечатанное ротаторнымъ путемъ, изслѣдованіе подъ названіемъ “Иностранная политика Московскаго Патріархата 1939-1953.”*). Въ этой работѣ дается весьма тщательная сводка относящагося къ предмету изслѣдованія матеріала, преимущественно взятаго изъ Журнала Московской Патріархіи. В. И. Алексѣевъ прослѣдилъ всѣ виды служенія Московской Патріархіи внѣшней политикѣ Совѣтскаго правительства за указанныя въ заглавіи годы. Онъ пришелъ къ выводу, что то, что многимъ казалось большимъ успѣхомъ Русской Церкви, на самомъ дѣлѣ было успѣхомъ использовавшихъ

*) Заглавіе значитъ по англійски — “The Foreign Policy of The Moscow Patriarchate, 1939 - 1953. Издано Research Program on The USSR. N. Y. 1955.

ее Совѣтовъ. И совершенно справедливо В. И. Алексѣевъ дѣлаетъ слѣдующее заключеніе:

“Соборъ 1945-го года былъ прежде всего громаднѣмъ внѣшне-политическимъ достиженіемъ Совѣтскаго Союза. Подавляющее большинство церквей православнаго міра признало Московскую Патріархію и Московскаго Патріарха полноцѣнными представителями Русской Православной Церкви. Послѣдствія этого были очень велики:

1. Косвенно апробировалась роль Московской Патріархіи, какъ защитницы коммунистической диктатуры;

2. Наносился прямой ударъ по внутренней религіозной оппозиціи, по Катакомбной Церкви, не признававшей Московскаго Патріарха и Московскую Патріархію;

3. Наносился такой же моральный ударъ по внѣшней оппозиціи — по церквамъ эмигрантскимъ, хотя и въ разной степени, но не признававшихъ Московскую Патріархію;

4. Становились въ очень тяжелое положеніе православныя церкви въ странахъ сателитовъ. Почти всеобщее признаніе Московской Патріархіи толкало ихъ на такой же путь полной зависимости отъ коммунистической власти;

5. Вводилось въ заблужденіе міровое общественное мнѣніе, для котораго признаніе дѣйствительной свободы совѣсти въ СССР являлось гарантіей либеральныхъ перемѣнъ коммунистическаго строя;

6. Для коммунистической власти открывалась широчайшая возможность вліянія черезъ Московскую Патріархію на свободный православный міръ, на православныхъ въ странахъ сателлитахъ и на собственный народъ, показавшій во время войны, что вѣра въ немъ не убита” (стр. 203).

В. И. Алексѣевъ справедливо отмѣчаетъ, что частые пріѣзды за границу представителей Московской Патріархіи, окруженныхъ почетомъ, показывали мѣстнымъ іерархамъ, — чего можно достигнуть, идя на сдѣлку съ коммунизмомъ.

“Всеу духовенству странъ сателитовъ прививалась мысль не только о возможности сосуществованія коммунизма и православія, но и о гармоніи между ними при своеобразномъ раздѣленіи задачъ — Церкви давалась возможность говорить о Царствѣ Божіемъ на небѣ, коммунизмъ же оставлялъ за собою монополию созданія рая на землѣ. Для осуществленія такой гармоніи Церковь должна была отказаться отъ воспитанія молодежи, ограничивая свою дѣятельность богослуженіемъ и подготовкой кадровъ священнослужителей новаго образца. За отказъ отъ воспитанія дѣтей въ христіанскомъ духѣ она “компенсировалась” возможностью легальнаго существованія и “правомъ” поддержки политическихъ мѣропріятій коммунистическихъ правительствъ” (стр. 204).

Представители Церкви должны были полностью включиться въ т. н. борьбу за миръ, которою лживо прикрывается Совѣтская агрессія во всемъ мірѣ. Конечно, ни одинъ христіанинъ не можетъ сказать, что плохо, когда господствуетъ внѣшній миръ, и что надо желать войны. Однако, въ данномъ случаѣ дѣло не въ этомъ, а въ использованіи Церкви для чисто политической пропаганды въ т. н. холодной войнѣ.

Населеніе земного шара не можетъ не опасаться войны, которая теперь грозитъ міру небывалыми жертвами и бѣдствіями. Но въ виду существованія атомнаго оружія ни одна великая держава не можетъ отъ него отказаться, чтобы не стать слабѣе другихъ, ибо немоцное состояніе вынуждаетъ подчиняться любому требованію враждебной страны. Отсюда самое сохраненіе мира вызываетъ необходимость вооруженія.

Большевики у себя не показываютъ никакого намѣренія упразднить это оружіе. Напротивъ, Хрущевъ открыто угрожалъ примѣненіемъ его Соединеннымъ Штатамъ въ послѣдній свой приѣздъ въ Нью Йоркъ и свидѣтельствовалъ объ усовершенствованномъ состояніи его въ СССР. Но всякое проявленіе неуступчивости Запада и его готовность защищать ту или иную страну отъ коммунизма онъ въ своей пропагандѣ представляетъ не какъ оборону, а какъ агрессию.

Коммунистическая пропаганда мира есть великая ложь нашего времени, направленная къ разслабленію Запада и къ подрыву его способности сопротивляться коммунистическому наступленію. Эта пропаганда должна дѣйствовать на людей благонамѣренныхъ, а не на коммунистовъ. Она должна такъ настроить общественное мнѣніе, чтобы въ демократическихъ государствахъ создать затрудненія трезвымъ правительствамъ въ проведеніи ихъ военно-оборонительной программы и вмѣстѣ съ тѣмъ расположить къ Совѣтамъ нейтральныя націи.

В. И. Алексѣевъ съ полнымъ основаніемъ замѣчаетъ, что когда началась коммунистическая агрессія въ Корей, кампанія борьбы за миръ на страницахъ Журнала Московской Патріархіи достигла своего апогея (тамъ же стр. 134).

3-го марта 1950 года Патріархъ Алексій обратился ко всѣмъ Главамъ автокефальныхъ Церквей съ призывомъ ихъ къ совмѣстному участию въ борьбѣ за миръ.

“Подъ этимъ, писалъ онъ, мы разумѣемъ Ваше согласіе на совмѣстныя выступленія въ защиту мира, на организацию совѣщаній представителей Помѣстныхъ Церквей по выработкѣ совмѣстныхъ

дѣйстви́й для защиты мира” (Журналъ Моск. Патріархіи № 3 за 1950 г., стр. 3-5).

Но далеко не всѣ Патріархи отвѣтили благопріятно на эту попытку сдѣлать ихъ орудіемъ Совѣтской пропаганды.

Въ томъ же 1950-мъ году Московская Патріархія приняла дѣятельное участіе въ собираніи подписей подь Стокгольмскимъ воззваніемъ Постояннаго Комитета Всемирнаго Конгресса Сторонниковъ Мира. Патріархъ призвалъ свою паству покрыть своими подписями этотъ документъ въ своемъ особомъ обращеніи отъ 29-го августа 1951 года (Журналъ Моск. Патріархіи № 3, 1951 г.). Воззваніе было выпущено за три мѣсяца до нападенія коммунистовъ на Корею.

Тотъ фактъ, что Верховный Совѣтъ СССР постановилъ всемѣрно поддерживать эту акцію, указываетъ на то, что она проводилась въ интересахъ Совѣтской политики.

О томъ какъ эту акцію развивали во всемъ мірѣ, стараюсь вовлекать въ нее духовенство, интересныя свѣдѣнія содержатся въ хорошо документированной книгѣ “Коммунизмъ и Церкви” (“Communism and the Churches” Ralph Lord Ray. гл. XII. Нью Йоркъ 1960 г.).

Мнѣ нѣтъ необходимости въ этой работѣ подробно останавливаться на всѣхъ выступленіяхъ Московской Патріархіи въ пропагандѣ именемъ мира: они до 1955 г. перечислены въ упомянутомъ уже обстоятельномъ трудѣ В. И. Алексѣева, а частью въ обстоятельномъ докладѣ Епископа Лосъ-Анжелосскаго Антонія Архіерейскому Собору 1959 г. “О положеніи Церкви въ Совѣтской Россіи и о духовной жизни Русскаго Народа” (Джорданвилль. 1960 г. стр. 18-24).

Однако, для примѣра надо указать на совершенно необычную для Православной Церкви Конференцію въ защиту мира бывшую 9-12 мая 1952 г. въ Троице-Сергіевской Лаврѣ. Никогда никакому православному іерарху не могла бы придти въ голову мысль объ устройствѣ въ Лаврѣ такой чисто политической по своимъ цѣлямъ конференціи и съ участіемъ не только представителей разныхъ христіанскихъ исповѣданій, но и сектантовъ, іудеевъ, мусульманъ и буддистовъ. Предсѣдательствовалъ на этой конференціи Митрополитъ Крутицкій Николай, но выступалъ тамъ съ рѣчью и Патріархъ Алексій, который пригласилъ въ президіумъ въ числѣ другихъ и безбожника-коммуниста Тихонова — предсѣдателя Совѣтскаго Комитета Мира. Въ своей рѣчи Патріархъ говорилъ о непрестанной работѣ всѣхъ исповѣданій въ СССР въ

пользу мира и в то же время сдѣлать отнюдь не мирный клеветнический выпадъ противъ Запада.

“Несправедливая война в Кореѣ, сказалъ онъ, употребленіе бактериологической войны какъ в Кореѣ, такъ и в Китаѣ, приготовленіе къ новой міровой войнѣ — это факты, которые не могутъ быть названы иначе, чѣмъ преступленіемъ противъ любви и правды и не можетъ быть сомнѣнія в томъ, что борьба противъ этихъ преступленій должна быть обязательнымъ и священнымъ долгомъ всякаго вѣрующаго человѣка именно вслѣдствіе его вѣры” (Conference in Defence of Peace of all Churches and Religions Associations in The USSR. Изданіе Московской Патріархіи, 1952 г. стр. 30).

Большую и лживую чисто политическую рѣчь произнесъ Митрополитъ Николай, коснувшійся Стокгольмскаго Воззванія, подписаніе котораго по приходамъ, кстати сказать, было обязательнымъ. Не обошлось и у него безъ рѣзкихъ выпадовъ противъ Запада.

“Когда Американскіе каннибалы, говорилъ онъ, прибѣгли къ бактериологической войнѣ противъ Корейскаго и Китайскаго народовъ, наша Церковь заявила возмущенный протестъ, который былъ опубликованъ в печати 21 марта 1952 г.” (тамъ же, стр. 69).

Митрополитъ Николай еще болѣе безсовѣстно клеветалъ на американцевъ выступая на Всемирной Конференціи Мира в Берлинѣ 23-го февраля 1951 года. Ему напомнили объ этомъ, когда онъ в 1956 г. прибылъ в Америку. “Мы договорились, отвѣтилъ онъ съ улыбкой, что мы не будемъ вспоминать прошлаго, а будемъ говорить только о будущемъ” (“New York Times”, 2 іюня 1956 г.).

Всѣ эти эпизоды были далеко не единичными: Церковь все время используется Совѣтами для пропаганды противъ Запада. В 1959 г., в № 8 Журнала Московской Патріархіи помѣщена редакціонная статья (безъ подписи), изъ которой видно — какъ вся Церковь втягивается в эту лживую, чисто политическую акцію коммунистической партіи.

“Во всѣхъ епархіяхъ Русской Православной Церкви единодушно отозвались на починъ Святѣйшаго Патріарха Алексія и неутомимаго борца за миръ всего міра Митрополита Крутицкаго и Коломенскаго Николая. Всюду созывались собранія, принимались постановленія о необходимости особой христіанской бдительности и активности в эти отвѣтственные мѣсяцы, когда рѣшается вопросъ о преодолѣніи такъ называемой “холодной войны” и о смягченіи и разрядкѣ столь опасной для человѣчества напряженности. В епархіальныхъ центрахъ правящіе архіереи выступали на собраніяхъ

своихъ благочинныхъ и настоятелей городскихъ храмовъ, предлагая имъ довести до свѣдѣнія духовенства документы, принятые на послѣдней сессіи Всемирнаго Совѣта Мира. Отъ Карпатъ до Тихоокеанскаго побережья, отъ Бѣлаго моря до Каспійскаго прозвучаль въ эти недѣли голосъ Русской Православной Церкви” (стр. 48).

Характерна еще одна фраза въ этомъ отчетѣ объ использованіи Церкви въ дѣлѣ пропаганды: “Вмѣстѣ со всѣмъ совѣтскимъ народомъ мы требуемъ немедленнаго и полнаго прекращенія испытаній ядернаго оружія и полнаго запрещенія его на вѣчныя времена” (тамъ же, стр. 51).

Къ кому обращено это требованіе? — Только къ Западу. Большевицкая пропаганда старается внушить, что только отъ послѣдняго зависитъ упраздненіе атомнаго оружія, и что сами большевики тутъ не при чемъ. Между тѣмъ, кто, какъ не Хрущевъ, угрожалъ этимъ оружіемъ Америкѣ?

Къ пропагандѣ “борьбы за миръ” теперь прибавилась еще пропаганда и “противъ колоніализма”. Въ январскомъ номерѣ Журнала Московской Патріархіи за 1961 г. помѣщенъ рядъ заявленій епископовъ и клириковъ, свидѣтельствующихъ объ ихъ участіи въ этой пропагандѣ коммунистовъ. Совѣтская пропаганда съ принятіемъ Московской Патріархіи въ Міровой Совѣтъ Церквей найдетъ себѣ въ послѣднемъ новое широкое поле для своего распространенія. “Русская Православная Церковь активно готовится къ Всемирному Общехристіанскому Конгрессу, — сообщилъ корреспонденту ТАСС’а епископъ Никодимъ. Онъ выразилъ надежду, что участники этого конгресса, собравшись на евангельскихъ началахъ, обсудятъ всѣ вопросы современности — разоруженіе, отношеніе христіанъ къ колоніализму и др.”

Используется Церковь и въ совѣтской акціи по репатріаціи бѣженцевъ. Эта пропаганда, начатая въ 1945 г. Митрополитомъ Николаемъ во время его перваго пребыванія въ Парижѣ, продолжалась затѣмъ рядомъ представителей Патріархіи. Къ недѣлѣ Православія — было приурочено и особое “Обращеніе Священнаго Синода Русской Православной Церкви ко всѣмъ чадамъ, пребывающимъ въ разсѣяніи и внѣ ограда Матери-Церкви”. Въ этомъ воззваніи Патріархія старается показать, что положеніе Церкви въ СССР — блестящее: “Въ Совѣтскомъ Союзѣ, въ силу закона, Церковь свободна въ своемъ внутреннемъ устроеніи; всѣ религіозныя объединенія здѣсь равны передъ Государствомъ. Государство обезпечиваетъ религіознымъ объединеніямъ свободу самоуправленія. Духовенство и вѣрующіе являются полноправными гражда-

нами и принимаютъ активное участіе въ жизни страны на общихъ основаніяхъ. Въ Совѣтскомъ Государствѣ не допускается ущемленія гражданскихъ правъ вѣрующихъ”. Въ доказательство якобы существующей полной свободы Церкви указывается на то, что ее посѣщали Главы автокефальныхъ Церквей, которые де, если бы она была несвободной, “неизбѣжно отмѣтили бы это обстоятельство”. Дѣйствительно, какъ уже отмѣчено выше, въ связи съ этими посѣщеніями почти всегда печатаются похвалы по адресу совѣтскаго режима отъ пріѣзжающихъ иностранныхъ гостей и ихъ восторгъ отъ благополучія Церкви. Передъ отъѣздомъ ихъ изъ Москвы ихъ неизмѣнно посѣщаютъ сотрудники Московской Патриархіи и задаютъ имъ наводящіе вопросы. Неудобно обласканнымъ и получившимъ цѣнные подарки гостямъ говорить что либо нехорошее о положеніи Церкви, особенно, когда ихъ спрашиваютъ сами хозяева. Вотъ совѣтскіе журналисты и записываютъ ихъ “восторженные” впечатлѣнія. Но намъ извѣстны нѣкоторые негласныя свидѣтельства ихъ о замѣченномъ ими угнетеніи Церкви со стороны совѣтскихъ гонителей вѣры.

Патріархъ и члены Синода не ограничиваются своимъ расхваливаніемъ положенія Церкви въ СССР. Они повторяютъ и тотъ мотивъ, который встрѣчается почти во всѣхъ совѣтскихъ призывахъ къ репатріаціи; они говорятъ о томъ, что бѣженцевъ “ждутъ отцы, матери, жены, дѣти, братья, сестры и ихъ ближніе”, и наконецъ говорятъ объ амнистіи совѣтскимъ гражданамъ, “сотрудничавшимъ съ нѣмецко-фашистскими оккупантами въ періодъ Великой Отечественной Войны 1941-1945 гг.”

Но Патріархъ Алексій и другіе епископы, подписавшіе обращеніе къ бѣженцамъ въ пользу репатріаціи, не могутъ не знать — какова была судьба репатріированныхъ эмигрантовъ, изъ коихъ не малое число было соблазнено той привлекательной картиной жизни въ СССР, которую рисовалъ имъ въ Парижѣ Митрополитъ Николай.

Инженеръ С. Апельбаумъ красочно описывалъ въ “Русской Мысли” печальную судьбу репатріированныхъ эмигрантовъ, сосланныхъ вмѣстѣ съ нимъ въ лагери по обвиненію въ измѣнѣ Родинѣ. “Русскіе эмигранты въ Парижѣ, закончилъ онъ свою статью, больше никогда не увидятъ своихъ друзей, звѣрски замученныхъ въ совѣтскихъ концентраціонныхъ лагеряхъ”. (“270 сутокъ съ Парижскими эмигрантами въ камерѣ № 13”. Русская Мысль. Парижъ. 3-го мая 1961 года).

А вотъ на удачу привожу одинъ случай изъ судьбы репатріированныхъ послѣ “амнистіи” 1956-го года. Въ номерѣ отъ 17

октября 1958-го года “Новое Русское Слово” (Нью Йоркъ) сообщило, что въ редакцію было доставлено изъ Зап. Германіи письмо, полученное недавно отъ женщины, вернувшейся “на Родину” по совѣту ген. Михайлова. Мужъ ея былъ врачомъ, а она — актриса. Въ Комитетѣ Михайлова ихъ завѣрили, что Родина ихъ приметъ съ распростертыми объятіями, дастъ работу по специальности. Михайловъ лично гарантировалъ имъ, что работу имъ дадутъ въ родномъ городѣ — Казани.

“Недавно ихъ друзья по лагерю, оставшіеся въ Германіи, получили изъ глухой мѣстности Сибири письмо, написанное эзоповскимъ языкомъ. Въмѣсто Казани попали они въ районъ, гдѣ зима царить отъ 7-ми до 8-ми мѣсяцевъ въ году. Мужъ приказалъ долго жить, причина смерти не указана. О себѣ Локтева сообщаетъ, что работаетъ, но не въ театрѣ, а въ другой области. Какъ наибольшее достиженіе: лѣтомъ засѣяла грядку на огородѣ и надѣется имѣть немного собственныхъ огурцовъ”.

Въ недавнее время подобныхъ и болѣе трагическихъ писемъ немало было получено разными лицами отъ своихъ репатрировавшихся родственниковъ. Бывали сообщенія и въ совѣтской прессѣ о суровомъ судѣ надъ лицами, которые возвратились въ Совѣтскій Союзъ, соблазненные объявленіемъ объ амнистіи 1957 года.

Когда такихъ несчастныхъ жертвъ заманиваютъ на Родину совѣтскіе чекисты вродѣ генерала Михайлова, то въ этихъ случаяхъ слѣдуетъ винить собственное неразуміе соблазненныхъ, наивно повѣрившихъ словамъ сатанистовъ. Но что можно сказать о томъ, когда въ совѣтскую ловушку заманиваютъ іерархи, подписывая отъ имени Церкви посланіе Синода съ призывомъ къ возвращенію на Родину? Какъ низко надо пасть въ своемъ угодническомъ служеніи безбожному правительству, чтобы рѣшиться на участіе въ такомъ подломъ, жестокомъ, а иногда и кровавомъ дѣлѣ!

Истинной Церкви Христовой — не мѣсто въ этой фальшивой пропагандѣ, но Московская Патріархія принуждена въ ней участвовать, вслѣдствіе своего соглашения съ Совѣтской властью.

Она принуждена также участвовать и въ пропагандѣ при проведеніи выборовъ въ Совѣты. Вотъ какъ писалъ объ этомъ священникъ М. Зерновъ въ № 1 Журнала Московской Патріархіи за 1946 г.:

“10-го февраля нашъ народъ, великій, единый и многонаціональный совѣтскій народъ изречетъ свою волю. Онъ скажетъ, кто изъ кандидатовъ блока коммунистовъ и безпартійныхъ достоинъ стать

членомъ Верховнаго Совѣта СССР... Эти люди — государственные дѣятели, военачальники, руководители предприятий, учреждений, колхозовъ, рядовые воины, рядовые труженики. Идеаль такого человека — Сталинъ. 10-го февраля — воскресенье. Въ этотъ день во всѣхъ соборахъ, храмахъ и монастыряхъ нашей страны будетъ принесена безкровная жертва, начало которой положилъ Тотъ, Кто принесъ въ міръ идеи любви, справедливости и равенства. Умиленные священнослужители выйдутъ на амвоны и благословятъ своихъ чадъ послѣдовать изъ храмовъ къ избирательнымъ урнамъ. Они благословятъ ихъ отдать свои голоса кандидатамъ блока коммунистовъ и безпартийныхъ. Они сами отдадутъ имъ свои голоса.”

Изъ приведенныхъ строкъ видно, — какъ пастыри Церкви должны опускаться до совмѣщенія своего Христова служенія съ совѣтской партійной пропагандой и послѣ принесенія безкровной Жертвы призывать съ церковнаго амвона свою паству голосовать за враговъ вѣры и Церкви.

Конечно, эти голоса при совѣтской системѣ ничего измѣнить не могутъ. Никакого состязанія между кандидатами нѣтъ. Списокъ одинъ и составленъ онъ партией. Но коммунистическая система воздѣйствія на народъ требуетъ того, чтобы за этотъ списокъ возможно больше людей проголосовало, независимо отъ того, нравятся онъ имъ или нѣтъ.

Тутъ опять великій обманъ — “выборы”, въ которыхъ нѣтъ никакого выбора. И Церковь дѣлается участницей этого обмана.

С. В. Троицкій отрицаетъ тотъ фактъ, что Московская Патріархія постоянно оказываетъ чисто политическія услуги Совѣтской власти (см. стр. 61). Но, спрашивается — развѣ не чисто политическую услугу она оказываетъ ей, участвуя въ ея пропагандѣ, направленной противъ Западныхъ державъ и помогая ей собирать гражданъ въ избирательные участки?

Наиболѣе компрометировалась Московская Патріархія своимъ восхваленіемъ Сталина, которымъ вводила въ заблужденіе свободные народы. Это восхваленіе получило особенно яркое выраженіе въ адресѣ, подписанномъ всѣми епископами и поднесенномъ Сталину по случаю его семидесятилѣтія.

“Намъ особенно дорого то, значится въ адресѣ, что въ дѣяніяхъ Вашихъ, направленныхъ къ осуществленію общаго блага и справедливости, весь міръ видитъ торжество нравственныхъ началъ въ противовѣсъ злобѣ, жестокости и угнетенію, господствующимъ въ отживающей системѣ общественныхъ отношеній” (Журналъ Московской Патріархіи № 12 за 1949 г. стр. 5).

Для оцѣнки этихъ лъстивыхъ похвалъ полезно привести нѣсколько выдержекъ изъ знаменитой рѣчи Никиты Хрущева на 20-мъ Съѣздѣ КПСС 24-25 февраля 1956 г.

“Сталинъ, говорилъ Хрущевъ, заставилъ партію и НКВД пользоваться массовымъ терроромъ, когда не было больше признаковъ эксплуататорскихъ классовъ въ нашей странѣ и когда не было никакихъ серьезныхъ причинъ для примѣненія чрезвычайныхъ массовыхъ методовъ” (Рѣчь Хрущева на закрытомъ засѣданіи 20-го Съѣзда КПСС. Мюнхенъ, 1956, стр. 20).

Хрущевъ говорилъ о личномъ участіи въ террорѣ самого Сталина, — этого, по словамъ епископскаго адреса, *ревнителя “общаго блага и справедливости”*:

“НКВД стало примѣнять преступный методъ заготовленія списковъ лицъ, дѣла которыхъ попадали подъ юрисдикцію коллегій Военныхъ Трибуналовъ. При этомъ приговоры заготавливались заранее. Ежовъ обычно посылалъ эти списки лично Сталину, который утверждалъ предложенную мѣру наказанія. Въ 1937-1938 г. Сталину было направлено 383 такихъ списковъ съ именами тысячъ работниковъ партійныхъ, совѣтскихъ, комсомольскихъ, армейскихъ и хозяйственныхъ работниковъ. Онъ утверждалъ эти списки. Большая часть этихъ дѣлъ теперь пересматривается и большая часть ихъ была уже аннулирована потому что они были сфабрикованы и не имѣли подъ собой никакихъ оснований” (стр. 25).

Къ характеристикѣ найденнаго епископами въ Сталинѣ “торжества нравственныхъ началъ въ противовѣсъ злобѣ, жестокости и угнетенію, господствующимъ въ отживающей системѣ общественныхъ отношеній” не лишне привести и еще одно свидѣтельство Хрущева:

“Онъ (Сталинъ) далъ указаніе арестовать группу видныхъ совѣтскихъ медицинскихъ специалистовъ. Онъ лично посовѣтовалъ, — какъ слѣдуетъ вести слѣдствіе и какіе методы слѣдуетъ примѣнять при допросахъ арестованныхъ. Онъ сказалъ, что академика Виноградова слѣдуетъ заковать въ кандалы, а другого слѣдуетъ избить. На этомъ съѣздѣ присутствуетъ, въ качествѣ делегата, бывший министръ государственной безопасности товарищъ Ивановъ. Сталинъ ему рѣзко заявилъ: “Если ты не добьешься признанія врачей, мы тебя укоротимъ на голову”. Сталинъ лично вызвалъ къ себѣ слѣдователя, далъ ему указанія, рекомендовалъ ему методы, которые слѣдовало примѣнять при веденіи слѣдствія. Эти методы были просты: бить, бить и еще разъ бить” (стр. 41).

Конечно, епископы не могли знать всѣхъ этихъ подробностей. Но многіе изъ нихъ могли на себѣ испытать всю жестокость

и несправедливость террора, насажденного Сталинымъ. Во всякомъ случаѣ всѣ они въ достаточной мѣрѣ натерпѣлись страха и ожиданія ареста, истязаній и ссылокъ, чтобы не идеализировать личность, которая стояла за всѣмъ этимъ и за неудавшейся попыткой физическаго уничтоженія Церкви.

Сталинъ — непревзойденное никѣмъ въ исторіи по жестокости чудовище. Льстивый адресъ къ его семидесятилѣтнію, восхваляющій какъ благодѣтеля этого злѣйшаго въ мірѣ безбожника и гонителя вѣры, а особенно церковныя заупокойныя молитвы о немъ послѣ его смерти, являются тѣмъ кощунствомъ, которое ложится несмываемымъ пятномъ на Московскую Патріархію.

Тутъ мы подходимъ и къ другому важному и крайне тяжелому вопросу — проникновенію агентовъ МВД въ ряды духовенства. Напомню слова, сказанныя Экзархомъ Сергіемъ объ искусственномъ подборѣ духовенства съ помощью террора. Самые честные пастыри подвергались репрессіямъ, а на свободѣ оставались наиболѣе податливые. Мы знаемъ отъ живыхъ свидѣтелей о томъ, какъ священники послѣ ареста получали предложеніе дѣлаться агентами и доносить на прихожанъ цѣной своей свободы. Мнѣ особенно запомнился рассказъ одной старой и заслуживающей полного довѣрія благочестивой старушки, какъ одинъ почитавшійся ею пастырь, вернувшись съ допроса изъ НКВД со слезами просилъ ее впредь его не посѣщать и не имѣть съ нимъ общенія, ибо онъ только что уступилъ настояніямъ слѣдователя и подписалъ обязательство стать освѣдомительнымъ агентомъ.

Легализація Церковной власти облегчила такую вербовку и возможность устранять недостаточно послушныхъ священнослужителей. Назначеніе епископовъ и священниковъ зависитъ отъ Совѣта по дѣламъ Русской Православной Церкви при Совѣтѣ Министровъ. Предсѣдателемъ этого Совѣта въ теченіе многихъ лѣтъ былъ Г. Г. Карповъ, котораго Митрополитъ Николай въ Парижѣ назвалъ “церковнымъ”. Вотъ что показывалъ о немъ бывший чекистъ Растворовъ на допросѣ въ подкомиссіи Американскаго Конгресса 12 апрѣля 1956 г.

“Генераль-майоръ Карповъ былъ начальникомъ т. н. религіознаго отдѣла въ Штабѣ МВД. Одновременно онъ занималъ постъ Предсѣдателя религіознаго Комитета при Совѣтѣ Министровъ СССР.

Г. Моррисъ: Получилъ ли онъ положеніе Предсѣдателя религіознаго Комитета въ связи со своей службой въ НКВД?

Г. Растворовъ: Да.

Г. Моррисъ: Хорошо. Теперь не можете ли Вы болѣе подробно обрисовать функціи той опредѣленной роли, которую онъ исполнялъ?

Г. Растворовъ: Какъ вы знаете Церковь въ Россіи не независима, какъ нынѣ старается это доказать Совѣтское Правительство. Она въ полной зависимости отъ государства и государство руководить всею дѣятельностью Церкви въ Совѣтскомъ Союзѣ. Болѣе того, оно не только руководитъ дѣятельностью Православной Церкви, но и посылаетъ въ нее агентовъ МВД.

Г. Моррисъ: Вы говорите, что въ Церковь проникаютъ агенты МВД?

Г. Растворовъ: Да. Я думаю, что стоитъ отмѣтить, что въ концѣ второй войны, когда...

Г. Моррисъ: Второй *Мировой* Войны?

Г. Растворовъ: Да. Второй войны, когда Правительство позволило Церкви въ Совѣтскомъ Союзѣ дѣйствовать болѣе свободно, Церковь организовала семинаріи, кажется 1 или 2, и нѣсколько человекъ, не нѣсколько, а много людей изъ Штаба МВД были посланы въ эти семинаріи въ качествѣ студентовъ.

Г. Моррисъ: Были ли они посланы какъ студенты или для наблюденія за студентами?

Г. Растворовъ: Нѣтъ. Они послали офицеровъ, офицеровъ контрразвѣдки, въ эти семинаріи и впоследствии они стали епископами во многихъ церквахъ." (Стенографическій протоколъ. Американскій Сенатъ. Апрѣля 12-го, 1956 г. стр. 780-781. "Hearings before the subcommittee to investigate the Administration of the Internal Security Act and other Security Laws, of the Committee on the Judiciary United States Senate, April 12, 1956. Past 14.)

Тотъ же Растворовъ свидѣтельствовалъ, что онъ лично участвовалъ въ попыткѣ устроить прїѣздъ въ Токио двухъ священниковъ для захвата Церкви въ Японіи и что по этому вопросу онъ сносился съ Карповымъ (тамъ же, стр. 783-784).

Другой Совѣтскій перебѣжчикъ П. С. Дерябинъ давалъ въ той же подкомиссіи показанія, которыя въ видѣ стенограммы были опубликованны Конгрессомъ 17 марта 1959 г. Дерябинъ былъ крупнымъ чиновомъ Иностраннаго Отдѣла МГБ, которое позднѣе стало называться КГБ. Говоря о посылкѣ агентовъ съ разными Совѣтскими делегаціями за границу, Дерябинъ, между прочимъ, сказалъ:

"Другой примѣръ былъ въ 1956 г., когда здѣсь (въ Америкѣ.

Г. Г.) была религиозная делегація Совѣтской Православной Церкви. Во главѣ ея былъ Архіепископъ Николай *). Онъ не членъ КГБ, но онъ со Второй Мировой Войны — агентъ КГБ, который даетъ свѣдѣ-

*) Дерябинъ обмолвился. Рѣчь идетъ о Митрополитѣ Крутицкомъ Николаѣ.

нія КГБ. КГБ его запрашивает и онъ даетъ информацию. Онъ — фактический агентъ.” (The Kremlin Espionage and Terror Organization. Testimony of Peter S. Deriabin. Former Officer of the USSR’s Committee of State Security (KGB).

Дерябинъ далѣе показалъ, что въ 1953 г., когда Митрополитъ Николай приѣзжалъ въ Вѣну на устроенную коммунистами конференцію въ защиту мира, телеграмма А. Панюшкина, бывшего посла въ САСШ и крупнаго чиновника государственной безопасности, уведомила его, что Митрополитъ Николай — агентъ, но что это должно храниться въ тайнѣ. Онъ же показалъ, что Митрополитъ сотрудничалъ съ нимъ, чтобы помѣшать православному священнику о. Арсенію убѣжать изъ Вѣны на Западъ.

На вопросъ главнаго совѣтника Подкомиссіи — значить ли это, что для того, чтобы занимать положеніе священника въ СССР, нужно быть агентомъ, Дерябинъ отвѣтилъ: “Это вѣрно”. Онъ далѣе поправился, что онъ полагаетъ, что нѣкоторые священники на самомъ дѣлѣ вѣрятъ въ Бога, но не видятъ другого способа оставаться священниками и служить Богу, чѣмъ стать агентами МГБ. Онъ также высказалъ предположеніе, что нѣкоторые агенты, назначенные стать священниками, могутъ не быть агентами полностью, но въ дѣйствительности сохраняютъ вѣру.

Данныя о допросѣ Дерябина были напечатаны въ Американскомъ Епископальномъ журналѣ “The Living Church”, въ номерѣ отъ 7-го іюня 1959 г. Сообщение это сопровождается комментаріями П. Ф. Андерсона, который замѣчаетъ, что “политическій контроль осуществляемый Совѣтскимъ Правительствомъ и усилія Коммунистической партіи по уничтоженію религіи дѣлаютъ вѣроятнымъ то, что государственная охранная полиція старается заставить нѣкоторыхъ священниковъ служить агентами.” Однако, по мнѣнію П. Ф. Андерсона, это скорѣе исключеніе, чѣмъ общее правило.

Конечно намъ трудно судить, въ какомъ объемѣ распространено это правило. Дерябинъ могъ нѣсколько преувеличить число агентовъ въ рясахъ. И конечно онъ правъ, что многіе изъ нихъ являются агентами противъ воли.

Однако, мы знаемъ, какъ широко НКВД всегда старалось вербовать осведомителей. Болѣе чѣмъ понятно, что и теперь МГБ или КГБ вынуждаетъ болѣе слабыхъ духомъ изъ духовенства дѣлаться его осведомителями. Въ распоряженіи гражданской власти слишкомъ много разнообразныхъ средствъ, чтобы оказывать такое давленіе и убирать съ пути непокорныхъ. Процентъ такихъ агентовъ долженъ расти по мѣрѣ обостренія борьбы съ ре-

лигіей, къ усиленію которой призывалъ Създъ Коммунистической Партіи въ 1957 году.

Выдающийся агентъ Совѣтовъ среди духовенства Митрополитъ Николай недавно устраненъ и о немъ больше не упоминаютъ въ Журналѣ Московской Патріархіи, даже когда пишутъ о событіяхъ, въ которыхъ онъ участвовалъ.

Трудно угадать причину его удаленія. Въ совѣтскихъ условіяхъ самый лояльный человѣкъ можетъ по какой-то своей ошибкѣ впасть въ немилость. Быть можетъ это надо сопоставить съ удаленіемъ Карпова и замѣной его Курофдовымъ.

Но на мѣсто Митрополита Николая выдвинуть съ одной стороны болѣе безцвѣтный, но тоже пользующійся довѣріемъ (если судить по числу заграничныхъ поѣздокъ) Митрополитъ Питиримъ и явный агентъ Совѣтской власти Епископъ Никодимъ.

Послѣдняго ярко описываетъ лицо, недавно ѣздившее въ СССР съ группой молодыхъ прихожанъ Западно-Европейскаго Экзархата.

“Но особенно неприятное впечатлѣніе произвелъ на насъ епископъ Никодимъ — грузный человѣкъ со злыми глазами и какой-то совѣтской медалью на груди. Отъ него не было жизни ни намъ, ни монахамъ. Его всѣ панически боялись. Даже уполномоченный Совѣта по дѣламъ Русской Церкви при Совѣтѣ Министровъ СССР становился передъ нимъ “смирно”. Всякое личное, интимное общеніе между нами и служками Троице-Сергіевской Лавры моментально обрывалось, какъ только появлялась зловѣщая фигура Никодима. Своими маленькими злыми глазками онъ успѣвалъ слѣдить за каждымъ присутствующимъ, хотя насъ было свыше 20 человѣкъ. Онъ буквально гипнотизировалъ насъ. (Статья “Православная Русь” въ газетѣ Русская Жизнь, С. Франциско, 21 марта 1961 г., перепечатано въ журн. Православная Русь, № 7 за 1961 г.).

Еп. Никодимъ — молодой “выдвиженецъ”, который, сопровождая на Востокъ Патріарха Алексія на многихъ церковныхъ дѣятелей тамъ произвелъ крайне неприятное впечатлѣніе, ибо они увидѣли въ немъ несомнѣннаго агента безбожной власти. Союзъ съ послѣдней открылъ путь для такихъ личностей и они постепенно будутъ пріобрѣтать все больше вліянія, пока не придетъ время, когда имъ прикажутъ скинуть съ себя личину вѣрующихъ и открыто объявить о своемъ невѣріи, какъ это не такъ давно сдѣлалъ б. протоіерей и профессоръ богословія Осиповъ, а также нѣкоторые другіе.

Нельзя, конечно, полностью вѣрить Совѣтскимъ газетамъ, но

нельзя и не обратить вниманія на то, что именно сейчас умножились случаи отреченія священниковъ отъ вѣры съ опубликованіемъ ихъ въ печати. Это совпадаетъ съ принятіемъ на Совѣщаніи ЦК КПСС по вопросамъ идеологической работы 6-9 сентября 1960 года постановленія о томъ, что “важнѣйшее значеніе имѣетъ воспитаніе совѣтскихъ людей въ духѣ высокой политической бдительности, разоблаченіе тлетворной буржуазной идеологіи, рѣшительное преодоленіе націоналистическихъ, религіозныхъ и другихъ пережитковъ прошлаго” (Газ. Совѣтская Эстонія 10 сент. 1960 г.).

Въ томъ же указанномъ выше номерѣ газеты Совѣтская Эстонія, въ статьѣ “Куда идутъ деньги вѣрующихъ” упоминаются три невѣрующихъ священника изъ окончившихъ нынѣшніа семинаріи, изъ коихъ два сняли санъ, а третій будто бы сказалъ имъ: “я бы тоже ушелъ, да надо пожить вволю”. Тамъ же значится: “Бывшій священникъ Константинъ Попковъ пишетъ еще болѣе опредѣленно. Онъ служилъ много лѣтъ и во многихъ городахъ, но по настоящему вѣрящихъ въ Бога и соблюдающихъ церковные уставы священниковъ ему встрѣчать не приходилось”. Статья кончается словами: “Въ нашу атеистическую эпоху Церковь уже не въ силахъ искоренить безбожіе даже въ рядахъ священнослужителей”.

Другой отступникъ, священствовавшій 18 лѣтъ, т. е. съ 1942 или 1943 г. А. В. Клименко, помѣстилъ статью “Смѣлѣе рвите религіозные путы” (Совѣтская Эстонія, 17 авг. 1960 г.).

“Я знаю многихъ пожилыхъ священниковъ, пишетъ онъ, которые говорятъ, что съ религіей могутъ порвать только молодые. Они, молъ, еще имѣютъ возможность исправить свои ошибки, сдѣлать что-то полезное”.

Изъ той же газеты видно, что рѣшеніе Клименко отказаться отъ вѣры встрѣтило возмущеніе многихъ вѣрующихъ и въ томъ числѣ протоіерея Скоропостижнаго, который въ Епархіальномъ Управленіи кричалъ на отступника.

Весьма вѣроятно, что отпавшіе бывшіе пастыри въ цѣляхъ пропаганды преувеличиваютъ число лицемѣрныхъ священниковъ. Но обрисованное выше положеніе Церкви и приведенное ранѣе свидѣтельство Экзарха Сергія (см. VII главу) дѣлаетъ неизбѣжнымъ большое число неустойчивыхъ священниковъ, изъ коихъ многіе пошли на церковную службу въ годы относительнаго благополучія Церкви, но не въ силахъ стать на путь прямого испо-

вѣдничества и мученичества. Возможно, что и упомянутые Клименко “пожилые священники” ссылались на свою старость, чтобы не спорить съ опаснымъ человѣкомъ, но по существу не хотѣли бы отречься отъ вѣры.

Но о тѣхъ епископахъ и священникахъ, которымъ Совѣтская власть довѣряетъ представительство Церкви за границей, можно съ увѣренностью сказать, что большинство если и вѣритъ въ Бога, то больше боится Веліара и служить ему въ своей агентурной и пропагандной работѣ.

Съ этимъ должны были бы считаться экуменисты, приглашая Московскую Патріархію въ составъ Совѣта Церквей. Мы уже читали сообщеніе ТАСС’а о заявленіи Еп. Никодима, изъ котораго ясно видно, что въ Совѣтъ Церквей изъ устъ Московскихъ представителей польются предложенія о “сосуществованіи”, разоруженіи Запада и борьбѣ съ колониализмомъ. Въ Совѣтъ видное и вліятельное мѣсто могутъ занять облеченные въ рясы агенты безбожнаго Правительства, обеспечивая для послѣдняго молчаніе интерконфессіональнаго Всемирнаго объединенія предъ лицомъ все обостряющейся въ СССР борьбы съ религіей.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

НЫНѢШНЕЕ ПОЛОЖЕНІЕ ЦЕРКВИ ВЪ СССР.

Заключая главу о “благихъ результатахъ деклараціи Митрополита Сергія”, С. В. Троицкій заявляетъ: “Положеніе Церкви все улучшается” (стр. 83).

Почти одновременно съ составленіемъ своего труда С. В. Троицкимъ, готовилъ обстоятельный докладъ Зарубежному Собору о положеніи Церкви въ СССР Епископъ Лосъ-Анжелосскій Антоній. Путемъ внимательнаго изученія обширнаго матеріала онъ пришелъ къ діаметрально противоположному заключенію: “Въ дѣйствительности гоненіе на вѣру въ СССР продолжается. Оно происходитъ волнами... Преслѣдованіе православной вѣры и антирелигіозная пропаганда, никогда не прекращающаяся, находятъ свое выраженіе въ Совѣтской прессѣ”.

С. В. Троицкій черпалъ свои свѣдѣнія о положеніи Церкви въ СССР не изъ объективныхъ источниковъ, а изъ совѣтскаго пропаганднаго матеріала. На самомъ дѣлѣ гоненіе на вѣру въ СССР все увеличивается и было достаточно явнымъ уже въ то время, когда онъ писалъ свою книгу. Никогда не прекращаясь вполнѣ, гоненіе было нѣсколько ослаблено по внѣшне политическимъ причинамъ въ послѣдніе годы жизни Сталина и стало усиливаться вскорѣ послѣ его смерти, несмотря на наступившее временное общее ослабленіе террора. Начиная съ 1957 года борьбу противъ религіи повели съ особой силой и она будетъ еще болѣе обостряться теперь въ связи съ общими мѣропріятіями по насильственному насажденію коммунизма.

Предыдущій періодъ правленія Хрущева часто сравниваютъ съ НЭПомъ. Но этотъ періодъ былъ короткимъ; было замѣчено, что чѣмъ больше ослаблялся аппаратъ притѣсненія, тѣмъ больше населеніе практически отходило отъ коммунизма, который не можетъ существовать безъ террора. Когда Хрущевъ плакалъ, разоблачая жестокость Сталина, — можно было допустить, что у него было желаніе нѣсколько смягчить режимъ. Но самая природа ком-

мунизма дѣлаеть терроръ неизбѣжнымъ. И теперь Хрущевъ проводитъ такое законодательство, которое должно окончательно закабалить населеніе.

Иностранцы получаютъ ложное впечатлѣніе, будто терроръ въ Совѣтской Россіи умеръ вмѣстѣ со Сталинымъ и Беріей. И они не скоро осознають, что теперь терроръ возобновляется тамъ во всей силѣ и можетъ быть въ еще худшей формѣ, чѣмъ раньше. Послѣдніе законы о тунеядцахъ и о нетрудовомъ элементѣ, направленные противъ всякой частной инициативы, уже предусматривають принудительный трудъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ для полнаго подчиненія себѣ воли народа потребовалось усиленіе борьбы съ религіей.

Свѣдѣнія объ этой борьбѣ понемногу проникають въ западную печать, но еще не могутъ заглушить ведущуюся съ помощью Московской Патріархіи пропаганду о якобы благополучномъ положеніи Церкви въ СССР. Однимъ изъ важныхъ аргументовъ въ этой пропагандѣ являются цифры, свидѣтельствующія о якобы расцвѣтѣ Церкви. Поэтому раньше, чѣмъ говорить о положеніи Церкви въ настоящее время, я хочу немного остановиться на статистикѣ.

Тѣ свѣдѣнія, какія давались представителями Московской Патріархіи въ теченіе послѣднихъ лѣтъ о числѣ открытыхъ монастырей и церквей вызываютъ большое сомнѣніе въ отношеніи своей точности.

Начнемъ съ числа монастырей. Въ 1945 году Митрополитъ Николай въ Парижѣ заявилъ, что въ вѣдѣніи Патріархіи имѣется 89 епархій и 87 монастырей. (“Дни Примиренія”, стр. 22). Въ USSR Information Bulletin за 1942 г. на основаніи данныхъ Карпова говорится, что монастырей имѣется 89. Въ официальномъ изданіи “Русская Православная Церковь” указано 73 епархій (на 16 меньше) и 69 монастырей (на 18 или 20 меньше). Но словамъ г-на Андерсона ту же цифру епархій (на одну меньше — 72) и монастырей Митрополитъ Николай далъ представителямъ Американскаго Національнаго Совѣта Церквей при посѣщеніи ими Москвы 18 іюня 1956 года *). Тотъ же авторъ повторяетъ ихъ въ своей интересной статьѣ *The Orthodox Church in Soviet Russia* (*Foreign Affairs*, January 1961, p. 299.). Однако теперь, подавая заявленіе о приѣмѣ въ Міровой Совѣтъ Церквей, Патріархія ука-

*) P. Anderson. Churchmen visit Russia. *The Christian Century*, 18 іюня 1956.

зала, что у нея 40 монастырей (Журналъ The Living Church отъ 14 мая 1961 года). Между тѣмъ въ выпускѣ органа Московской Патріархіи “Единая Церковь” (въ Америкѣ) за мартъ-апрѣль 1961 г. опять значитя, что въ СССР 69 монастырей (стр. 76). Итакъ, или Митрополитомъ Николаемъ съ самаго начала была указана цифра преувеличенная на 47 монастырей и 16 епархій (а въ официальномъ изданіи 1954 г. и данныхъ, сообщенныхъ г-ну Андерсону, на 29 монастырей), или недостающіе въ нынѣшней статистикѣ монастыри и епархій были закрыты. О большомъ числѣ закрываемыхъ монастырей свидѣтельствуетъ статья о Корецкомъ женскомъ монастырѣ на Волыни въ газетѣ “Сельская жизнь” отъ 24 іюля 1960 г., называемая “Заживо погребенные”. Тамъ имѣется такая фраза: “А на дняхъ пересталъ существовать Дерманскій монастырь, ихнихъ монашекъ сюда перевели. А въ прошломъ году ликвидированъ Кременецкій монастырь”. Сестры этихъ монастырей — всего 44 монахини. Это указываетъ на быструю ликвидацію монастырей, вслѣдствіе которой еще менѣе можно довѣрять сбивчивымъ даннымъ въ статистическихъ сообщеніяхъ представителей Московской Патріархіи.

Весьма тщательная сводка, изданная Президіумомъ Французскаго Правительства въ октябрѣ 1954 года на основаніи официальныхъ данныхъ, указываетъ, что въ 1947 г. въ СССР было открытыхъ 25.000 церквей (La Documentation Française. Notes et Etudes Documentaires, 9 Oct. 1954, № 1931. Le Problème Religieux en USSR, стр. 5).

Архіепископъ Борисъ въ бесѣдѣ съ корреспондентомъ журнала “Newsweek” отъ 17 января 1952 г. (стр. 84), сказалъ, что въ СССР 24-25 тысячъ храмовъ. П. Ф. Андерсонъ въ упомянутой выше статьѣ (въ Christian Century) показываетъ число церквей (приходовъ?) въ 20.000, а въ позднѣйшей статьѣ (въ Foreign Affairs, Jan. 1961.) — 22.000. Между тѣмъ, въ ходатайствѣ о приемѣ въ Міровой Совѣтъ Церквей Московская Патріархія указала, что имѣетъ 20.000 церквей.

Означаетъ ли это, что нынѣ Патріархія учла число закрытыхъ церквей? Если такъ, то оказывается, что число таковыхъ (закрытыхъ) гораздо больше, чѣмъ указывается въ другихъ сообщеніяхъ послѣдняго времени. Корреспондентъ Лондонскаго “Times” отъ 2-го февраля 1961 г. сообщаетъ, что въ теченіе шести мѣсяцевъ въ 1960 г. было закрыто 500 церквей.

Обращаетъ на себя вниманіе и то обстоятельство, что число церквей Патріархіей всегда указывается въ круглой цифрѣ. Это

свидѣтельствуеть о томъ, что послѣдняя не является точной, а дается съ округленіемъ въ ту или другую сторону. Такъ какъ эти цифры упоминаются съ намѣреніемъ показать благополучіе Церкви въ Россіи, естественно предположить, что округленіе дѣлается всегда въ сторону увеличенія, а не уменьшенія общаго числа. Такимъ образомъ мы должны считать, что теперь въ СССР церквей гораздо меньше двадцати тысячъ.

Но насколько ихъ меньше — объ этомъ трудно судить. Однако, все же данную цифру слѣдуетъ считать *сильно преувеличенной* по слѣдующимъ соображеніямъ: Общее число церквей въ Россіи въ 1914 году было 54.174. Въ это число не входятъ военныя церкви, но включены: домовыя и при учебныхъ заведеніяхъ — 2.183, единовѣрческія — 541, приписныя и упраздненныя — 5.830, кладбищенскія — 2.060, подвижныя — 41 и миссіонерскія — 49. (Всеподданнѣйшій отчетъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода по Вѣдомству Православнаго Исповѣданія за 1914 г., Петроградъ 1916, стр. 132). Тѣ церкви, которыя открыты теперь, очевидно относятся къ категоріи прежнихъ приходскихъ и, частично, кладбищенскихъ. Если вѣрить официальной Московской церковной статистикѣ, то оказывается, что теперь существуетъ нѣсколько болѣе трети общаго числа церквей дореволюціоннаго времени. Духовенства же теперь только на половину меньше, чѣмъ въ 1914 г. (57.105 — въ 1914 противъ 33.000 въ 1954 г., согласно Notes et Etudes Documentaires, стр. 5). Само собою разумѣется, что такая небольшая разница въ количествѣ церквей невѣроятна. По тѣмъ же французскимъ даннымъ, составленнымъ преимущественно по официальнымъ источникамъ, какъ Журналъ Московской Патріархіи, съ 1944 по 1954 по всей Московской епархіи было только 247 церквей по сравненію съ 657 церквами въ одномъ только городѣ Москвѣ въ 1917 г. Въ такой большой епархіи, какъ Кубанская, осталось только 230 церквей. Наибольшее число церквей приходится на епархіи, бывшія подобно Кубанской подъ нѣмецкой оккупаціей.

В. И. Алексѣевъ въ статьѣ “Русская Православная Церковь на оккупированной нѣмцами территоріи Россіи 1941-1944 г.г.” (Церковная Жизнь за 1956 г. стр. 83) приводитъ статистическія данныя изъ книги П. Андерсона “L’Eglise et la Nation en USSR” и дополняетъ эти данныя цѣнными замѣчаніями.

На основаніи Совѣтскихъ источниковъ П. Андерсонъ въ 1941 году указываетъ число церквей въ 4.225. Кстати, то же число при-

ведено въ Notes et Etudes Documentaires Французскаго Правительства. Но В. И. Алексѣевъ замѣчаетъ, что въ это число входитъ около 1200 церквей изъ присоединенныхъ областей Польши. Со своей стороны замѣчу, что туда должны входить и церкви въ Прибалтикѣ, поскольку статистическія данныя П. Андерсона относятся къ августу 1941 г. (стр. 191).

Совѣты не рѣшились сразу закрыть церкви, открытыя подъ нѣмецкой оккупаціей, и поэтому въ областяхъ послѣдней оказалось больше церквей, чѣмъ въ остальныхъ областяхъ страны. Такъ напримѣръ, въ Кіевѣ на 840.300 жителей было 26 церквей, а въ Харьковѣ на почти такое же число жителей (833.400) — только три церкви (Notes et Etudes Documentaires, стр. 5).

Въ оккупированныхъ нѣмцами областяхъ возстановленіе приходовъ шло стихійно и безпрепятственно. По собраннымъ В. И. Алексѣевымъ даннымъ въ указанномъ выше его трудѣ получается слѣдующій подсчетъ церквей по главнымъ епархіямъ, бывшимъ подъ оккупаціей:

Области бывшей Польши	1.200	церквей
Смоленская епархія	101	
Кіевская епархія (и автокефалисты)	798	
Житомирская епархія	400	
Полтавская епархія	242	
Кубанская епархія	230	
	<hr/>	
Всего:	2.971	

Это конечно не полныя данныя, но они охватываютъ главное число возстановленныхъ приходовъ послѣ войны. Впослѣдствіи большая часть изъ нихъ была закрыта. Такъ, напримѣръ, итальянскій журналъ “Христіанская Россія вчера и сегодня” въ № 10 за 1960 г. сообщаетъ, что въ Смоленскѣ открыты только одинъ соборъ, въ то время, какъ при нѣмцахъ тамъ было 4 церкви.

По сообщенію того же журнала въ Кіевѣ вмѣсто 26 церквей, оставшихся послѣ нѣмецкой оккупации, теперь открыто только восемь. “Комсомольская Правда” отъ 14 іюня 1961 г. пишетъ, что “въ городахъ и селахъ Волинской епархія за послѣдніе годы по требованіямъ трудящихся закрыто 180 церквей”.

Съ числомъ 798 приходовъ въ Кіевской епархіи при нѣмцахъ сравнимъ число ихъ въ Московской епархіи — по французскимъ даннымъ — 247, изъ коихъ 55 (по другимъ свѣдѣніямъ 48) приходится на городъ Москву. Московская епархія въ лучшемъ положеніи, чѣмъ другія епархія, будучи подъ непосредственнымъ

покровительствомъ Патріархіи и чаще посѣщаемой иностранцами. Если въ такой епархіи только 247 приходовъ, то въ другихъ епархіяхъ, не бывшихъ подъ оккупацией, положеніе должно быть никакъ не лучше, а наоборотъ — хуже. Если оптимистически посчитать на другія епархіи въ среднемъ по 200 приходовъ, то общая цифра ихъ въ СССР была бы не 22.000 и не 20.000, а не больше 16.000 въ *лучшемъ* случаѣ. На самомъ же дѣлѣ во многихъ епархіяхъ число церквей много меньше 200, а теперь оно еще сокращается вслѣдствіе продолжающагося закрытія приходовъ, какъ это видно на примѣрѣ Кіева и Смоленска, а также изъ сообщений и изъ другихъ мѣстъ. Такъ на примѣрѣ, въ номерѣ газеты “Правда Украины” отъ 20-го мая 1961 года помѣщена замѣтка подъ заглавіемъ: “Массовое закрытіе церквей въ Рѣпкинскомъ районѣ Черниговской области”, въ которой сообщается, что изъ ряда сель района поступили ходатайства о закрытіи церквей и молитвенныхъ домовъ.

Поскольку обнаруживается обманъ въ указаніи числа приходовъ, мы не можемъ вѣрить сообщенію Московской Патріархіи и о числѣ духовенства. Если П. Ф. Андерсону въ 1956 г. было сказано, что число священниковъ въ СССР — 35.000 (The Christian Century, 18 апр. 1956 г.), то въ “Вѣстникѣ Западно-Европейскаго Экзархата” за май 1947 г. о Сергіенко была дана цифра въ 33.000, а въ послѣдней статьѣ П. Ф. Андерсона (въ Foreign Affairs, январь 1961 года) указывается цифра духовенства со ссылкой на сообщенія Московской Патріархіи, — на цѣлыхъ 10.000 меньше, чѣмъ въ 1956 году, т. е. въ 25.000, и та же цифра указана въ обращеніи Патріархіи въ Міровой Совѣтъ Церквей.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что и въ отношеніи числа духовенства свѣдѣнія изъ того же источника даются самыя разнообразныя, и потому тоже не внушающія довѣрія.

Имѣя въ виду гоненія на Церковь и малый притокъ новаго духовенства въ теченіе очень многихъ лѣтъ, трудно себѣ представить, чтобы число духовенства теперь было только на половину меньше числа, бывшаго до революціи, выражавшагося цифрой въ 57.105 священнослужителей.

Итакъ, приходится признать, что цифры, сообщаемыя Москвой, въ отношеніи церквей, монастырей и духовенства не отвѣчаютъ дѣйствительности, а взяты съ потолка, чтобы больше импортировать Западнему міру.

Но и эти цифры все болѣе уменьшаются, вслѣдствіе новаго систематическаго похода противъ религіи.

Въ настоящее время ведется непримѣрная упорная борьба противъ вѣры съ цѣлью совершенно вытѣснить ее изъ жизни народа и добиться закрытія почти всѣхъ церквей.

Въ номерѣ Казахстанской Правды отъ 12 февраля 1961 г. читаемъ: “Учитывая, что коммунизмъ и религія несомвѣстимы, что они непримиримо враждебны, Центральный Комитетъ КПСС требуетъ отъ партійныхъ организацій ни въ коемъ случаѣ не ослаблять борьбы съ ея реакціоннымъ вліяніемъ. Выполняя требованіе ЦК КПСС, многія организаціи Казахстана ведутъ боевую, наступательную атеистическую пропаганду, въ результатѣ которой съ каждымъ годомъ сокращается количество вѣрующихъ, распадаются сектантскія группы, сами прихожане закрываютъ церкви, молитвенные дома.”

Въ очень освѣдомленной и важной статьѣ Лондонскаго “Times” отъ 2-го февраля 1961 г., о которой я уже упоминалъ, даются свѣдѣнія о томъ, какъ “сами прихожане закрываютъ церкви”. Кстати вспомнимъ, что и въ тридцатыхъ годахъ также церкви якобы закрывались самими прихожанами. Въ своемъ знаменитомъ вынужденномъ интервью въ 1934 г. Митрополитъ Сергій говорилъ: “Многія церкви дѣйствительно были закрыты, но не по распоряженію государственныхъ властей, а по требованію населенія, а во многихъ случаяхъ даже по постановленію самихъ прихожанъ”.

Коммунистическая партія по сообщенію спеціального корреспондента “Times” была обезпечена ростомъ числа вѣрующихъ и интересомъ молодежи къ вопросамъ религіи. Поэтому была поднята новая волна преслѣдованія, которая основывается на Конституціи. Въ 1954 г. въ инструкціи Хрущева подчеркивалось, что въ борьбѣ съ религіей не должно примѣняться насиліе. Но такъ какъ такая пропаганда не приносила плода, на XXI Конгрессѣ коммунистической партіи въ 1957 году было постановлено усилить “борьбу съ Церковью и религіей”. Слово “пропаганда” было замѣнено словомъ “борьба”.

Въ этой борьбѣ коммунисты основываются на законахъ, запрещающихъ религіозную пропаганду, на законахъ, требующихъ регистраціи професіоналовъ, законахъ о церковныхъ зданіяхъ, какъ памятникахъ національной старины, и, наконецъ, на законахъ о налогахъ.

Такимъ образомъ, священникъ, который сталъ бы помогать молодому человѣку готовиться къ поступленію въ Семинарію, былъ

бы обвиненъ въ веденіи среди молодежи запрещенной религиозной пропаганды и можетъ быть заключенъ въ тюрьму на срокъ отъ одного года до трехъ лѣтъ. Такая угроза заставляетъ многихъ священниковъ воздерживаться отъ занятій съ желающими стать на путь священства. Вслѣдствіе такихъ мѣропріятій Церковь испытываетъ недостатокъ духовенства. Между тѣмъ, какъ только какой-либо храмъ не получаетъ отдѣльнаго священника, тотчасъ же гражданская власть его насильно закрываетъ.

То обстоятельство, что священникъ обязанъ быть зарегистрированнымъ и имѣть разрѣшеніе отъ гражданскихъ властей на служеніе, — открываетъ путь къ его устраненію путемъ отобранія отъ него такого разрѣшенія, вслѣдствіе обвиненія его въ нарушеніи гражданскихъ или церковныхъ законовъ. Корреспондентъ "Times" указываетъ нѣкоторые изъ такихъ обвиненій, какъ напримѣръ, нанесеніе вреда храму, какъ памятнику національнаго искусства, или неуплата налоговъ.

Одинъ священникъ потерялъ свои права, потому что онъ изъ купели, въ отдѣльномъ отъ храма помѣщеніи, провелъ трубу къ водосточной трубѣ у наружной стѣны храма. Его обвинили въ томъ, что онъ обезобразилъ народный памятникъ искусства, въ которомъ онъ ничего не имѣлъ права передѣлывать безъ разрѣшенія гражданской власти.

Чаще же всего предъявляются обвиненія священникамъ въ нарушеніи правилъ о налогахъ.

Примѣненіе такихъ мѣръ взысканія зависитъ отъ усмотрѣнія власти. Строгія мѣры примѣняются главнымъ образомъ противъ наиболѣе любимыхъ паствой священниковъ талантливыхъ проповѣдниковъ, привлекающихъ людей къ Церкви. И напротивъ нѣкоторымъ стяжателямъ разрѣшается благодушеествовать и накоплять богатство, которое можетъ людей отъ нихъ отталкивать. О методахъ притѣсненія Церкви цѣнные свѣдѣнія даются въ статьѣ путешественника по СССР, который много бесѣдовалъ съ богомольцами въ Троице-Сергіевской Лаврѣ.

"По высказываніямъ собесѣдниковъ, пишетъ онъ, за послѣдніе полгода началось преслѣдованіе Церкви всякими скрытыми приѣмами: все время повышаютъ налоги, закрываютъ подъ разными предлогами храмы, обвиняютъ священниковъ въ томъ, что они наживаются на вѣрующихъ. Напримѣръ, распускаютъ слухи, что тотъ или иной священникъ беретъ 200 - 300 рублей за крещеніе и 500 рублей за вѣнчаніе. Имѣется не мало случаевъ отдачи свя-

щенниковъ подѣ судѣ за утаиваніе подлежащихъ обложенію доходовъ; при этомъ выставляютъ лжесвидѣтелей, утверждающихъ, что они сами платили священнику большія суммы. Ходитъ слухъ, что ЦК въ неопубликованной части семилѣтняго плана намѣтилъ полную ликвидацию Церкви къ 1965 году. Въ Одессѣ уже закрыли два храма и теперь, говорятъ, долженъ быть закрытъ женскій монастырь. Въ Кіевѣ также недавно закрыли двѣ церкви. Изъ Кіево-Печерской Лавры стараются выжить монаховъ: еще недавно ихъ тамъ было 70 человекъ, сейчасъ же осталось 30 . . . Одинъ изъ собесѣдниковъ знаетъ, что въ Ростовѣ недавно закрыли нѣсколько храмовъ (объ этомъ ему писали оттуда). Кіевляне рассказали, что въ Харьковѣ одну церковь даже взорвали подѣ предлогомъ, что это мѣсто нужно для стройки. Свѣдѣнія о закрытіи церквей приходятъ и изъ другихъ мѣстностей . . . Священники, чтобы предохранить себя отъ ложныхъ обвиненій въ наживѣ, даютъ теперь квитанціи въ полученіи денегъ за требы, а копіи квитанцій вмѣстѣ съ деньгами отсылаютъ въ епархію. Одинъ изъ собесѣдниковъ, которому я рассказывалъ о неудавшейся попыткѣ поговорить со священникомъ, сообщилъ мнѣ, что къ священникамъ теперь подсылаютъ людей, заводящихъ всякіе разговоры противъ власти, чтобы потомъ обвинить ихъ въ антиправительственной агитаціи” (“Посѣвъ”, 7-го января 1961 г. № 1-2, стр. 9).

Результатомъ такихъ преслѣдованій является то, что вслѣдъ за напумѣвшимся бывшимъ протоіереемъ Осиповымъ въ совѣтской прессѣ все время печатаются заявленія объ отреченіи отъ вѣры бывшихъ священниковъ — ренегатовъ. Яркимъ примѣромъ этого можетъ служить статья бывшаго священника А. В. Клименко, перепечатанная изъ “Кіевской Правды” въ газетѣ “Совѣтская Эстонія” отъ 10 августа 1960 года подѣ громкимъ заглавіемъ “Смѣлѣе рвите религіозные путы”. Нѣкоторые изъ такихъ отступниковъ вѣроятно были агентами гражданской власти, которымъ пришло время показать свое подлинное лицо; нѣкоторые же, будучи маловѣрными, пошли въ священники надѣясь приобрѣсти матеріальную выгоду; другіе, хотя и вѣрующіе, но лишенные твердости и исповѣдническаго духа, возможно, со слезами не нашли въ себѣ силы противиться давленію со стороны совѣтской коммунистической среды.

Каково же бываетъ давленіе видно изъ овѣтскихъ газетъ. Такъ напримѣръ, въ “Извѣстіяхъ” отъ 20 мая 1961 г. помѣщено письмо въ редакцію Ольги Романенко: “Я отрекаюсь отъ него”. Въ этомъ

письмѣ она отрекается отъ своего мужа за то, что тотъ рѣшилъ поступить въ Семинарію. Казалось бы, если Церковь въ СССР такъ свободна, какъ говорятъ и пишутъ о ней представители Московской Патріархіи и какъ утверждаетъ С. В. Троицкій, то рѣшеніе одного молодого человѣка поступить въ Семинарію не должно было бы вызвать никакого волненія, тѣмъ болѣе, что и Семинарія открыта съ разрѣшенія властей.

Если вѣрить письму Ольги Романенко, то интересно отмѣтить то, что ея мужъ скрылъ отъ нея свое намѣреніе поступить въ Семинарію. “Секреты завелись, пишетъ она. Все что то пишеть, что то получаетъ по почтѣ и отъ меня скрываетъ”. Весьма характерной для совѣтскихъ условій является эта скрытность мужа отъ жены. Характерно также и то, что сѣтуеть она не только на мужа, но и на тѣ органы власти, съ которыми онъ былъ связанъ по своей работѣ.

Въ газетѣ “Брянскій рабочій” въ маѣ-же с. г. была напечатана о немъ статья подъ названіемъ “Куда ступаешь ты, Мелентій Романенко?” Жена, какъ видно изъ вышеуказанной статьи въ “Извѣстіяхъ”, узнавъ о намѣреніи своего мужа, жаловалась властямъ: “Тайно отъ него ходила къ уважаемымъ людямъ въ районѣ, къ руководителямъ” и никто изъ нихъ не попытался удержать его. “Я хотѣла и не могла удержать его, пишетъ она, но кто то вѣдь выдавалъ ему нужные документы, значить, знали — куда онъ ѣдетъ. Почему же тогда въ Сельскомъ Совѣтѣ Кирилловки не поинтересовались, почему человѣкъ въ наше время вдругъ надумалъ стать попомъ”. Редакція “Извѣстій”, издаваемыхъ Президіумомъ Верховнаго Совѣта СССР, сопроводила письмо Ольги Романенко своими замѣчаніями. Сказала ли она въ нихъ, что Церковь отдѣлена отъ государства, что религія есть частное дѣло всякаго человѣка и что власти не могутъ стѣснять свободу совѣсти гражданъ? Отнюдь нѣтъ. Редакція соглашается съ Ольгой Романенко. “Правильный задаетъ вопросъ тов. Романенко, пишетъ редакція “Извѣстій”. Какъ же такъ могло получиться, товарищи партійные и совѣтскіе руководители Климовскаго района? Вѣдь упустили человѣка, не сумѣли отстоять его, вырвать изъ цѣпкихъ рукъ церковниковъ?”

Изъ приведенной статьи видно, что если поступленіе въ Семинарію Мелентія Романенко было признано “упущеніемъ” со стороны партійныхъ и совѣтскихъ властей, то слѣдовательно на

обязанности послѣднихъ было созданіе всевозможныхъ препятствій для поступленія желающихъ въ Семинарію.

О томъ, какъ усердно отводятъ людей отъ пастырской подготовки въ Семинаріяхъ, сообщается въ статьѣ Е. Ф. Муравьева и Ю. В. Димитріева подъ названіемъ “О конкретности въ изученіи и преодолѣннн религиозныхъ пережитковъ”, помѣщенной въ журналъ “Вопросы Философіи”, № 3 за 1961 г.

“До 1957 года количество заявленій о пріемѣ въ духовныя семинаріи увеличивалось. Начиная же съ 1958 года *въ связи съ усиленіемъ антирелигіозной работы* число ихъ значительно сократилось. А нѣкоторыя изъ семинарій въ 1959/60 г. имѣли значительный недоборъ контингента желающихъ учиться въ нихъ. Это имѣло мѣсто, напримѣръ, въ Ставропольской семинаріи. Мѣстные пропагандисты атеизма во главѣ съ И. О. Руденко провели большую индивидуальную работу со слушателями семинаріи. Въ результатѣ въ 1959 г. изъ семинаріи ушло 14 человекъ, а въ началѣ 1960 года еще 5 человекъ. Велась также индивидуальная работа съ молодежью, стремящейся поступить въ семинарію. И въ прошломъ году наборъ слушателей на первый курсъ семинаріи не состоялся” (стр. 68-я).

Ренегатъ А. А. Осиповъ, читая лекцію въ Кишиневѣ, похвалялся, что въ Ленинградскую Духовную Академію въ 1960 г. на 40 вакансій поступило 16 человекъ, а къ концу учебного года осталось 8 (“Совѣтская Молдавія”, 7 июня 1961 г.).

Въ той же упомянутой выше статьѣ въ журналъ “Вопросы Философіи” явно проговариваются объ административномъ давленіи на вѣрующихъ, когда успѣхи въ подавленіи религіозности приписываются не только пропагандѣ, но и “усиленію контроля за соблюденіемъ совѣтскаго законодательства о религиозныхъ культахъ и исправленію допущенныхъ въ этомъ отношеніи ошибокъ” (стр. 64).

Изъ всѣхъ этихъ сообщеній видно — какъ рушится временное относительное благополучіе Московской Патріархіи.

Епископъ Лось-Анжелоскій Антоній въ своемъ докладѣ Собору Епископовъ въ 1959 году привелъ одинъ очень яркій примѣръ того, насколько лживы повторяемыя С. В. Троицкимъ заявленія о свободѣ религіи въ СССР. Одна русская православная дѣвушка, служащая американской выставки, все свободное время въ Москвѣ въ теченіе семи недѣль посвятила посѣщенію храмовъ. “Ее поразило то, что въ храмъ ходитъ вѣрующіе боятся, за исклю-

ченіемъ старыхъ женщинъ, которыя составляютъ 80 % молящихся. За все время она видѣла въ церкви только одного военного и очень мало мужчинъ, если не считать туристовъ или любопытныхъ комсомольцевъ, которые говорятъ, что ходятъ въ церковь, чтобы послушать красивое пѣніе. Когда она вошла въ переполненный храмъ и покупала свѣчи, старая женщина замѣтила у нея крестъ и тотчасъ ее предупредила: “Дѣвушка, сними крестъ”. На ея возраженіе, что она не хочетъ его снимать, женщина спросила: “А ты не боишься?” Служащая выставки отвѣтила: “Нѣтъ, наоборотъ, я боюсь быть безъ креста”. Когда она продвигалась впередъ, чтобы поставить свѣчи, она неоднократно слышала предупрежденіе: “Дѣвушка, спрячь крестъ”. “Дѣвушка, сними крестъ”. На ея родственницу — вѣрующую — ея крестъ произвелъ большое впечатлѣніе; она въ свою очередь показала свой крестъ, приколотый изнутри, чтобы не было видно” (стр. 13-14).

Гоненіе заставляетъ вѣрующихъ скрывать свою вѣру, а въ тѣхъ случаяхъ, когда чья либо вѣра становится извѣстной, то исповѣдники ея подвергаются травлѣ и въ обществѣ, и въ печати.

Такъ напримѣръ, въ журналѣ “Парти́ная Жизнь”, № 22 за 1958 г. въ статьѣ Д. Сидорова “Объ отношеніи коммунистической партіи къ религіи” содержатся сѣтованія: “Подчасъ сами коммунисты принимаютъ участіе въ различныхъ престольныхъ праздникахъ, обрядахъ, забывая, что это несовмѣстимо со званіемъ члена партіи. Напримѣръ, секретарь парторганизациі колхоза имени Жданова Гдовскаго района, тов. Ефимовъ крестилъ въ церкви своихъ дѣтей, его домъ регулярно посѣщалъ священникъ. Секретарь комсомольской организациі тов. Федорова вѣнчалась въ церкви”.

Не буду приводить другихъ подобныхъ сообщеній въ печати. Всякій, кто слѣдитъ за совѣтской прессой, съ ними встрѣчается постоянно.

Всѣ эти сообщенія имѣютъ двоякое значеніе: съ одной стороны они свидѣтельствуютъ о способахъ борьбы съ религіей, а съ другой стороны они показываютъ и неодолимость вѣры. Вѣра продолжаетъ жить въ народной массѣ и вѣрующіе, несмотря на преслѣдованіе, отстаиваютъ свою вѣру.

Безчисленны свидѣтельства разныхъ лицъ, посѣщавшихъ СССР, а также и свидѣтельства совѣтской печати о томъ, что въ русскомъ народѣ еще очень много вѣрующихъ, что огромно число

крещаемых младенцев и что случаются вѣнчанія даже комсомольцевъ. Газета “Красная Звѣзда” отъ 10 января 1961 года между прочимъ напечатала слѣдующее замѣчаніе: “А пороку случаются такія “неожиданности”, что комсомольскимъ руководителямъ приходится только руками разводиться... Недавно почти вся баскетбольная команда Прибалтійскаго военнаго округа, въ томъ числѣ комсомолцы В. Муйжніексъ и А. Гульбисъ явились въ церковь со своимъ товарищемъ и его невѣстой. Рѣшили поздравить ихъ съ законнымъ бракомъ и заодно посѣтить обрядъ вѣнчанія”.

Иногда въ газеты проникаютъ сообщенія о вѣрующей молодежи. Примѣромъ можетъ послужить шумъ, поднятый въ “Литературной Газетѣ” по поводу заявленія восемнадцатилѣтней комсомолки Лиды, пожелавшей идти въ монастырь. Ея письмо въ мартѣ 1960 г. было напечатано въ сопровожденіи отвѣта Редакціи, которая совѣтовала Лидѣ “не идти къ иждивенцамъ, которыхъ со временемъ смететъ жизнь съ лица земли”. Лиды, повидимому, не поддавалась уговорамъ, а когда ее посѣтила сотрудница “Литературной Газеты” Бажанова, то она къ своему ужасу нашла не одну Лиду, а трехъ вѣрующихъ дѣвушекъ, стремящихся въ монастырь (отъ 9-го іюля 1960 г.).

Откуда эта вѣра у дѣвушекъ, родившихся и выросших въ совѣтскихъ условіяхъ? Она, къ удивленію безбожниковъ, хранилась въ семьяхъ и тамъ передавалась дѣтямъ. Передается вѣра и теперь главнымъ образомъ отъ бабушекъ, которыя заботятся о крещеніи и христіанскомъ воспитаніи своихъ внуковъ. Таившаяся у многихъ вѣра вспыхнула съ новой силой подъ вліяніемъ испытаній войны. Передъ многими всталъ вопросъ, который задавалъ себѣ герой повѣсти Львова “Спасите наши души”: “Почему все-таки когда мой отецъ былъ на фронтѣ и отъ него не приходило писемъ, мать находила утѣшеніе въ вѣрѣ? А знаменитые ученые, которые вѣрили въ Бога? И почему христіанство существуетъ столько вѣковъ и почему столько людей ходятъ въ церковь?”

Итакъ, можно сказать съ увѣренностью, что большевикамъ не удалось ранѣе и не удастся теперь убить въ народѣ вѣру. Они конечно могутъ достигнуть закрытія многихъ приходоу, они могутъ добиться того, что вѣра будетъ мало примѣтной вовнѣ, но отъ этого еще далеко до полнаго ея искорененія.

Совѣтскія газеты иногда сообщаютъ объ удивительныхъ проявленіяхъ вѣры среди молодежи. Въ колхозѣ “Розы Люксембургъ”

18-лѣтній юноша работая на тракторѣ упалъ и вслѣдствіе паденія лишился дара рѣчи, но не совсѣмъ; этотъ даръ рѣчи возвращался къ нему одинъ разъ въ недѣлю на одинъ часъ. И тогда онъ говорилъ только о вѣрѣ въ Бога. Онъ признавалъ, что былъ ранѣ невѣрующимъ и за это потерпѣлъ наказаніе свыше.

Колхозники въ большомъ числѣ приходили къ нему, пока его не удалили власти (“Комсомольская Правда”, 2 іюля 1958 г.).

Въ другомъ номерѣ той же газеты отъ 26 мая 1959 г. говорилось о цѣлой группѣ 17 дѣвушекъ, которыя рѣшили вмѣстѣ поступить въ монастырь.

Новые законы будутъ препятствовать осуществленію такихъ намѣреній. Они обрекаютъ монастыри на исчезновеніе, подобно тѣмъ монастырямъ на Воляни, о которыхъ была рѣчь выше.

Съ одной стороны мы видимъ духовный порывъ, возникшій сразу у семнадцати дѣвушекъ, а съ другой — три вымирающихъ монастыря безъ молодежи...

Теперь сов. власть приняла мѣры къ полному устраненію молодежи изъ обитателей, которыхъ она старается свести на положеніе богадѣлень.

Такія мѣропріятія вынуждаютъ вѣрующихъ прибѣгать къ конспираціи, что давно поняли тѣ православные люди, которые не принимали декларацию Митрополита Сергія. С. В. Троицкій существованіе “катакомбной Церкви” въ СССР смѣло называетъ *миоомъ* (стр. 83). Въ качествѣ доказательства этого онъ ссылается на отрицаніе катакомбной Церкви Бертольдомъ Шпулеръ въ швейцарскомъ старо-католическомъ журналѣ (стр. 86). Но, невѣдѣніе о чемъ либо одного писателя отнюдь не можетъ быть доказательствомъ и небытія ему неизвѣстнаго. Я встрѣчалъ не мало людей, ничего незнавшихъ о С. В. Троицкомъ, однако невѣдѣніе о немъ этихъ людей не давало основанія назвать существованіе его *миоомъ*.

Самое наименованіе “катакомбной Церкви” С. В. Троицкій приписываетъ “карловчанамъ” и одновременно старается доказать ненаучность такого наименованія, (стр. 84) въ примѣненіи его къ Церкви въ СССР.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что такое названіе потаенной Церкви въ СССР отнюдь не ведетъ своего происхожденія изъ официальныхъ актовъ Заграничной Церкви. Слово “катакомбная” является обывательскимъ терминомъ для названія Церкви, *скрывающейся* отъ безбожной власти въ совѣтской Россіи. Самъ С. В. Троицкій

послѣ разъясненія неточности этого названія признаеть, что при острыхъ вспышкахъ гоненій “христіане не разъ дѣйствительно скрывались на время, уходили отъ властей въ “катакомбы” подполья” (тамъ же). Такимъ образомъ, онъ самъ въ отношеніи скрывающейся отъ гоненія Церкви примѣняетъ тотъ терминъ, противъ котораго возражаетъ. Онъ лишь добавляетъ, что при ослабленіи преслѣдованія христіане выходили изъ своихъ катакомбъ и “требовали для себя законнаго права легально жить и молиться, т. е. всегда искали легализаціи” (тамъ же).

Не буду здѣсь повторять всего того, что содержится въ 8-ой главѣ этого труда. Хочу только отмѣтить, что совѣтская богоборческая апостасійная власть совсѣмъ не та, какою была власть языческихъ императоровъ. При Совѣтской власти борьба съ религіей всѣми средствами не прекращается и является для нея однимъ изъ основныхъ положеній всей ея политики и государственнаго управленія. Поэтому, когда она по видимости нѣсколько отступаетъ отъ явнаго преслѣдованія религіи, то это не является признакомъ измѣненія ея отношенія къ послѣдней, а скорѣе напоминаетъ отходъ тигра отъ своей жертвы для новаго прыжка на нее съ цѣлью окончательнаго ея растерзанія.

Какъ было сказано выше, при апостасійной совѣтской власти легальное существованіе Церкви безъ измѣны самому ея существу совершенно невозможно. Поэтому истинные ревнители вѣры давно перешли на конспиративное, нелегальное церковное бытіе. Сама строжайшая тайна, необходимая для пребывающихъ въ катакомбахъ и тамъ спасающихся отъ преслѣдованія, дѣлаеть невозможнымъ полученіе о нихъ точныхъ свѣдѣній. Самый же фактъ существованія катакомбной Церкви въ СССР, вопреки отрицанію его С. В. Троицкимъ, подтверждается совѣтскою печатью.

До второй Великой Войны въ совѣтской печати не мало писалось о т. н. “попахъ передвижкахъ”, т. е. о священникахъ не имѣющихъ “здѣ прбывающаго града”, скитающихся съ одного мѣста на другое для тайнаго обслуживанія вѣрующихъ.

Но нѣтъ ничего тайнаго, что не стало бы явнымъ. И нѣтъ такой конспираціи, которая не была бы иногда раскрываемой, особенно при широкомъ развитіи совѣтскаго шпіонажа. Совѣтскія газеты иногда сообщаютъ о раскрытіи той или иной тайной религіозной дѣятельности. Такъ, 2-го іюня 1960 года газета “Вечерняя Москва” сообщила объ арестѣ на одномъ изъ Московскихъ вокзаловъ Евдокіи Теръ-Григорьевой. Она была задержана въ то время,

когда Валеріанъ Лабзинъ передалъ ей два пакета. Въ этихъ пакетахъ было обнаружено 1000 иконокъ, 2500 крестиковъ и много листовъ религіознаго содержанія. Послѣ задержанія Григорьевой и Лабзина обыскъ на квартирѣ послѣдняго обнаружилъ большое количество религіозной литературы.

Изъ совѣтской же печати мы узнаемъ и о слѣдующемъ: тамъ всѣ эти годы давались сообщенія о дѣятельности неуловимыхъ “тихоновцевъ” священниковъ и проповѣдниковъ, о ихъ молитвенныхъ собраніяхъ у разныхъ источниковъ и пр.

Чтобы доказать фактъ существованія потаенной Церкви, который отрицаетъ С. В. Троицкій, достаточно сослаться на совѣмъ недавнія газетныя сообщенія. Такъ, въ журналѣ “Наука и Религія” за декабрь 1959 г. (№ 4) говорится о жизни отрেকшихся отъ мірской жизни “раскольниковъ”, живущихъ въ скитахъ въ глухой тайгѣ Западной Сибири. Эти отшельники и отшельницы, вышедшіе въ большей мѣрѣ изъ молодежи, жестоко преслѣдуются властью за “дезертирство отъ труда и отъ службы въ арміи”.

Нѣкоторыя свѣдѣнія о “катакомбной Церкви” дошли до насъ и черезъ лицъ, бывшихъ въ совѣтскихъ лагеряхъ и по освобожденіи попавшихъ за границу. Въ дѣлахъ Архіерейскаго Синода (Вх. № 214, отъ 12 марта н. ст. 1958 г.) имѣется донесеніе священника, бесѣдовавшаго съ двумя лицами, только что возвратившимися за границу изъ совѣтскихъ концлагерей. Оба они рассказывали, что въ двухъ лагеряхъ крестьяне изъ окружающихъ деревень неоднократно передавали заключеннымъ частицы (а иногда и цѣлыя особые хлѣбцы) чернаго хлѣба, которыя были просфорами отъ Литургій, совершавшихся потаенно бродячими священниками, не признававшими совѣтскаго Патріарха. Часто передавалась въ бутылочкахъ и св. крещенская вода. Въ руки заключеннымъ попадались какъ сектантскіе листки, такъ и листки съ переписанными православными молитвами. Въ одномъ изъ лагерей, въ которыхъ находились эти лица, было около 50-ти человекъ бѣлаго духовенства, отъ которыхъ они знали, что гдѣ то по близости имѣется спеціальныи лагерь исключительно для монашествующихъ.

Передавая содержаніе этого разсказа, я сознательно опустилъ и названіе лагерей, въ которыхъ находились эти лица, и имя митрофорнаго протоіерея, у котораго одинъ изъ нихъ исповѣдывался. Кстати интересно отмѣтить, что когда онъ послѣ исповѣди сказалъ своему духовному отцу о томъ, что онъ въ Европѣ принадлежалъ къ юрисдикціи Зап. Европейскаго Экзархата, тогда тотъ не-

одобрительно покачалъ головой и сурово ему замѣтилъ: “истинная Русская Церковь за рубежомъ только та, которую возглавляетъ Митрополитъ Анастасій”.

Не менѣе важно и сообщеніе другого бывшего узника въ СССР — Б. К. Ганусовскаго. 8 декабря 1959 г. на Религіозно-Философскомъ Собраніи подъ предсѣдательствомъ Митрополита Анастасія въ Нью Йоркѣ онъ дѣлился своими наблюденіями надъ религіозною жизнью въ СССР (Протоколъ № 9).

Въ одномъ изъ Концлагерей докладчикъ познакомился съ о. ..., рукоположеннымъ при Патріархѣ Тихонѣ, не признавшимъ совѣтской легализаціи Церкви и ушедшимъ въ подполье. За неподчиненіе Митрополиту Сергію онъ былъ осужденъ на 3 года лагерныхъ работъ. Послѣ освобожденія онъ вмѣстѣ съ женой и дѣтьми перешелъ на нелегальное положеніе. Жена его, уставшая отъ постоянныхъ скитаній, заявила ему, что она далѣе не въ состояніи такъ жить. Но о. ... продолжалъ свою тайную священническую дѣятельность. Въ 1937 г. онъ былъ арестованъ и присужденъ къ 10 годамъ принудительныхъ работъ, а въ 1947 г. какъ “неисправимый” осужденъ еще на 10 лѣтъ каторги. Въ томъ же лагерѣ находилась женщина-врачъ, тайная монахиня, которая была арестована съ группой вѣрующихъ вмѣстѣ съ о. ... Въ томъ же лагерѣ былъ и одинъ іеромонахъ “Тихоновской Церкви”.

Получивъ досрочное освобожденіе о. ... и этотъ іеромонахъ поселились вмѣстѣ и тайно продолжали служить. О. ..., будучи въ лагерѣ, въ посылкахъ получалъ Св. Дары отъ скрывающихся священниковъ — “тихоновцевъ”. Была у него и самодѣльная епитрахиль, съ которою онъ совершалъ богослуженія. Докладчикъ присутствовалъ на тайномъ богослуженіи. Въ 4 часа утра его привели въ кабинетъ врача, который самъ отсутствовалъ. Богослуженіе совершалось тамъ шепотомъ, потому что за стѣной жили санитары. О. ... говорилъ докладчику, что гдѣ то въ сибирскихъ лагеряхъ служатъ извѣстные ему два архіепископа.

О существованіи тайной Церкви можно найти указанія и въ совѣтской печати. Въ журналѣ “Смѣна” (№ 12 за 1959 г.) былъ помѣщенъ очеркъ В. Мальцева “Святое Озеро”, описывающій паломничество къ озеру “Свѣтлое” въ Горьковской области.

Въ примѣчаніи Редакціи говорится, что весною къ этому озеру стекаются паломники не только изъ Горьковской области, но и изъ областей Ивановской, Костромской, Владимірской и Кировской, а также изъ Марійской и Чувашской автономныхъ рес-

публикѣ. Паломники собирались разнаго возраста, среди нихъ “можно нерѣдко встрѣтить юношей и дѣвушекъ, дѣтей школьнаго возраста”.

Вотъ какъ авторъ статьи описываетъ видѣнное имъ на берегу озера “Свѣтлое”: “Внизу въ лощинѣ между двумя холмами оборудовано мѣсто моленія: установленъ деревянный крестъ и рядомъ съ нимъ — два столба, на которыхъ укрѣплены маленькіе домики, похожіе на скворечники. Въ домикахъ стоятъ иконы, горятъ свѣчи. Около столбовъ толпится не менѣе ста человекъ, доносится невнятное церковное пѣніе, похожее на гулъ растревоженнаго улья”.

Такъ описано нелегальное богослуженіе, совершителя котораго гражданской власти не удалось поймать.

Изъ другихъ сообщеній печати видно, что то, что за границей называютъ “катакомбною Церковью”, въ СССР носитъ названіе “Истинной Православной Церкви” и члены ея именуются “истинными православными христіанами” въ отличіе отъ официальной Московской Патріархіи. О нихъ упоминаютъ въ разныхъ частяхъ Россіи: на югѣ, въ Тамбовѣ и въ Казакстанѣ. Газета “Правда Украины” въ 1960 г., возмущаясь дѣятельностью проповѣдника Митрофана Коваля въ Оситняжкѣ, Черкасской Области, писала: “Губите тѣло, чтобы спасти душу, — призывалъ Митрофанъ. Настоящая жизнь — на томъ свѣтѣ, а жизнь на землѣ — сатанинское навожденіе. Не посѣщайте кино и клубы, не читайте газетъ и книгъ, поститесь, все отдавайте истинной Православной Церкви. (Цитир. по газетѣ “Наше Общее Дѣло”, № 5, мартъ 1960 г.)

О процессѣ членовъ той же Церкви въ Ташкентѣ сообщала газета “Правда Востока” отъ 13 марта 1960 г. (О томъ же дѣлѣ были сообщенія и въ послѣдующихъ ея номерахъ 13 и 30 ноября 1960 г.). Сотрудники газеты, конечно, старались представить “истинно православныхъ христіанъ” въ самомъ неприглядномъ видѣ. И все таки нельзя безъ волненія читать даже въ ихъ изложеніи объ этихъ исповѣдникахъ, о несчастной матери Зоѣ Θεодоровнѣ Бѣлоусовой, выглядывающей сѣдой старухой въ свои 37 лѣтъ, о ея четырехлѣтнемъ сынѣ Сапѣ, берущемъ конфету въ ротъ только послѣ материнскаго благословенія. А его 14-лѣтняя сестра Галя, несмотря на свой еще дѣтскій возрастъ, проявляетъ подвигъ твердаго исповѣдничества: “Галя стоитъ на трибунѣ. Красивое, упрямое лицо, не по дѣтски серьезный печальный взглядъ... Быстро, заученно отвѣчаетъ дѣвочка на вопросы суда... Нѣтъ, она не пойдетъ въ школу. Нѣтъ, не хочетъ работать. Она хочетъ молиться и славить Господа... всю жизнь”.

Изъ словъ общественнаго обвинителя на этомъ судебномъ процессѣ видно, что “истинные православные христіане” не признають апостасійной совѣтской власти. Они не хотятъ на нее работать; они не хотятъ пускать своихъ дѣтей въ совѣтскую безбожную школу. При недавней переписи населенія они называли себя подданными святой православной Руси”. Они — “тихоновцы”, а потому обвинитель обрушивается на память Патріарха Тихона.

Въ трехъ номерахъ “Правда Востока” пишетъ объ этихъ исповѣдникахъ, перечисляя цѣлый рядъ семействъ и игуменію Павлу, какъ ихъ вдохновительницу. Подобное же дѣло имѣло мѣсто въ селѣ Самарино Бѣлгородской области. Тамъ состоялся судъ надъ отцомъ, попавшимъ въ “тенета церковниковъ”. Отецъ былъ лишень родительскихъ правъ за то, что не пускалъ свою дочь въ совѣтскую школу, водилъ ее въ церковь и училъ молитвамъ (Сельская Жизнь, 20 іюня 1961 г.).

Существованіе такихъ людей въ разныхъ частяхъ Россіи показываетъ, что оно не какое либо узкое мѣстное явленіе, а явленіе всероссійское, имѣющее повсюду одно названіе.

Исповѣдуя одну и ту же вѣру, проявляя одинаково свое отрицательное отношеніе къ совѣтской богоборческой власти и къ трудничающей съ нею Московской Патріархіи, истинные православные христіане нигдѣ не раскрываютъ — какъ именно устроена ихъ организація, какъ осуществляется ихъ объединеніе.

Изъ всѣхъ этихъ сообщеній непрерываемо явствуетъ и существованіе “Катакомбной Церкви”, и то, что идеологія ея совершенно непримирима съ политикой соглашательства Митрополита Сергія, (о чемъ уже говорилось въ 8-ой главѣ).

Вотъ почему, не имѣя никакихъ сношеній съ катакомбной Церковью, мы можемъ сказать, что идейно мы составляемъ съ нею одно цѣлое.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

КАНОНИЧЕСКИЙ ПУТЬ РУССКОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ЦЕРКВИ.

Критикуя утверждения прот. М. Польскаго, касающіяся каноническаго положенія Зарубежной Церкви, С. В. Троицкій обильно снабжаетъ свой трудъ тенденціозными мелочными нападками на Архіерейскій Сѣнодь и его Предсѣдателя. Его нападки большею частію повторяютъ то, что уже писалось въ просовѣтской прессѣ, и что уже неоднократно опровергалось.

При обсужденіи серьезныхъ каноническихъ вопросовъ такое пользованіе приемами диффамациі совсѣмъ не отвѣчаетъ достоинству ученаго. Для того, чтобы разобраться въ принципиальной правотѣ или неправотѣ того или иного каноническаго порядка, нѣтъ надобности останавливаться на какихъ либо отдѣльныхъ выступленіяхъ іерарховъ, если они не относятся прямо къ сути нашихъ отношеній къ подчиненной безбожникамъ Московской церковной власти.

Поэтому я совсѣмъ не хочу останавливаться на отдѣльныхъ выпадахъ С. В. Троицкаго противъ Зарубежнаго священноначалія (тѣмъ болѣе на выпадахъ противъ меня лично), которыхъ такъ много, что для опроверженія ихъ потребовалась бы цѣлая глава. Отвѣтить на эти выпады мнѣ было бы нетрудно, ибо ложь легко опровергается фактическимъ матеріаломъ.

Изъ всѣхъ нападковъ С. В. Троицкаго заслуживаютъ быть отмѣченными лишь немногія, какъ могущія имѣть нѣкоторое принципиальное значеніе.

1. С. В. Троицкій старается доказать, что Митрополитъ Анастасій и Архіерейскій Сѣнодь благословляли русскихъ людей на борьбу съ коммунизмомъ. Это — фактъ, который не требуетъ доказательствъ, ибо онъ никогда не скрывался и никѣмъ не отрицался. Они это дѣлали и будутъ дѣлать, такъ какъ коммунизмъ есть дѣло антихристово и, какъ показано мною выше, является ожесточеннымъ и неумолимымъ врагомъ религіи.

Если Церковь не только не осудила, а прославила Св. Григо-

рія Богослова, молившагося о низложеніи Юліана Отступника и преп. Сергія Радонежскаго, благословившаго воинскій подвигъ освобожденія Россіи отъ татарскаго ига; если Церковь не осудила, а прославила Патріарха Гермогена призывавшаго русскихъ людей къ изгнанію поляковъ изъ Москвы, какъ не осудила она и греческихъ іерарховъ, благословлявшихъ эллиновъ на борьбу за свободу отъ турокъ, — то она никогда не осудитъ и тѣхъ іерарховъ, которые благословляли русскихъ людей на вооруженную борьбу съ несравненно худшими безбожниками поработителями нашей Родины.

Теперь уже достаточно выяснена сущность Власовскаго движенія, которое благословлялъ Митрополитъ Анастасій.

Первоначально, подъ вліяніемъ печальной памяти Ялтинскаго соглашенія, американцы были склонны всѣхъ власовцевъ разсматривать какъ измѣнниковъ своей Родины. Поэтому бывшіе участники Русской Освободительной Арміи не только выдавались Совѣтской власти, противъ чего настойчиво протестовалъ Архіерейскій Синодъ, но и признавались не имѣющими права на въѣздъ въ Соединенные Штаты. Однако, тщательное изслѣдованіе этого вопроса привело американцевъ къ тому убѣжденію, что власовцы были отнюдь не измѣнниками, а русскими патріотами. Вслѣдствіе этого американцы не только перестали выдавать ихъ Совѣтамъ, но и стали свободно допускать ихъ въ свою страну.

Власовская Армія, созданная въ крайне тяжелыхъ условіяхъ, никогда не скрывала своего русскаго патріотизма и разсматривала нѣмцевъ въ качествѣ только временныхъ союзниковъ для уничтоженія коммунизма на Русской Землѣ, нерѣдко ясно давая это понятіе и имъ самимъ. Никто изъ русскихъ патріотовъ не мечталъ о конечной побѣдѣ нѣмцевъ, но всѣ думали и молились объ освобожденіи Россіи отъ большевицкой тираніи.

2. Необходимо отмѣтить и другую инсинуацію С. В. Троицкаго о томъ, что якобы Митрополитъ Анастасій въ своемъ Пасхальномъ посланіи 1948 года высказалъ пожеланіе — чтобы бомбы обрушились на Россію, “истребивъ милліоны невинныхъ людей, милліоны женщинъ и дѣтей” (стр. 108).

Въ дѣйствительности такого пожеланія Митрополитъ Анастасій никогда не высказывалъ. Въ своемъ Посланіи онъ говорилъ о пагубности религіозно-нравственнаго паденія русскихъ людей подъ вліяніемъ коммунизма, указывая, что такая *духовная гибель хуже физической смерти* отъ атомной бомбы. Владыка Митрополитъ высказывалъ ту мысль, которая была высказана Симимъ Спасите-

лемь о соблазняющихъ кого либо изъ малыхъ сихъ, что “лучше было бы если бы повѣсили ему жерновный камень и бросили его въ море” (Мрк. IX, 42).

Согласно примѣняемому имъ методу “толкованія” словъ Митрополита Анастасія С. В. Троицкій долженъ былъ бы истолковать и слова Самого Спасителя въ буквальномъ смыслѣ, какъ прямое наставленіе намъ бросать соблазнительей въ море, привязавъ имъ камни на шею.

Такіе недостойные ученаго богослова выпады и пропагандная инсинуація по адресу маститаго іерарха, рассчитаны только на неразборчиваго и легковѣрнаго читателя.

Столь же необоснованы и другія укоризны С. В. Троицкаго по адресу Архіерейскаго Сѣнода. Идти по слѣдамъ его мелочной диффамационной полемики — значило бы затемнить главный вопросъ о каноническихъ основаніяхъ существованія Зарубежной Церкви. Поэтому мы не будемъ на ней останавливаться, а перейдемъ прямо къ сути дѣла.

*
* *

С. В. Троицкій старается доказать, что Высшее Управление Русской Православной Церкви Заграницей не имѣло признанія ни съ чьей стороны. Чтобы создать у читателей впечатлѣніе нѣкакого самочинія въ самомъ зарожденіи организаціи Русской Зарубежной Церкви, онъ пишетъ, что Высшее Церковное Управление Юга Россіи послѣ своей эвакуаціи въ Турцію якобы исключительно подъ давленіемъ извнѣ обратилось къ Мѣстоблюстителю Константинопольскаго Патріаршаго Престола за благословеніемъ на свою дѣятельность. Вниманіе Управленія будто бы было обращено (къмъ?) на то, что оно не могло быть переименовано въ “Высшее Церковное Управление Заграницей” *своею властью*, находясь на территоріи Константинопольской Патріархіи. И якобы только послѣ этого Митрополитъ Антоній былъ “вынужденъ” (къмъ?) 16-го ноября посѣтить Мѣстоблюстителя и вручить ему меморандумъ (стр. 95-96).

На самомъ же дѣлѣ обращеніе къ Мѣстоблюстителю было рѣшено Высшимъ Церковнымъ Управленіемъ на первомъ же засѣданіи и не 16-го, а 6-го ноября, — сразу по прибытіи въ Константинополь эвакуированной изъ Крыма Арміи генерала Врангеля.

Въ архивѣ Архіерейскаго Сѣнода сохранились подлинныя протоколы Высшаго Церковнаго Управленія, благодаря чему Архіепископъ Никонъ въ своей книгѣ о Блаженнѣйшемъ Митрополитѣ Антоніи могъ цѣликомъ привести первое постановленіе Высшаго

Церковнаго Управленія на Югѣ Россіи, вынесенное на корабль “Александръ Михайловичъ” (Жизнеописаніе Блаженнѣйшаго Антонія, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго. Томъ V стр. 6-7. Нью Йоркъ. 1959 г.).

Въ этомъ постановленіи, вынесенномъ непосредственно по прибытіи въ Константинополь, до того, какъ могло бы быть оказано “давленіе”, было рѣшено: (п. “В”) “снести съ Константинопольской Патріархіей для выясненія каноническаго взаимоотношенія” и (п. “Е”) постановлено обратиться къ Главнокомандующему генералу Врангелю съ просьбой о томъ, чтобы онъ со своей стороны обратился къ Патріаршему Намѣстнику Митрополиту Брусскому Дороею по вопросу объ организаціи Управленія Русской Церкви въ Константинополѣ.

Но, такое обращеніе требовало приведенія извѣстныхъ данныхъ и выработки точной мотивировки. Затѣмъ, видимо, было желательно, чтобы одновременно съ обращеніемъ Митрополита Антонія было подано и обращеніе генерала Врангеля. Проектъ обращенія и письмо генерала Врангеля были готовы къ третьему засѣданію 16/29 ноября и на немъ заслушаны, послѣ чего Митрополиту Антонію и Епископу Веніамину были поручены переговоры съ Мѣстоблюстителемъ Патріарха Митрополитомъ Дороеемъ.

Результатомъ обращенія была Грамата Мѣстоблюстителя отъ 2-го декабря 1920 года, въ которой подъ предсѣдательствомъ Митрополита Антонія предоставлялось образовать “Эпитропію”, которая съ самаго начала получила названіе *Высшаго Церковнаго Управленія*. До 28 ноября / 11 декабря 1920 г. наше Церковное Управленіе продолжало именоваться “Высшимъ Церковнымъ Управленіемъ на Югѣ Россіи” и только въ протоколѣ слѣдующаго засѣданія 29 ноября / 12 декабря того же года стало впервые называть себя просто “Высшимъ Церковнымъ Управленіемъ”. Изъ этого видно, что означенное Управленіе признавало себя тѣмъ же самымъ Управленіемъ, которое дѣйствовало на Югѣ Россіи, и которое въ силу независящихъ обстоятельствъ продолжало свою дѣятельность за рубежомъ.

Говоря о полномочіяхъ Высшаго Церковнаго Управленія, Грамата Вселенскаго Патріархата также, какъ въ послѣдствіи и постановленіе Собора Сербской Церкви, касается только тѣхъ дѣйствій русской заграничной церковной власти, которыя относятся къ попеченію о русскихъ бѣженцахъ, проживающихъ “въ предѣлахъ православныхъ странъ”, т. е. на территоріяхъ другихъ Православныхъ Церквей.

Обращеніе къ Константинопольской Патріархіи вызывалось тѣмъ, что органъ, управляющій заграничными церквами, оказался на ея территоріи. Если бы Высшее Церковное Управление на Югѣ Россіи было эвакуировано въ страну, не входящую въ область какой либо автокефальной Церкви, оно не имѣло бы основанія искать съ ея стороны утвержденья.

Высшее Церковное Управление еще на Югѣ Россіи уже должно было вѣдать рядомъ дѣлъ русскихъ заграничныхъ церквей, лишенныхъ возможности сноситься съ Москвой. Очень скоро такія дѣла стали поступать и въ Константинополь. Уже на третьемъ своемъ засѣданіи Высшее Церковное Управление 16/26 ноября 1920 г. (т. е. черезъ 10 дней по прибытіи своемъ въ Царьградъ) слушало докладъ о нуждахъ Русской Духовной Миссіи въ Иерусалимѣ и назначило іеромонаха Мелетія вр. и. д. ея Начальника.

Итакъ, всякое ограниченіе правъ Высшаго Церковнаго Управленія со стороны Константинопольской Патріархіи могло относиться только къ его дѣятельности на ея территоріи. Она оговорила при этомъ только присвоеніе юрисдикціи, касающейся бракоразводныхъ дѣлъ. Напротивъ, Сербскій Соборъ, принимая Высшее Церковное Управление подъ свое покровительство, въ своемъ весьма краткомъ постановленіи упомянулъ, что и бракоразводныя дѣла принадлежать къ юрисдикціи Русской Зарубежной Церковной власти.

Самъ С. В. Троицкій признавалъ указанное ограниченіе со стороны Константинополя необоснованнымъ. Когда въ 1924 году Константинопольская Патріархія подъ вліяніемъ большевиковъ стала обвинять Архіепископа Анастасія, управлявшаго русскими православными общинами Константинопольскаго округа, въ нарушеніи правилъ, то С. В. Троицкій указывалъ на неканоничность въ дѣйствіяхъ Патріархіи.

“Обращаетъ вниманіе, писалъ онъ, что Архіепископу Анастасію поставлено въ вину его участіе въ бракоразводномъ процессѣ. Почему же Патріархія, дозволяя въ прежнее время русскимъ Архіепископамъ въ Константинополѣ вершить церковную юрисдикцію въ отношеніи къ православнымъ русскимъ, теперь пытается выдѣлить изъ круга этой юрисдикціи органически входящія въ нее бракоразводныя дѣла? Увы, не по какимъ либо принципиальнымъ каноническимъ соображеніямъ, а просто потому, что желаетъ и съ русскихъ обнищавшихъ бѣженцевъ получить установленныя въ Патріархіи высокія бракоразводныя пошлины” (“Дымное надмѣніе міра и Церковь”. Церковныя Вѣдомости. 1924 г. № 23 и 24, стр. 10).

Тотъ же С. В. Троицкій указывалъ на то, что выступленія Константинополя противъ Зарубежнаго Архіерейскаго Сѣнода противорѣчаютъ его первоначальнымъ рѣшеніямъ и сдѣланы были подъ воздѣйствіемъ большевицкихъ интригъ.

“Особенно трудно объяснить такой образъ дѣйствій Патріархіи потому, писалъ въ той же статьѣ С. В. Троицкій, что Русскій Архіерейскій Сѣнодъ существуетъ уже цѣлыхъ четыре года и существуетъ не безъ вѣдома и одобренія самой Патріархіи. Еще въ 1920 г. Митрополитъ Брусскій Дороевъ отъ имени Патріархіи уведомилъ Митрополита Кіевскаго Антонія о благословеніи Константинопольскимъ Св. Сѣнодомъ на дѣйствія Русской Церковной власти Заграницей, а на созванномъ съ благословенія Константинопольскаго Патріарха Русскомъ Церковномъ Собраніи въ Константинополѣ присутствовалъ и представитель Патріархіи.” (Тамъ же.)

Итакъ, С. В. Троицкій опять себѣ противорѣчитъ: ранѣе онъ признавалъ, что полномочія Русскому Церковному Управленію въ Константинополѣ были даны, а теперь онъ это оспариваетъ. Но это его оспариваніе не можетъ сдѣлать бывшее небывшимъ.

С. В. Троицкій пытается далѣе обвинить Митрополита Антонія и его сотрудниковъ въ нѣкоемъ введеніи Сербскаго Патріарха въ заблужденіе. Съ одной стороны, онъ приводитъ выдержку изъ доклада Высшаго Церковнаго Управленія, поданнаго Сербскому Патріарху 30 іюля 1921 года, о томъ, что оно получило утвержденіе для себя въ своихъ обязанностяхъ отъ Патріарха Тихона. А съ другой стороны, онъ приводитъ выдержку изъ письма Митрополита Антонія тому же Сербскому Патріарху отъ того же числа о томъ, что Константинопольское Русское Церковное Собраніе утвердило проектъ новой организаціи для всей паствы Всероссійскаго Патріарха, не имѣющей возможности поддерживать съ нимъ сношенія и о томъ, что этотъ проектъ посланъ Патріарху Тихону на утвержденіе. С. В. Троицкій хочетъ внушить читателю, что тутъ есть противорѣчіе. “Ясно, пишетъ онъ, что когда писался докладъ Патріарху Димитрію, никакого утвержденія со стороны Патріарха Тихона получено не было” (стр. 97).

Совсѣмъ это не “ясно”, отвѣтимъ мы. Въ докладѣ Патріарху Димитрію отъ Высшаго Церковнаго Управленія имѣлся въ виду Указъ Всероссійскаго Сѣнода отъ 26 марта / 8 апрѣля 1921 года за № 424 на имя Архіепископа Финляндскаго Серафима, въ которомъ значится:

“Ввиду состоявшагося постановленія Высшаго Церковнаго Управленія заграницей считать православныя русскія церкви въ Запад-

ной Европѣ находящимися временно, впредь до возобновленія правильныхъ и безпрепятственныхъ сношеній означенныхъ церковей съ Петроградомъ, подъ управленіемъ Преосвященнаго Волынскаго Евлогія, имя котораго и должно возноситься въ означенныхъ храмахъ вмѣсто имени Преосвященнаго Митрополита Петроградскаго”.

Нельзя не обратить вниманія на то, что въ Указѣ употреблено слово “*считать*” западно-европейскія церкви въ управленіи Митрополита Евлогія “*ввиду состоявшагося постановленія Высшаго Церковнаго Управленія*”. Постановленіе Синода основывается на послѣднемъ. Надо также замѣтить, что *актъ* этотъ носить характеръ *не учредительный или распорядительный, а разъяснительный* въ отвѣтъ на вопросъ о компетенціи Высшаго Церковнаго Управленія. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду и то, что за рубежомъ еще не было извѣстно постановленіе Патріарха, Всероссийскаго Синода и Высшаго Церковнаго Совѣта отъ 7/20 ноября 1920 года за № 362, которымъ въ Москвѣ уже руководствовались. Постановленіе Всероссийскаго Синода отъ 26 марта / 8 апрѣля несомнѣнно было основано на опредѣленіи за № 362, но Высшее Церковное Управленіе, не зная этого, имѣло полное основаніе трактовать Московскій Указъ о Западной Европѣ, какъ доказательство особаго признанія Высшаго Церковнаго Управленія Заграницей со стороны Патріарха и Синода. Письмо же Митрополита Антонія отъ 30 іюля 1921 года говоритъ не о надеждѣ получить благословеніе на *учрежденіе* заграничной Церковной власти, а о *проектѣ структуры* новой организаціи, для которой испрашивается утвержденіе Патріарха. Это — разныя вещи, одна другой совершенно не противорѣчающія и С. В. Троицкому при желаніи не трудно было бы это понять.

Не зная еще Постановленія отъ 7/20 ноября 1920 г., зарубежные іерархи, руководствуясь св. канонами и фактической потребностью, поступали, однако, въ соотвѣтствіи съ нимъ.

Здѣсь будетъ не лишнимъ напомнить текстъ этого постановленія, поскольку оно примѣнимо къ русскимъ заграничнымъ церквамъ.

П. 2-й этого постановленія гласитъ:

“Въ случаѣ, если епархія, вслѣдствіе передвиженія фронта, измѣненія государственной границы и т. п. окажется внѣ всякаго сношенія съ Высшимъ Церковнымъ Управленіемъ (Московскимъ) или само Высшее Церковное Управленіе во главѣ со Святѣйшимъ Патріархомъ почему либо прекратить свою дѣятельность, епархіальный Архіерей немедленно входитъ въ сношеніе съ Архіереями сосѣднихъ епархій на предметъ организаціи высшей инстанціи цер-

ковной власти для нѣсколькихъ епархій, находящихся въ одинаковыхъ условіяхъ (въ видѣ ли Временнаго Высшаго Церковнаго Правительства или Митрополичьяго Округа или еще иначе)”).

Попеченіе объ организаціи Высшей Церковной власти, указанное въ п. 2-мъ “*составляетъ непрелѣнный долгъ*” старшаго въ означенной группѣ Архіерея (п. 3).

Послѣдній (10-й) п. постановленія говоритъ о томъ, что всѣ принятыя на основаніи его мѣропріятія, впослѣдствіи, въ случаѣ возстановленія центральной церковной власти, должны быть представлены на утвержденіе послѣдней.

Когда былъ полученъ изъ Москвы Указъ отъ 22 апрѣля 1922 г. о закрытіи Высшаго Церковнаго Управленія Заграницей, Соборъ Епископовъ въ Сремскихъ Карловцахъ исполнилъ это постановленіе, но въ то же время реорганизоваль зарубежное церковное управленіе въ соотвѣтствіи съ указаціями уже ставшаго ему извѣстнымъ постановленія 7/20 ноября 1920 года.

Это рѣшеніе было принято 20 августа / 2 сентября 1922 года “въ виду нарушенія дѣятельности Высшей Всероссійской Церковной Власти и въ цѣляхъ правопреемства Высшей Церковной Власти, на основаніи постановленія Святѣйшаго Патріарха и Священнаго при немъ Синода, въ соединенномъ присутствіи Высшаго Церковнаго Совѣта отъ 7 / 20 ноября 1920 года, о преподаніи правилъ касательно организаціи высшей церковной власти въ случаѣ нарушенія или прекращенія дѣятельности Святѣйшаго Патріарха и высшихъ церковныхъ органовъ”.

Такимъ образомъ, если раньше органы заграничнаго церковнаго управленія, можетъ быть не вполне учитывая всѣ условія существованія Патріарха и Синода, пробовали обращаться въ Москву съ докладами и ожидали отъ Патріарха какихъ то указаній, то теперь они формально признали, что для Зарубежной Церкви полностью наступили условія, предусмотрѣнныя постановленіемъ 7 / 20 ноября 1920 года.

Въ предыдущихъ главахъ было показано, — какое давленіе въ теченіе многихъ лѣтъ оказывалось большевиками на возглавителей Русской Церкви, чтобы добиться карательныхъ мѣропріятіи противъ зарубежныхъ іерарховъ.

Вся *вынужденность* Московскаго Синодальнаго рѣшенія отъ 22 апрѣля 1922 г. явствуется уже изъ того факта, что оно было вынесено на основаніи сообщенія *заграничной русской газеты*, которую Патріаршее Управленіе не могло получить иначе, чѣмъ отъ Совѣтскихъ властей. Наступленіе же предусмотрѣнныя поста-

новленіемъ 7/20 ноября условій особенно явствуетъ изъ того, что на другой день послѣ подписанія Указа о роспускѣ Высшаго Церковнаго Управленія за границей былъ арестованъ Патріархъ Тихонъ.

Изъ анализа самого текста постановленія ясно видно, что оно не только было принято нехотя, но можетъ быть даже сознательно сформулировано такъ, чтобы это поняли за рубежомъ и могли по формальнымъ причинамъ оставить его безъ исполненія. Можетъ быть поняли это и большевики. Не потому ли они сразу послѣ подписанія этого Указа, написаннаго, какъ будто, имъ въ угоду, всетаки арестовали Патріарха Тихона?

Въ моемъ докладѣ Всезарубежному Собору въ 1938 году я высказалъ по этому поводу слѣдующія соображенія:

“Въ этомъ постановленіи характерно, что оно вынесено на основаніи газеты (“Новое Время”, издававшейся въ Сербіи), которую Патріархъ, при большевицкихъ условіяхъ, могъ получить не иначе, какъ черезъ руки большевиковъ. Затѣмъ постановленіе ограничивается весьма общимъ выраженіемъ — “нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ”, не называя никого по имени и въ томъ числѣ подписавшаго обращеніе Предсѣдателя Собора. Не менѣе важно рѣшеніе имѣть сужденіе объ отвѣтственности нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ “по возобновленіи нормальной дѣятельности Синода и при полномъ числѣ его членовъ”. Такимъ образомъ Синодъ подъ предсѣдательствомъ Патріарха, несомнѣнно испытывшій въ этомъ случаѣ давленіе большевиковъ, съ одной стороны отмежевался отъ выступленій Зарубежной Церкви, но съ другой — никого не покаралъ, оставляя заграничныхъ іерарховъ даже свободными отъ подсудности. Что касается его постановленія объ упраздненіи Высшаго Церковнаго Управленія, то и оно сформулировано такъ, что не могло имѣть окончательнаго значенія. Постановленіе въ своей мотивировкѣ содержитъ такую ошибку, которая сама по себѣ подрываетъ всю его силу. Синодъ рѣшаетъ объ упраздненіи Высшаго Церковнаго Управленія “принимая во вниманіе, что, за назначеніемъ тѣмъ же Высшимъ Церковнымъ Управленіемъ Преосвященнаго Митрополита Евлогія Завѣдывающимъ русскими православными церквами за границей, собственно для Высшаго Церковнаго Управленія тамъ не остается уже области, въ которой оно могло проявить свою дѣятельность”. Между тѣмъ въ вѣдѣніи Высшаго Церковнаго Управленія въ то время было уже 9 епархій, а Митрополиту Евлогію было поручено управленіе лишь церквами въ Западной Европѣ, при чемъ постановленіе о семъ Высшаго Церковнаго Управленія было подтверждено Синодальнымъ Указомъ отъ 26 марта / 8 апрѣля 1921 г. № 424. Игнорируя существованіе этихъ епархій, Указъ Синода не даетъ Митрополиту

Евлогію полномочій управлять какими бы то ни было церквами сверхъ рѣше порученныхъ ему Высшимъ Церковнымъ Управленіемъ. Только о порядкѣ управленія этими церквами, а не всѣми епархіями за рубежомъ, поручается Митрополиту Евлогію представить свои соображенія. Въ виду сего Высшее Церковное Управленіе было совершенно право, что Указъ о его упраздненіи не можетъ быть выполненъ до представленія Патріарху Тихону доклада о дѣйствительномъ положеніи Зарубежной Церкви и полученія отъ него разъясненій, указаній и свободнаго волеизъявленія (постановленіе отъ 18 августа / 1-го сентября 1922 г.). (“Дѣянія Второго Всезарубежнаго Собора Русской Православной Церкви за границей, съ участіемъ представителей клира и мірянъ, состоявшагося 1/14 — 11/24 августа 1938 года въ Сремскихъ Карловцахъ въ Югославіи”. Бѣлградъ. 1939 г. стр. 559-560).

Но, собравшійся вслѣдъ за тѣмъ Соборъ Епископовъ, хотя и не зналъ объ арестѣ Патріарха, правильно усмотрѣлъ, что ждать отъ него новыхъ указаній уже больше нельзя, ибо наступило время для приведенія въ исполненіе постановленія Патріарха отъ 7/20 ноября 1920 года.

Это основаніе осталось въ силѣ и до сихъ поръ. Я полагаю, что изъ предыдущихъ главъ достаточно ясно, что нормальнаго теченія церковной жизни въ Россіи нѣтъ и понынѣ и что представляемое столь блестящимъ въ просовѣтской пропагандѣ положеніе Церкви въ Россіи остается на самомъ дѣлѣ очень печальнымъ. Тамъ нѣтъ свободной церковной власти, существующій въ Москвѣ Патріархъ по меньшей мѣрѣ сомнителенъ даже въ отношеніи внѣшней своей каноничности и внѣ всякаго сомнѣнія является орудіемъ въ рукахъ безбожной Совѣтской власти.

Относительно послѣдняго приводитъ доказательства, хотя быть можетъ и самъ того не желая, С. В. Троицкій. Онъ перечисляетъ постановленія, выносившіяся въ Москвѣ относительно Зарубежной Церкви, и невольно нанизываетъ одно за другимъ доказательства ихъ *политическаго* содержанія.

Совѣтская власть борется со свободной русской эмиграціей и пытается ее “разоружить” черезъ Церковь, которая вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлается орудіемъ совѣтской пропаганды. Перечислимъ хотя бы часть этихъ попытокъ:

1. Актъ о закрытіи Высшаго Церковнаго Управленія 22 апрѣля / 5 мая 1922 г. имѣлъ политическую мотивировку.

2. Въ посланіи Патріарха Тихона отъ 28 іюня 1923 г. опять упоминается, что Высшее Церковное Управленіе было закрыто за антикоммунистическое его выступленіе.

3. Въ посланіи 1 іюля 1923 г. упоминается какъ этотъ фактъ, такъ и тотъ, что зарубежные архіереи во главѣ съ Митрополитомъ Антоніемъ продолжаютъ выступать противъ большевиковъ.

4. Въ постановленіи Сѣнода отъ 8 апрѣля 1924 г. противъ Заграничнаго Архіерейскаго Сѣнода идетъ рѣчь о “политической дѣятельности заграничныхъ іерарховъ, имѣющей цѣлью дискредитировать нашу (т. е. Совѣтскую) государственную власть”.

5. Въ 1924 году большевикамъ удалось воздѣйствовать на Вселенскую Патріархію, которая предъявила Архіепископу Анастасію тѣ же требованія, т. е. чтобы находящіеся въ Константинополь русскіе клирики “избѣгали проявленій политическаго свойства, равно какъ возношенія именъ и особъ, указывающихъ на политическія упованія и предпочтенія, и потому могущихъ причинить серьезный вредъ и въ частности и вообще” (Грамата отъ 29 марта 1924 г. за № 1160). Поясняя содержаніе этого требованія великій Секретарь Патріаршаго Сѣнода заявилъ, что здѣсь “запрещается касаться большевизма со всѣхъ точекъ зрѣнія, даже какъ ярко выраженнаго антирелигіознаго и антиторальнаго начала, т. к. это могло бы набросить тѣнь на Совѣтскую власть, признанную законной всѣмъ Русскимъ народомъ и Патріархомъ Тихономъ” (Обращеніе Митрополита Евлогія къ паствѣ 22 іюня / 6 іюля 1924 г.).

6. Митрополитъ Сергій сначала пытался только отмежеваться отъ заграничнаго духовенства, но затѣмъ, какъ это было показано выше, подъ давленіемъ неудовлетворявшейся этимъ Совѣтской власти, сталъ съ 1927 г. требовать отъ этого духовенства “лояльности” къ большевикамъ. То же требованіе съ угрозой прещеній за неисполненіе было повторено имъ въ 1928 г. За неисполненіе этого требованія Митрополитъ Сергій заявилъ о наложеніи прещеній на рядъ зарубежныхъ епископовъ.

7. Въ 1936 г. за нарушеніе этого обязательства, выразившееся въ совершеніи панихидъ по жертвамъ русской революціи и большевицкаго террора, Митрополитъ Евлогій былъ уволенъ отъ должности. Вотъ какъ протопресвитеръ Николай Сахаровъ докладывалъ объ этихъ требованіяхъ Митрополита Сергія на Чрезвычайномъ Епархіальномъ Собраніи Русскихъ Православныхъ Церквей Экзарха Вселенскаго Патріарха въ Зап. Европѣ 16 октября 1946 г.:

“Какъ извѣстно, въ двадцатыхъ годахъ въ Россіи возникли жестокія гоненія на почвѣ религіи. Были многочисленныя жертвы. И, естественно, родственники, друзья и знакомые казненныхъ обращались къ Митрополиту Евлогію и подвѣдомственному ему духовен-

ству съ просьбой помолиться объ усопшихъ и отслужить панихиды. Когда приходило извѣстiе о смерти болѣе или менѣе извѣстнаго общественнаго дѣятеля, панихиды принимали болѣе торжественный характеръ: собирались помолиться не только родственники и знакомые, но и бывшіе сослуживцы, сотрудники, соратники усопшаго. Митрополитъ Сергій, бывшій въ то время Замѣстителемъ Мѣстоблюстителя Патріаршаго Престола, усмотрѣлъ въ этихъ панихидахъ враждебное Совѣтской власти политиканство и Указомъ отъ 1/14 іюля 1927 года потребовалъ отъ Митрополита Евлогія и духовенства письменное обязательство въ томъ, что “они не допустятъ въ своей общественной, въ особенности церковной дѣятельности ничего такого, что можетъ быть принято за выраженіе ихъ нелояльности къ Совѣтскому правительству”. При этомъ онъ прибавилъ, что “отказавшіеся исполнить это условіе или не давшіе до 2/15 сентября отвѣта на сдѣланное предложеніе, а равно и нарушившіе принятое на себя обязательство увольняются отъ должности и исключаются изъ состава клира, находящагося въ вѣдѣніи Московской Патріархіи”. Напрасно Митрополитъ Евлогій въ цѣломъ рядѣ писемъ, въ теченіе трехъ съ лишкомъ лѣтъ, старался доказать Митрополиту Сергію, что никакого политиканства при служеніи панихидъ ни у него, ни у его духовенства не было, что, наоборотъ, было бы политиканствомъ, если бы онъ и духовенство стали отказывать въ молитвѣ тѣмъ, кто казненъ въ Россіи, — что онъ и духовенство не могутъ дать обязательства въ лояльности совѣтской власти уже потому, что въ подданствѣ совѣтскомъ не состоятъ и т. д. Напрасно также Митрополитъ Евлогій указывалъ и на то, что духовенство не въ состояніи разбирать, при какихъ условіяхъ произошла кончина или по какимъ побужденіямъ заказывается панихида... При каждомъ сообщеніи въ газетахъ о панихидахъ, совершенныхъ Митрополитомъ Евлогіемъ или его духовенствомъ, по томъ или другому казненномъ въ Россіи, Митрополитъ Сергій писалъ Митрополиту Евлогію, укоряя его въ нарушеніи даннаго обязательства”... (Церковный Вѣстникъ Зап. Европейской епархіи № 2, ноябрь 1946 г. стр. 7).

Картина политическаго воздѣйствія на русскую эмиграцію черезъ Московскую церковную власть тутъ нарисована достаточно ярко. Надо добавить къ ней, что Митрополитъ Сергій конечно не могъ получать заграничныхъ газетъ. О всѣхъ неугодныхъ Совѣтамъ панихидахъ онъ могъ узнавать только отъ агентовъ гражданской власти, которые и требовали отъ него воздѣйствія на Митрополита Евлогія.

8. Въ 1934 году Митрополитъ Сергій, объявляя о прещеніяхъ противъ зарубежныхъ епископовъ, опять напоминалъ о требованіи лояльности въ отношеніи совѣтской власти, хотя и за-

мѣчалъ, что кара налагается на непокорный клиръ за неподчиненіе ему, независимо отъ того, дали или не дали они обязательство о лояльности. (Указъ на имя Митрополита Елевверія отъ 22 іюля 1934 г. за № 944). Однако, въ свое время подчиненіе ему должно было выразиться именно въ этомъ обязательствѣ.

9. О попыткахъ воздѣйствія Совѣтовъ на русское зарубежье послѣ Второй Великой Войны подробно говорится у насъ въ 10-й главѣ.

10. Наконецъ яркимъ показателемъ политическаго характера дѣятельности Московской Патріархіи подъ руководствомъ Совѣтовъ явился образъ дѣйствій Московской делегации на Родосскомъ Предсоборномъ Совѣщаніи. Объ этомъ корреспондентъ газеты "The New York Times" Дана Адамсъ Шмидтъ пишетъ слѣдующее:

"Старцы, говорить она о представителяхъ Восточныхъ Церквей, задумываются, надо ли считать Русскую Церковь Церковью мученицей, старающейся соблюсти свою независимость въ атеистическомъ государствѣ или она должна быть на самомъ дѣлѣ разсматриваема, какъ слуга Совѣтскаго режима... Доказательства смутны. Было слышно, какъ Архіепископъ Никодимъ предупреждалъ, что слѣдующія совѣщанія бесполезны, если не будутъ включены его политическіе пункты. Другой членъ Совѣтской делегации былъ слышенъ жалующимся, что его группа никакъ не можетъ вернуться въ Москву, если ея пункты не будутъ приняты" (№ отъ 1 окт. 1961 г.).

Политическая порабощенность Московской церковной власти была такимъ образомъ показана передъ лицомъ всего Православнаго міра.

Всѣ эти дѣйствія свидѣтельствуютъ о томъ, что Московская Патріархія находится въ полномъ услуженіи у безбожной власти, и что поэтому далеко еще не наступило то время, когда для Заграничной Русской Церкви стало бы излишнимъ примѣненіе постановленія Патріарха Тихона и Священнаго Синода при немъ отъ 7/20 ноября 1920 года.

Но, С. В. Троицкій, стараясь услужить Москвѣ, теперь выступаетъ противъ самостоятельнаго существованія Русской Церкви за рубежомъ своего Отечества, хотя ранѣе онъ самъ находилъ самые убѣдительные доводы въ пользу независимости Зарубежной Церкви.

5-го іюля 1937 года былъ изданъ статутъ Архіепископіи Русской Православной Церкви въ Бельгіи, входящей въ составъ Западно-Европейскаго Экзархата Вселенскаго Патріарха. Для выясненія вопроса о томъ, какъ этотъ статутъ можетъ отозваться

на положеніи находящихся въ Бельгіи церквей, подчиненныхъ Архіерейскому Синоду и о томъ, какіе шаги слѣдовало бы принять для защиты ихъ интересовъ въ случаѣ надобности, Митрополитъ Анастасій просилъ С. В. Троицкаго дать свой отзывъ. И С. В. Троицкій тогда написалъ свою записку подъ заглавіемъ “*Возможность и юридическая правильность основанія православной русской епархіи въ Бельгіи, подчиненной Русскому Синоду въ Югославіи*”. Записка эта въ подлинникѣ, писанномъ собственноручно С. В. Троицкимъ, сохранилась въ архивѣ Синода. Сжато и доказательно она опровергаетъ нынѣшнее писаніе ея автора и заслуживаетъ того, чтобы привести ее здѣсь почти полностью.

На поставленный вопросъ въ заголовкѣ записки С. В. Троицкій отвѣчаетъ такъ:

“Таковая возможность и правильность доказывается:

1. Законностью существованія Русскаго Синода въ Югославіи съ точки зрѣнія православнаго каноническаго ученія.

2. Тѣмъ обстоятельствомъ, что существующая въ Бельгіи такъ называемая Русская Архіепископія на самомъ дѣлѣ къ составу Русской Церкви не принадлежитъ.

3. Что эта Архіепископія носить официальное наименованіе *Русской* — неправильно.

1. Открытіе Православной Русской епархіи въ Бельгіи, подчиненной Русскому Св. Синоду въ Югославіи исполнѣ согласно съ ученіемъ Православной Церкви. Въ отличіе отъ Церкви Римско-Католической, считающей необходимымъ подчиненіе всѣхъ ея частей одному административному центру, Православная Церковь допускаетъ возможность дѣленія на любое количество независимыхъ другъ отъ друга административныхъ единицъ (Апост. прав. 34, 1 Вс. Соб. пр. 4-е, 2 Вс. Соб. пр. 2-е, 3 Вс. Соб. пр. 8-е и др.), называемыхъ автокефальными церквами. И исторія свидѣтельствуетъ, что и фактически Православная Церковь всегда была подѣлена на нѣсколько самостоятельныхъ Церквей, число коихъ то возрастало, то падало. Во времена 1-го Вселенскаго Собора число автокефальныхъ Церквей почти равнялось числу римскихъ провинцій (Ант. Соб. пр. 9-е), доходя до сотни, въ 5-мъ вѣкѣ до 19-го это число колебалось между 7 и 15, а въ настоящее время доходить до 14 (7 патриархатовъ и церкви: Кипрская, Греческая, Синайская, Болгарская, Польская, Грузинская и Албанская), при чемъ возможно и возникновеніе новыхъ автокефальныхъ Церквей, такъ же какъ и слитіе нѣсколькихъ автокефальныхъ церквей въ одну.

Но, допуская приобрѣтеніе нѣкоторою частью Церкви административной самостоятельности, Православная Церковь ставитъ каноническую правильность таковой самостоятельности въ зависимость

отъ соблюденія нѣкоторыхъ условій, а именно: а) наличности важныхъ мотивовъ для такого выдѣленія (напримѣръ измѣненія государственныхъ границъ и другихъ политическихъ причинъ), б) согласія верховной власти извѣстной Церкви (Церкви-матери или кѳиріархальной) на отдѣленіе отъ нея извѣстной ея части (Церкви-дочери), в) способность отдѣляющейся части къ самостоятельному существованію, выражающейся прежде всего въ наличности извѣстнаго числа епископовъ (не менѣе трехъ).

Всѣ эти условія были соблюдены, когда въ 1921 году образовалось въ Югославіи Русское Высшее Церковное Управленіе.

а) Важнымъ мотивомъ временной административной самостоятельности заграничной части Русской Церкви явилось въ Россіи господство антирелигіозной власти Совѣтовъ, поработившей центральное управленіе Русской Церкви въ Москвѣ и антисовѣтское настроеніе громаднаго большинства русскаго православнаго населенія за границей, вслѣдствіе чего нормальное общеніе между центральной властью Русской Церкви и заграничною ея частью сдѣлалось совершенно невозможнымъ. Настойчивыя попытки заграничныхъ русскихъ епископовъ въ томъ числѣ Митрополита Евлогія поддерживать общеніе съ Москвою закончились полной неудачей.

б) Существуетъ и согласіе центральной власти Русской Церкви на временную административную самостоятельность Заграничной Церкви, выраженное еще до ея поработенія антирелигіозною властью. Таково постановленіе Святѣйшаго Патріарха, Священнаго Синода и Высшаго Церковнаго Совѣта отъ 7/20-го ноября 1920 г. № 362 (— “Церковныя Вѣдомости” 1920 г. № 1 стр. 2-3), гдѣ предписывается образованіе временнаго Высшаго Церковнаго Управленія для тѣхъ частей Русской Церкви, которыя окажутся внѣ общенія съ центральнымъ церковнымъ управленіемъ въ Москвѣ. На это “Постановленіе” неоднократно ссылается и Митрополитъ Евлогій (см., напримѣръ, “Церковный Вѣстникъ” № 10 1930 г. стр. 13-14, № 3 1931 г. стр. 3-8). Точно также и посланіе Замѣстителя Патріарха Русской Церкви Митрополита Агафангела отъ 5/18 іюня 1922 г. (“Церковныя Вѣдомости” № 10 1922 г. стр. 2) даетъ право на временную самостоятельность частямъ Русской Церкви, лишеннымъ почему либо возможности сносясь съ ея центральной властью. Не разъ указывалъ на необходимость такой самостоятельности и именно для заграничныхъ частей Русской Церкви и нынѣшній глава Русской Церкви Митрополитъ Московскій Сергій. Такъ въ письмѣ заграничнымъ русскимъ епископамъ отъ 12-го сентября 1926 г. (“Вѣстникъ Христ. Студ. Движ.” 1927 г. мартъ, стр. 29) онъ высказываетъ мысль, что Московская Патріархія не можетъ “быть руководительницей церковной жизни православныхъ эмигрантовъ, когда между ними фактически нѣтъ отношеній”, и совѣтуетъ: “въ не-

православныхъ странахъ организовать самостоятельныя общины или церкви, членами которыхъ могутъ быть и нерусскіе". Въ посланіи Митрополиту Варшавскому Діонисію отъ 4-го января 1928 г. онъ доказываетъ, что для Польской Церкви не было необходимости отдѣляться отъ Церкви Русской, такъ какъ временная самостоятельность, предоставленная заграничнымъ частямъ Русской Церкви Постановленіемъ Московской Патріархіи отъ 1920 г. даетъ ей "совершенно безболѣзненный выходъ изъ всякихъ затруднительныхъ положеній" и совѣтуетъ "положить въ основу церковной жизни это постановление". Тѣ же мысли о заграничной части Русской Церкви Митрополитъ Сергій высказываетъ и въ своихъ посланіяхъ къ архипастырямъ и пасомымъ Московской Патріархіи" отъ 10-го іюня 1926 г. и отъ апрѣля 1927-го года ("Вѣстникъ Христ. Студ. Движенія" 1927 г. іюль стр. 19-24).

в) Наконецъ существуетъ и формальное условіе для административной самостоятельности Русской Заграничной Церкви, такъ какъ она всегда имѣла много болѣе трехъ епископовъ и потому могла образовать и дѣйствительно образовала высшіе соборные органы церковнаго управленія — Соборы и Синоды Епископовъ.

Право на административную самостоятельность заграничной части Русской Церкви признано и всѣми другими автокефальными Православными Церквями, кромѣ греческихъ и, что особенно важно, Сербской Патріархіей, на территоріи которой находится Русское Заграничное Церковное Управленіе (акты Соборовъ Сербской Патріархіи отъ 31-го августа 1921 г. № 31, отъ 9-го декабря 1924 г. № 41 и др.).

Отрицательное отношеніе Константинопольской и другихъ греческихъ церквей къ Заграничному Русскому Высшему Церковному Управленію, проявленное въ частности и въ "свидѣтельствѣ", выданномъ 11-го декабря 1936 г. Митрополиту Евлогію и Архіепископу Александру, объясняется всецѣло своекорыстными мотивами и не имѣетъ для себя каноническихъ основаній. Начиная съ 1922 г. среди грековъ явилась выгодная для нихъ, но несогласная съ канонами Православной Церкви теорія, что вся Православная діаспора, т. е. всѣ православные проживающіе внѣ государствъ, въ которыхъ имѣется центральная власть какой либо автокефальной Церкви, должна быть подчинена греческой Константинопольской Церкви, а существованіе заграничнаго русскаго церковнаго управленія несомнѣстимо съ этой теоріей.

По вышеизложеннымъ соображеніямъ существованіе какъ вышшаго Русскаго Церковнаго Управленія за границей — въ видѣ Архіерейскаго Синода въ Югославіи, такъ и подчиненной ему Православной Епархіи въ Бельгіи слѣдуетъ признать вполне отвѣчающимъ ученію Православной Церкви.

2. Но въ Бельгіи уже существуетъ другая епархія, носящая наименованіе “Архіепископіи Русской Православной Церкви въ Бельгіи”, возглавляемая Архіепископомъ Александромъ и уже признанная 5-го іюня 1937 г. властью Бельгійскаго государства. И вотъ возникаетъ вопросъ: возможно ли признаніе епархія, подчиненной Русскому Синоду, когда въ Бельгіи уже существуетъ одна, повидимому, русская епархія?

На этотъ вопросъ должно дать положительный отвѣтъ, такъ какъ “Архіепископія Православной Русской Церкви въ Бельгіи” является русской лишь этнически, а не канонически, является русской лишь въ томъ смыслѣ, что большинство ея членовъ принадлежать къ русской національности, а вовсе не въ томъ, что она входитъ въ составъ Русской Церкви. Какъ гласитъ чл. 4 статуту этой Архіепископіи, она “составляетъ неразрывную часть экзархата, установленнаго для православныхъ русскихъ церквей въ Европѣ” и “подчинена духовной власти архіепископа — Митрополита православныхъ русскихъ церквей въ Европѣ, Экзарха Вселенскаго Патріарха (нынѣ Его Высокопреосвященства Митрополита Евлогія Георгіевскаго), а черезъ него духовной власти Его Святѣйшества Константинопольскаго Патріарха”. Но если архіепископія подчинена Константинопольскому Патріарху, то значить она не подчинена центральной власти Русской Церкви, такъ какъ Церковь Константинопольская и Церковь Русская суть двѣ особы, въ административномъ отношеніи самостоятельныя организаціи и такъ какъ зависимости отъ двухъ Церквей православное каноническое право не допускаетъ. Поэтому то и Глава Русской Церкви Митрополитъ Московскій Сергій истолковалъ подчиненіе Митрополита Евлогія Константинопольскому Патріарху (отъ 8/VI и 15/X 1931 г. Посланіе Константинопольскому Патріарху. “Церковный Вѣстникъ” 1931 г. № 7, стр. 6-8) какъ отдѣленіе отъ Русской Церкви. Такъ понялъ это подчиненіе и Константинопольскій Патріархъ и потому, когда Митрополитъ Московскій Сергій послалъ въ епархію Митрополита Евлогія своего экзарха Митрополита Елевверія, Патріархъ Константинопольскій Фотій потребовалъ, чтобы Митрополитъ Елевверій возвратился въ свою епархію и впредь не вмѣшивался въ *чужіе* предѣлы и округа (“Церковный Вѣстникъ” 1931 г. № 7, стр. 3-5). И самое “свидѣтельство”, выданное Константинопольской патріархіей Митрополиту Евлогію и Архіепископу Александру для представленія въ Министерство Юстиціи Бельгійскаго Королевства 11 декабря 1936 года, называетъ подчиненную Митрополиту Евлогію область учрежденною Патріархіей *своею* (т. е. Константинопольскою, а не Русскою) экзархіей.

Наконецъ въ смыслѣ отдѣленія отъ Русской Церкви поняли подчиненіе Константинопольской Церкви и другія автокефальныя Церкви, о чемъ свидѣтельствуется напримѣръ Посланіе Сербскаго

Патріарха Варнавы Митрополиту Елєвєрію отъ 14/II 1932 года (“Голосъ Литовской епархіи”, 1932 г. № 2, стр. 30).

Отсюда слѣдуетъ, что наименованіе возглавляемой Архієпископомъ Александромъ епархіи “Архієпископіей Русской Церкви” въ Указѣ и Статутахъ отъ 5-го іюня 1937 года неправильно. Въ составъ Русской Церкви входятъ лишь тѣ епархіи, которыя не подчинены какой либо другой автокефальной Церкви, а подчинены исключительно центральной церковной власти въ Москвѣ или пользуются на основаніи “Постановленія” самой же этой власти отъ 20 ноября 1920 г. временною самостоятельностью, чтобы при первой возможности вновь подчиниться ей, на каковомъ положеніи состоитъ Заграничная Русская Церковь, управляемая Синодомъ въ Югославіи.

Если архієпископія, управляемая Архієпископомъ Александромъ, въ составъ Русской Церкви не входитъ и наименованіе Русской епархіи носить неправильно, то отсюда слѣдуетъ, что всѣ Православные Русскіе люди, не желающіе покидать родную имъ Русскую Церковь, во имя религіозной свободы, признанной бельгійскими законами, не могутъ быть принуждаемы войти въ составъ архієпископіи, управляемой Архієпископомъ Александромъ и тѣмъ самымъ — въ составъ Константинопольской Церкви, а должны получить возможность организовать особую, дѣйствительно русскую епархію, подчиненную Русскому Синоду въ Югославіи, которому подчинены и всѣ православныя русскія епархіи и приходы внѣ границъ Совѣтской Россіи: существованіе въ Бельгіи Православной епархіи Константинопольской юрисдикціи не можетъ служить къ тому ни малѣйшимъ препятствіемъ, такъ какъ православное каноническое право не запрещаетъ сосуществованіе въ одномъ государствѣ епархіи различныхъ юрисдикцій и даже нѣсколькихъ автокефальныхъ церквей. Число автокефальныхъ церквей въ Византійскомъ государствѣ никогда не было меньше пяти, нѣсколько православныхъ Церквей существовало въ Турціи, три православныхъ Церкви существовало до Сень-Жерменскаго мира въ Австро-Венгріи. Въ настоящее время русскія епархіи существуютъ во многихъ странахъ, гдѣ существуютъ епархіи другихъ автокефальныхъ церквей, напримѣръ въ Югославіи, въ Болгаріи, во Франціи, въ Соединенныхъ Штатахъ, такъ что новая русская епархіа въ Бельгіи, при существованіи тамъ другой Православной епархіи не будетъ какимъ либо исключеніемъ”.

Кажется нѣтъ надобности что либо добавлять къ аргументаціи С. В. Троицкаго въ оправданіе самостоятельнаго существованія Русской Церкви за рубежомъ.

Никто другой, какъ С. В. Троицкій еще ранѣе въ своей статьѣ “О правахъ епископовъ лишившихся своихъ кафедръ безъ своей

вины” (Церковныя Вѣдомости за 1922 г. № 14, 15, 16, 17, 18, 19), формулируя *каноническую норму* писалъ слѣдующее:

“Въ случаѣ вынужденнаго перехода въ предѣлы другой автокефальной Церкви вмѣстѣ съ народомъ, епископъ сохраняетъ за собой и на новой территоріи всѣ тѣ права какъ во внутреннемъ управленіи, такъ и въ междуцерковныхъ отношеніяхъ, какія онъ имѣлъ на территоріи прежней, и возглавляетъ собою независимую отъ мѣстной церковной власти Церковь — автокефальную, если онъ былъ автокефальнымъ и на прежней территоріи, и подчиненную высшей церковной власти на прежней территоріи, если онъ таковымъ на прежней территоріи не былъ (Трулъск. Соб. пр. 39)”.

Тотъ же принципъ получилъ авторитетное подтвержденіе въ постановленіи Сербскаго Архіерейскаго Собора отъ 6-го декабря 1927 г. Постановленіе это, вынесенное для того, чтобы поддержать передъ гражданскими властями брачную юрисдикцію Русской Заграничной Церкви на территоріи Югославіи, гласило:

“По канонамъ Св. Православной Церкви, когда православная іерархія со своей паствой вслѣдствіе гоненія переселяется на территорію другой самостоятельной Церкви, она имѣетъ право самостоятельной организаціи и управленія”.

Фактически не только Сербская Церковь, но и другія Церкви въ той или иной формѣ примѣняли эту каноническую норму къ русскимъ заграничнымъ общинамъ, образовавшимся на ихъ территоріи. Мы можемъ указать на примѣръ Антиохійской Церкви, никогда не отрицавшей право Архіерейскаго Сѣнода имѣть юрисдикцію надъ существующей и нынѣ Бейрутской общиной. Александрійская Церковь допускаетъ и сейчасъ у себя рядъ русскихъ общинъ, во главѣ которыхъ въ Сѣверной Африкѣ одно время былъ даже русскій Епископъ, при чемъ Александрійскій Патріархъ, отмѣчая его лояльное отношеніе къ мѣстной церковной власти, не возражалъ противъ его пребыванія на территоріи Александрійской Церкви. (Письмо Патріаршаго Викарія Митрополита Триполійскаго Теофана отъ 31 декабря 1952 г. на имя Предсѣдателя Арх. Сѣнода).

На Балканахъ русскія общины имѣли свое епархіальное управленіе не только въ Югославіи, но и въ Болгаріи.

Даже Вселенская Патріархія считалась съ нуждой русской церковной общины въ Константинополѣ въ подчиненіи ея русской церковной власти. До недавняго времени Патріархія не возражала противъ этого, вела объ этой общинѣ переписку съ Предсѣдателемъ Русскаго Архіерейскаго Сѣнода, и Патріархъ Аѳинагоръ однажды даже оказалъ ей честь своимъ посѣщеніемъ.

Если нашъ выдающійся ученый церковный историкъ проф. В. В. Болотовъ говорилъ, что канонично все то, что полезно для Церкви, то нельзя не прибавить этого аргумента къ 39-му правилу Трулльскаго Собора въ оправданіе самостоятельнаго существованія Русской Православной Церкви Заграницей даже на территоріи другихъ православныхъ Церквей.

С. В. Троицкій въ своей статьѣ “Дымное надмѣніе міра и Церковь” (Церковныя Вѣдомости за 1924 г. № № 21-22) весьма убѣдительно показалъ, что “въ основѣ церковнаго устройства лежитъ не территоріальное, а личное начало... Если обычно епископская юрисдикція ограничивается опредѣленной территоріей, то вовсе не по какимъ либо каноническимъ основаніямъ, а лишь по мотивамъ практическаго удобства, по мотивамъ церковной икономіи” (стр. 7).

Въ 1949 и 1950 гг. по этому вопросу у насъ была небольшая полемика съ протоіереемъ А. Шмеманомъ. Онъ возражалъ мнѣ и Епископу Наанаилу, утверждая будто юрисдикція должна основываться только на территоріальномъ принципѣ. Эта точка зрѣнія вполнѣ опровергнута какъ упомянутыми выше статьями С. В. Троицкаго, такъ и въ статьяхъ Епископа Наанаила (“Помѣстный принципъ и единство Церкви”. Церковная Жизнь, № 5 и № 6 за 1950 г.), протоіерея Михаила Помазанскаго (“Наше церковное правосознаніе”. Церковная Жизнь, № 1-2 за 1950 г.) и моихъ (“Каноническое основаніе Русской Зарубежной Церкви”, Церковная Жизнь, № 10-11-12, за 1949 г. и “Два принципа въ юрисдикціи”, Церковная Жизнь, № 5-6, за 1950 г.).

Въ первой изъ моихъ статей я отмѣчалъ, что извѣстное 34-е Апостольское правило содержитъ оба принципа: оно говоритъ о епископахъ “всякаго народа” (ἐκάστου ἔθνους) и вмѣстѣ о территоріи: “епархіи и мѣстѣ къ ней принадлежащемъ”. Народъ, составляющій ту или иную Церковь, обычно занимаетъ опредѣленную территорію, но частично онъ можетъ пребывать и внѣ ея, не теряя принадлежности къ своей Церкви. Клирикъ, находящійся внѣ географическихъ границъ своей епархіи, остается въ вѣденіи своего епископа и подчиненъ ему, какъ это устанавливается и I правиломъ Константинопольскаго Собора 879 г.

Помѣстная Церковь есть прежде всего единица *народа*, объединеннаго іерархіей, черезъ которую онъ входитъ въ единство Вселенской Церкви. Каждый сынъ Церкви, принадлежа къ Тѣлу Христову, въ которомъ нѣтъ различія между “эллиномъ и іудеемъ” (Кол. III, 11), въ духовно-культурномъ отношеніи принадлежитъ,

однако, къ какому нибудь народному организму. Если про Небесный Иерусалимъ въ Апокалипсисѣ говорится, что “спасенные народы будутъ ходить въ свѣтѣ его и цари земные принесутъ въ него славу и честь свою . . . И принесутъ въ него славу и честь народовъ” (XXI, 21-26), то какая же это можетъ быть иная слава, какъ не слава Церкви этихъ народовъ? Такъ начало народности въ Церкви освящается не только вѣковымъ ея опытомъ, но и обѣтованіемъ Слова Божія. Въ національной Помѣстной Церкви люди объединяются не только въ общемъ для всей Церкви ученіи, но и въ благодатной жизни Ея, а также и въ культурныхъ обычаяхъ, характерѣ и задачахъ.

“Въ чемъ, спрашиваетъ протоіерей М. Помазанскій, выражается моя подлинная принадлежность — и за рубежомъ — къ родной Церкви, принадлежность не духомъ только, не вздохомъ, не однимъ желаніемъ лишь, а реально къ ея соборному организму? Я могу принадлежать къ ней только черезъ іерархію Русской Церкви, іерархію русскаго преемства черезъ епископовъ, получившихъ свои полномочія отъ собора русскихъ епископовъ, сохраняющихъ свою преемственностью свою связь и включающихъ насъ въ органическую связь съ Русскою Церковью” (“Наше церковное правосознаніе”, Церковная Жизнь, № 1-2 за 1950 г. стр. 28).

Въ нашъ вѣкъ, несмотря на проповѣдь интернаціонализма, національное сознаніе у людей много острѣе, чѣмъ оно было у людей временъ Вселенскихъ Соборовъ или въ 9-мъ вѣкѣ. Национальное чувство, приобретающее иногда уродливую форму въ видѣ т. н. шовинизма, является, однако, такимъ факторомъ въ жизни, съ которымъ психологически нельзя не считаться. Оно укрѣпилось столѣтіями существованія національных помѣстныхъ Церквей. Съ его силой не могъ не считаться и Константинопольскій Патріархъ, когда онъ, принимая Митрополита Евлогія и его приходы въ свое вѣдѣніе, не включилъ ихъ въ свой греческій экзархатъ въ Зап. Европѣ, а счелъ нужнымъ учредить второй, параллельный греческому, русскій экзархатъ на той же территоріи.

Но Русская Православная Церковь Заграницей отнюдь не состояла и не состоитъ изъ церквей, находящихся только на территоріяхъ другихъ Православныхъ Церквей. Съ самаго начала въ нее вошли и ранѣе существовавшія русскія епархіи въ Америкѣ и на Дальнемъ Востокѣ а также и тѣ епархіи, которыя образовались изъ многихъ тысячъ бѣженцевъ въ неправославныхъ странахъ, не входящихъ ни въ одну изъ существующихъ автокефальныхъ Церквей.

С. В. Троицкій, какъ мы видѣли, раньше признавалъ, что заграничная часть Русской Церкви, будучи оторванной отъ Москвы, должна устраивать свою жизнь самостоятельно на основаніи Постановленія Самого Патріарха и Св. Синода отъ 7/20 ноября 1920 г.

Но въ своей книжкѣ “Размежеваніе или расколъ”, а также и теперь онъ хочетъ ограничить дѣйствіе этого Постановленія такъ, чтобы вся Русская Церковь за рубежомъ не могла быть объединена. Онъ полагаетъ, что Постановленіе можетъ примѣняться только къ небольшимъ частямъ Церкви и не можетъ служить основаніемъ для ея широкаго всезарубежнаго объединенія.

“На самомъ дѣлѣ, пишетъ онъ, на основаніи Указа могутъ быть основаны лишь *Поштныя* церковныя организаціи. По Указу, старѣйшій по сану епархіальный архіерей, для образованія Временнаго Высшаго Церковнаго Правительства “входитъ въ сношеніе съ архіереями *сосѣднихъ* епархій, находящихся въ *одинаковыхъ* условіяхъ” (ст. 2-я, ср. 4), епархія дѣлится на “группы” (ст. 2), но и такое устройство не считается обязательнымъ, а разрѣшается и образованіе Митрополичьихъ Округовъ и другихъ церковныхъ объединеній (ст. 2): или иначе” (стр. 126).

Прежде всего слѣдуетъ сказать, что понятія “сосѣдніе” и “одинаковыя условія” совсѣмъ не такъ опредѣленны. Если Американская епархія могла принадлежать къ Москвѣ, то почему она не могла быть объединена съ Балканами и съ Западной Европой? Объединеніе епархій Кубанской и Омской при раздѣленіи ихъ фронтами конечно было затруднительнымъ, но всѣ епархія по окончаніи гражданской войны оказавшіяся внѣ Совѣтской территоріи могли легко поддерживать общеніе другъ съ другомъ и были во многихъ отношеніяхъ “въ одинаковыхъ условіяхъ”.

Въ своей брошюрѣ “Единеніе или раздробленіе” я въ 1932 г. указывалъ С. В. Троицкому на то, что онъ своими разсужденіями искусственно суживаетъ смыслъ Постановленія 7/20 ноября 1920 года.

“Прежде всего, писалъ я тогда, не надо забывать, что Постановленіе вынесено во время гражданской войны. При такихъ условіяхъ “сосѣдство” надо понимать въ смыслѣ близости и возможности постоянныхъ нормальныхъ сношеній, а “одинаковыя условія” должны означать то, что епархія находится не на территоріяхъ воюющихъ между собою армій, а въ болѣе или менѣе сходныхъ правовыхъ условіяхъ жизни, допускающихъ возможность объединенія, какъ это имѣется въ Зарубежной Церкви, хотя и разбросанной по разнымъ странамъ. “Сосѣдствомъ” и “одинаковыми условіями” Постановленіе только опредѣляетъ возможность объединенія, не только

допуская объединеніе отдаленныхъ другъ отъ друга епархій, но и налагая на іерарховъ *долгъ* осуществить его, если только окажется къ тому практическая возможность. Въѣдъ преобразование одной епархіи въ округъ въ Постановленіи указывается лишь какъ выходъ изъ положенія “въ случаѣ *невозможности* установить сношенія съ Архіереями сосѣднихъ епархій” (п. 2 Постановленія). Можно ли говорить о *невозможности* для Сѣверо-Американской или Западно-Европейской епархій установить сношенія другъ съ другомъ и съ Дальне-Восточными епархіями? Наконецъ, если всѣ епископы согласны и желаютъ объединиться, то почему же имъ это не сдѣлать? Если имѣть право на образование Высшаго Церковнаго Управленія или Митрополичьяго Округа каждая отдѣльная оторванная епархія, то по какой логикѣ С. В. Троицкій оспариваетъ то же право у ихъ совокупности? Моральный же вѣсъ объединенной Русской Церкви всегда будетъ больше вѣса ея въ раздробленномъ видѣ... Если же понимать “одинаковыя условія” въ абсолютно буквальномъ смыслѣ, какъ повидимому, хочетъ того профессоръ Троицкій, то этихъ данныхъ для созданія округа нѣтъ и въ одной только Западной Европѣ, ибо въ разныхъ государствахъ, въ которыхъ имѣются церкви, составлявшія Зап. Европейскую епархію, различны законы, а слѣдовательно и условія жизни не совсѣмъ одинаковы” (стр. 3-4).

Что такоеое объединеніе практически возможно и цѣлесообразно показываетъ самый фактъ существованія Зарубежной Церкви въ теченіе уже 41-го года, при чемъ даже испытанія Второй Мировой Войны ее только на время потрясли, но не уничтожили.

Развитіе техники, воздушнаго сообщенія и телефонной связи между континентами еще болѣе сблизили “одинаковыя условія”, въ которыхъ находятся епархія Зарубежной Русской Церкви.

Какъ до Второй Великой Войны ежегодно съѣзжались архіереи изъ Европы, Америки и Дальняго Востока, такъ и теперь они съѣзжаются въ своемъ нынѣшнемъ центрѣ — Нью Йоркѣ изъ Европы, Австраліи и Южной Америки на Всезарубежные Соборы. Можно сказать, что эти епархія въ самомъ началѣ имѣли право сказать: мы слишкомъ далеко и будемъ организовываться сами безъ европейскихъ Преосвященныхъ. Такъ, цѣлый рядъ епархій Русской Церкви не вошелъ въ составъ Зарубежной Церкви (Польша, Прибалтика), и никто ихъ за это не упрекалъ, потому что этому препятствовали ихъ Правительства. Онѣ такимъ образомъ были не въ “одинаковыхъ условіяхъ” съ остальнымъ Зарубежемъ. Но тѣ части, которыя *вошли* въ объединеніе и канонически связали себя съ заграничнымъ церковнымъ центромъ, уже не имѣли права самовольно отъ него откалываться. Создавъ совмѣстно цер-

ковное правительство, онѣ канонически уже были поставлены въ отношеніи его въ одинаковыя условія и были обязаны такимъ же послушаніемъ созданному ими центру, какъ если бы это было Высшее Церковное Правительство въ Москвѣ.

Постановленіе 7/20 ноября 1920 года было издано для того, чтобы образовать твердую церковную власть въ оторванныхъ отъ Москвы областяхъ. Вотъ почему Архіерейскій Соборъ и Синодъ имѣли не только право, но и обязанность привлекать къ отвѣтственности тѣхъ іерарховъ, которые, войдя въ объединеніе Зарубежной Церкви, затѣмъ стали отрицать свой долгъ подчиненія Собору своихъ братьевъ и по отношенію къ нимъ нарушили 13, 14 и 15 правила Двукратнаго Собора. Они не могли упрекнуть Зарубежный Соборъ въ какомъ либо лжеученіи, которое по 15 правилу того же Собора одно только и даетъ основаніе для отрыва отъ своего священноначалія.

Мы не будемъ здѣсь углубляться въ вопросъ о причинахъ отдѣленія, но должны только отмѣтить, что и въ Западной Европѣ, и въ Сѣв. Америкѣ однимъ изъ важныхъ поводовъ къ отдѣленію послужило отношеніе къ плѣненной Церкви въ СССР, несмотря на то, что теперь ни послѣдователи покойнаго Митрополита Евлогія, ни т. н. Американская Митрополія фактически не подчиняются Патріарху Алексію, хотя, въ отличіе отъ насъ и не оспариваютъ законности его избранія.

Въ этомъ существенная разница между ними и Русскою Православною Церковью Заграницей. Ее правильно отмѣтилъ и С. В. Троицкій.

Кореннымъ вопросомъ является вопросъ о положеніи Церкви въ Россіи. Прежде С. В. Троицкій, какъ мною показано выше, ясно видѣлъ, что Московская Патріархія съ 1927 года стала орудіемъ Совѣтской политики. Ставъ же самъ на службу послѣдней, онъ теперь умалчиваетъ о томъ что писалъ раньше и вопреки очевидности твердитъ, что “Совѣтская власть не только не принимаетъ мѣры, чтобы “покончить со всякой религіей”, а наоборотъ, что положеніе религиозныхъ организацій въ СССР продолжаетъ улучшаться” (стр. 132).

Поскольку это утвержденіе С. В. Троицкаго ложно, поскольку нынѣшняя Московская Патріархія является въ дѣйствительности орудіемъ въ политикѣ безбожной власти и служить дѣлу Апостасіи, постольку мы не можемъ не только подчиняться ей, но и вступать въ какое либо общеніе съ ея представителями.

Напрасно насъ пугаютъ тѣмъ, что мы — меньшинство въ Православномъ мірѣ, ибо де всѣ Церкви признали Патріарха Алексія. Исторія Церкви знаетъ не мало случаевъ, когда защитники истины бывали въ меньшинствѣ, но затѣмъ вся Церковь признавала ихъ правоту. Даже и теперь у тѣхъ представителей нерусскихъ Церквей, которые признаютъ Алексія Симанскаго каноническимъ Патріархомъ всея Руси, не поднимается рука на то, чтобы подписать осужденіе обличающимъ его заграничнымъ русскимъ іерархамъ.

Мнѣ кажется, что въ глубинѣ души они не могутъ не признать нашу правоту, но затрудняются сдѣлать это открыто, такъ какъ формально они уже вошли въ общеніе съ нынѣшней Московской Патріархіей.

Иностраннымъ іерархамъ трудно было разобраться въ томъ обманѣ, которымъ окружили ихъ большевики. Они повѣрили тому, что гоненіе на вѣру кончилось и что Церковь въ СССР свободна, а поэтому и выборы Патріарха исполнѣ законны.

Но въ свѣтѣ подлиннаго положенія Церкви въ безбожномъ и воюющемъ съ религіей государствѣ ясно видно, что Русская Церковь далеко еще не вступила въ періодъ сколько-нибудь нормальной жизни и не можетъ вступить въ него при воинствующей безбожной власти, а слѣдовательно въ полной силѣ остается необходимость для Зарубежной ея части основывать свое каноническое положеніе на мудромъ и предусмотрительномъ Постановленіи Всероссийской Церковной Власти отъ 7/20 ноября 1920 г. за № 362.

Б И Б Л И О Г Р А Ф І Я .

КНИГИ И БРОШЮРЫ НА РУССКОМЪ ЯЗЫКЪ, ПОСЛУЖИВШІЯ МАТЕРІАЛОМЪ ДЛЯ СОСТАВЛЕНІЯ НАСТОЯЩАГО ТРУДА.

1. Алексѣевъ, В. Епископаты и Народъ въ СССР. 1941-1953. Ротаторное изданіе. Части I и II.
2. Его же. Иностранная политика Московской Патріархіи. 1939-1953. Ротаторное изданіе. Нью Йоркъ. 1955.
3. Андреевъ, И. проф. Замѣтки о Катакомбной Церкви въ СССР. Джорданвилль 1947.
4. Его же. Краткій обзоръ исторіи Русской Церкви отъ революціи до нашихъ дней. Джорданвилль.
4. Боголѣповъ, проф. А. А. Церковь подъ властью коммунизма. Мюнхенъ 1958.
5. Валентиновъ, А. Черная книга. («Штурмъ Небесъ»). Парижъ. 1925.
6. Виноградовъ, В. протопресвитеръ, проф. О нѣкоторыхъ важнѣйшихъ моментахъ послѣдняго періода жизни и дѣятельности Патріарха Тихона. Мюнхенъ. 1959.
7. «Возбудители раскола». Парижъ. 1927.
7. Гидуляновъ, П. В. Отдѣленіе Церкви отъ Государства въ СССР. Полное собраніе документовъ, вѣдомственныхъ распоряженій и опредѣленій Верховнаго Суда РСФСР и другихъ Совѣтскихъ Соціалистическихъ Республикъ: УССР, БССР, Узбекской и Туркменской. Москва 1926.
8. Глуховцова, Е. Евангельскіе дни въ Совѣтской Россіи. Бѣлградъ. 1931.
9. Граббе, графъ, Ю. П. Корни церковной смуты. Бѣлградъ. 1927.
10. Его же. Единеніе или Раздробленіе. (Отвѣтъ на книжку С. В. Троицкаго «Размежеваніе или Расколъ»). Новый Садъ. 1932.
11. «Дни Примиренія». Митрополитъ Николай въ Парижѣ. Сборникъ матеріаловъ подъ редакціей М. Курдюмова и Н. Полторацкаго. Парижъ 1946.
12. Документы о жизни Церкви въ Совѣтской Россіи. (Дѣло Митрополита Сергія). Рукописный сборникъ.
13. Дѣянія Русскаго Всеаграницкаго Собора. Сремски Карловцы. 1922.
14. Дѣянія Второго Всезарубежнаго Собора Русской Православной Церкви. Бѣлградъ. 1939.
15. Евлогій, Митрополитъ. Путь моея жизни. Парижъ. 1947.
16. Елевѣрій, Митрополитъ. Недѣля въ Патріархіи. Парижъ. 1933.
17. Зайцевъ Кирилль, священникъ. Православная Церковь въ Совѣтской Россіи. Шанхай. 1947.
18. Его же. Памяти послѣдняго Патріарха. Джорданвилль. 1949.
19. Зызыкинъ, М. Каноны и Завѣты.
20. Изъ дѣяній Архіерейскаго Собора Русской Православной Церкви Заграницей. Джорданвилль. 1960.
21. Иннокентій, Архіепископъ. О Церкви. Пекинъ. 1925.
22. Ироклинъ, Н. (Мельгуновъ). Религіозныя настроенія среди совѣтской молодежи. Изданіе Института по изученію Исторіи и Культуры СССР. Мюнхенъ. 1955.

23. Итоги политики Митрополитовъ Сергія и Евлогія. Парижъ. 1929.
24. Иоаннъ, Архієпископъ Брюссельскій и Западно-Европейскій. Русская За-
рубежная Церковь. Женева. 1960.
25. Коноваловъ, В. А. Отношеніе христіанина къ Совѣтской власти. С. Пауло 1936.
26. Каноническое Положеніе Православной Русской Церкви Заграницей. Изданіе
Епархіального Управленія Западно-Европейскаго Митрополичьего Округа.
Парижъ. 1927.
27. Лебедевъ, прот., М. Разруха въ Русской Православной Церкви въ Америкѣ.
Бѣлградъ. 1929.
28. Ломако, протопресвитеръ. Гр. Церковно-каноническое Положеніе Русскаго
Разсѣянія. 1950.
29. Марковъ, Н. Е. Правда о церковной смутѣ. Парижъ. 1926.
30. Маевскій, Вл. А. Сербскій Патриархъ Варнава и его время. Новый Садъ.
31. Мельниковъ, Ѳ. Е. О безбожническихъ и христіанскихъ догматахъ, таин-
ствахъ и обрядахъ. Кишеневъ. 1937.
32. Мееодій, Архієпископъ. По поводу церковныхъ несогласій. Харбинъ. 1926.
33. Его же. По поводу церковныхъ нестроеній. Харбинъ. 1927.
34. Михайловъ, П. В. Откровенныя рѣчи. Филадельфія. 1948.
35. Михаилъ Священникъ (Польскій). Положеніе Церкви въ Совѣтской Россіи.
Іерусалимъ. 1931.
36. Никодимовъ, проф., И. Н. Воспоминаніе о Кіево-Печерской Лаврѣ. Изданіе
Института по изученію СССР. Мюнхенъ. 1960.
37. Никонъ (Рклицкій), Епископъ (съ VI тома Архієпископъ). Жизнеописаніе
Блаженнѣйшаго Антонія, Митрополита Кіевского и Галицкаго. Нью Йоркъ.
Томъ I, 1956. Томъ II и томъ III, 1957, Томъ IV, 1958. Томъ V, 1959. Томъ VI,
1960. Томъ VII, 1961.
38. Основы теоріи Государства и Права. Коллективное авторство. Госюриздатъ,
Москва. 1960.
39. Патриархъ Сергій и его Духовное Наслѣдство. Изданіе Московской Патриар-
хіи. Москва. 1947.
40. Персицъ, М. М. Отдѣленіе Церкви отъ Государства и Школы отъ Церкви
въ СССР. Изданіе Академіи Наукъ СССР. Москва. 1958.
41. Польскій, прот., М. Современное состояніе Православной Церкви въ СССР.
1946.
42. Его же. Американская Митрополія и Лосъ Анжелоскій Процессъ.
43. Его же. Каноническое Положеніе Высшей Церковной Власти въ СССР и
Заграницей. Джорданвилль. 1948.
44. Его же. Новые Мученики Россійскіе. Джорданвилль. Т. I, 1949. Т. II, 1957.
45. Родзянко, М. Правда о Зарубежной Церкви. 1954.
46. Раръ, Глѣбъ. Плѣненная Церковь. Франкфуртъ на Майнѣ. 1954.
47. Русская Православная Церковь. Изданіе Московской Патриархіи. 1958.
48. Русская Православная Церковь въ Сѣверной Америкѣ. Историческая справ-
ка. Джорданвилль. 1955.
49. Скорбное Дѣло. Судебный Процессъ Митрополита Владиміра, Экзарха
Константинопольскаго Патриарха противъ Русской Успенской церкви при
Кладбищѣ въ Сентъ-Женевьевъ-де-Буа. Парижъ. 1957.
50. Стратоновъ, И. Русская Церковная Смута. Берлинъ. 1932.
51. Тальбергъ, Н. Д. Церковный Расколъ. Парижъ. 1927.
52. Троицкій, С. проф. Что такое Живая Церковь. Варшава. 1927.
53. Его же. Размежеваніе или Расколъ. Парижъ. 1932.
54. Его же. О неправдѣ Карловацкаго Раскола. Парижъ. 1960.

55. Чернавинъ, прот., I. VII Всеамериканскій Церковный Соборъ. Нью-Йоркъ 1947.
56. Шлеманъ, священникъ, А. Церковь и Церковное Устройство. Парижъ. 1949.
57. Никодимовъ, И. Н. проф. Воспоминаніе о Кіево-Печерской Лаврѣ. Изданіе Института по изученію СССР. Мюнхенъ. 1960.
58. Хрущевъ. Рѣчь Хрущева на открытомъ засѣданіи Съѣзда КПСС. Мюнхенъ. 1956.
59. Церковная Лѣтопись. № № 1 и 2. Парижъ 1946.
60. «Церковь Христова и Церковь Лукавнующихъ» во дни Апостасіи. Три письма исповѣдниковъ изъ Совѣтской Россіи.

КНИГИ НА ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКАХЪ.

61. Anderson, Paul B. L'Eglise et la Nation en Russie Sovietique. Paris. 1946.
62. Его же. The Orthodox Church in Soviet Russia. Article in Foreign Affairs, January. 1961.
63. Bensin, Dr. Basil. History of the Russian Orthodox Greek Catholic Church of North America. New York. 1941.
64. Braun, Leopold, A. A. Religion in Russia, Paterson, N. J., 1958.
65. Его же. Has Communism changed since Lenin. Paterson, N. J. 1959.
66. Church and State Behind the Iron Curtain. Edited by V. Gsovski. New York. 1955.
67. Conference in defence of peace of all Churches and Associations in the USSR. Moscow. 1952.
68. Curtis, John Shelton. The Russian and the Soviet State. Boston. 1953.
69. Gsovski Vladimir. Reform of the Criminal Law in the Soviet Union. Reprinted from Social Problems, Vol. VII, № 4, Spring 1960.
70. Gustafson, Arfed. Die Katakomben Kirche. Stuttgart. То же по англійски: The Catacomb Church. Jordanville. 1960.
71. Highlights of Current Legislation and Activities in MidEurope. Library of Congress. Edited by Dr. V. Gsovski. Vol. VII, № 1, 2 & 3. January, February and March 1959.
72. Kischkowsky Alexander. Die Sovietische Religionspolitik und die Russische Orthodoxe Kirche. München. 1960.
73. Kirche im Osten. Studien zur Osteuropäischen Kirchengeschichte und Kirchenkunde. Stuttgart. 1960.
74. London, Ivan and Nikolai Poltoratzky. Contemporary Religious Sentiment in the Soviet Union. Psychological Reports. Monograph suppl. 3, Southern University Press. 1957.
75. Metropolitan Nicolai. Agent in Soviet Secret Police. Compiled by Carl Mc Intire. Collingwood.
76. Probleme Religieux en U.R.S.S., Le. La Documentation Francaise. Presidence du Conseil. Secretariat General du Gouvernement. Paris. 9 Oct. 1954.
77. Mc Intire, Carl. Servants of Apostasy. Collingwood, N. J. 1955.
78. The Russian Revolution and Religion. Translated and edited by Boleslav Szczesniak. Univ. of Notre Dame Press. Notre Dame, Indiana.
79. Religion in the USSR. Institute for the Study of the USSR. Munich. 1960.
80. Shuster, George N. Religion Behind the Iron Curtain. New York. 1954.

81. Superior Court of the State of California in and for the County of Los Angeles. Decision. 1949.
 82. Timasheff, N. S. Religion in Soviet Russia. London. 1948.
 83. Troitzky, Professeur S. De l'Autocephalie dans l'Eglise. Paris. 1952.
 84. Его же. De la Structure de l'Eglise. Paris. 1958.
-

ПЕРИОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

1. Вѣстникъ Русскаго Христіанскаго Студенческаго Движенія. Парижъ.
2. Единая Церковь. Нью Йоркъ.
3. Журналъ Московской Патріархіи. Москва.
4. Православная Русь. Джорданвилль.
5. Путь. Парижъ.
6. Русско Американскій Православный Вѣстникъ. Нью Йоркъ.
7. Церковныя Вѣдомости. Сремскіе Карловцы.
8. Церковная Жизнь. Сремскіе Карловцы, Бѣлградъ, Мюнхенъ, Нью Йоркъ.
9. Irenicon, Chevetogne.
10. The Ecumenical Review, Genève.
11. The Living Church. Milwaukee, Wisc.
12. The Word. Official publication of the Syrian Antiochian Orthodox Archdiocese. Brooklyn, N. Y.

Авторъ пользовался еще и другими зарубежными и совѣтскими журналами и газетами, а также Архивомъ Канцеляріи Архіерейскаго Синода Русской Православной Церкви Заграницей.

О Г Л А В Л Е Н І Е .

	стр.
ГЛАВА ПЕРВАЯ.	
Вмѣсто Предисловія	3.
ГЛАВА ВТОРАЯ.	
Всероссійскій Соборъ	7.
ГЛАВА ТРЕТЬЯ.	
Единоличная власть	14.
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.	
Козни враговъ и противодѣйствіе имъ	19.
ГЛАВА ПЯТАЯ.	
Посланія и “Завѣщаніе” Патріарха Тихона	32.
ГЛАВА ШЕСТАЯ.	
Періодъ отъ кончины Патріарха до деклараціи Митрополита Сергія	61.
ГЛАВА СЕДЬМАЯ.	
Декларация Митрополита Сергія и ея послѣдствія	74.
ГЛАВА ВОСЬМАЯ.	
Власть отъ Бога или Апостасія?	94.
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.	
Неканоничность нынѣшней Московскоя Патріархіи	116.
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.	
На службѣ Апостасіи	140.
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.	
Нынѣшнее положеніе Церкви въ СССР	169.
ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.	
Каноническій путь Русской Зарубежной Церкви	188.
БИБЛИОГРАФІЯ	213.

ЗАМЪЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

Стр.		Напечатано	Читать
4.	19 строка снизу	Митрполита	Митрополита
8.	11 строка снизу	Надо	надо
43.	17 строка сверху	вынудилъ	вынудить
47.	19 строка сверху	послѣ слова «совѣщаніи»	пропущено: о существованіи
52.	12 строка снизу	дерективъ	директивъ
77.	21 строка сверху	новой	новомъ
""	22 строка сверху	Совѣтской конституціи	Совѣтскомъ законѣ
123.	1 строка снизу	1947	1937
128.	2 стр. сверху и 14	снизу Драгомировской	Дорогомиловской
140.	6 строка снизу	апастасійною	апостасійною
181.	4 строка снизу	вовнѣ	извнѣ
213.	Въ Библиографіи ошибочно повторены №№ 4 и 7.		

